«Усятской россыпи» - 15 лет

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

1 - Николай Миронов: «Приказ для нас» - стихи, стр. 1;

2 - «Первый в Прокопьевске» - о герое РФ А.Е. Тихонове - публицистика, стр. 2;

3 - «Ачинские вехи» - публицистика, стр. 2;

4 - Анатолий Гуляев: «50 лет со дня окончания АВАТУ, 1972-й – 2022 годы » - проза, стр. 2, 28-40; 5 - Александр Макатревич: «Штрафная рота»,

«Следы на воде» - проза и пьеса в стихах, стр. 4-9:

6 - Александр Васюнов: «Параллельные миры нашей жизни» - проза, стр. 10-15;

7 – ЛиТерра «Край ты мой, родимый край» - Итоги конкурса одного стихотворения, посвященного 300-летию Кузбасса - публицистика, стр. 14;

8 - Нина Струц: «Струился звёздный свет

издалека» - стихи, стр. 15;

9 – Тайана Тудегешева: «Когда во мне угаснет дух горенья» - стихи, стр. 16-17;

10 - Людмила Иванова: «Ручной дракон» - стихи, стр. 18-19;

11 - Олег Афанасьев: «Жить сложнее с каждым днём» - стихи, стр. 20-21;

12 – Иван Абин: «Красная зона» - стихи, стр. 21;

13 - Людмила Танкова: «Корона для одуванчика», «Жизнь такая пошла», «Ну, тестюшко...» - проза, стр. 22-27;

14 - Презентация книги «Из истории Сибири и Кузнецкого края» - публицистика, стр. 40;

14 - Владимир Черноусов: «Как ангел,

спасательный круг» - стихи, стр. 41;

15 - Александр Колтаков: «Истина где-то рядом» проза, стр. 42-45;

16 – Вячеслав Елатов: «Неюбилейная» литературоведение, стихи, стр. 46-47;

17 - Наталья Казанина: «Счастье мирское призрачно» - стихи, стр. 48-49;

18 – Нина Савенкова: «Мы связаны нитью незримой» - стихи, стр. 50;

19 - Сергей Гринберг: «Пушкинские викторины» литературоведение, стр. 51;

20 - Николай Миронов: «Вынужденный жить-4», «Пацаны» - проза, стихи, стр. 52-54;

21 - «Мир входящему» - публицистика, стр. 54;

22 - Сергей Павлов: «Случайная встреча»,

«Землячка» - проза, стр. 55-56.

Приказ для нас

Прозвучи суровой нотой горло: Нет, мы петь не будем, как вчера. Кто погиб под Горловкой — нам больно... Поминальной пусть горит свеча. Нет, мы не посмеем веселиться: Пацаны воюют за Донбасс... Там, в Луганске, снова скорбь на лицах, Поддержать их — вот для нас приказ! Наша армия с народом нераздельна: Их страданья наши души жгут. В бездну входим с каждым непременно, Для кого прощальный дан салют. Мы потом все выпьем, в дни Победы -Я уверен, правда победит. Мощь страны ковали наши деды, Этим россиянин дорожит.

Николай Миронов. Кузбасс, г. Осинники.

ООО Редакция «Литературно-художественной газеты Альманах «Усятская россыпь». Юридический адрес редакции: 653013, РФ, Кемеровская область-Кузбасс, г.Прокопьевск, ул. Алмазная, д. 56. ИНН/КПП 4223044383/422301001

OΓPH <u>1064223028572</u> oτ27.12.2006

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС12-1286 от 12.02.2007 г.

p/c 40702810900000001744 «БСТ-БАНК» АО

K/c № 3010 1810 000 000 000 706

БИК 043209706 p/c № 40702810900000001744

ОКПО 97770147

OKATO 32437000000 OKTMO 32737 000

ОКФС 16

ОКОПФ 12300

ОКВЭД 22.1,22.11,22.12,22.13,22.15,51.47.2,58.13.1

Адрес издателя: 653013, ГСП, Кемеровская область, г.Прокопьевск, ул.Алмазная, д. 56.

Директор/гл. редактор: Гуляев Анатолий Николаевич тел.: 8 906 987 1955

Технический редактор: Танкова Л.А.

Время сдачи в печать 27.04.2022г.: по графику -14.00; фактически -14.00.

Дата выхода 29. 04. 2022 г.

Адрес типографии: АО «Советская Сибирь», г. Кемерово, ул. Карболитовская, 1 «Г». Газета распространяется на территории Кемеровской области. Объём 14.0 п.л.; Заказ № ; Тираж 500 экз.

Цена договорная.

Первый в Прокопьевске

В Прокопьевске на аллее Героев установлена памятная стела-обелиск в честь Героя Российской Федерации генерал-полковника ФСБ Тихонова Александра Евгеньевича.

В книге Анатолия Гуляева «Из истории Сибири и Кузнецкого края» есть информация о втором роде усятских Тихоновых: «В семье у Евгения Васильевича и Полины Никитичны Тихоновых было двое детей: сын Александр Евгеньевич, ориентировочно, 1953 года рождения, и дочь Елена Евгеньевна, ориентировочно, 1964 года рождения.

По слухам, ходившим в Усятах, Александр Евгеньевич Тихонов после окончания средней школы в Киселёвске поступил учиться в Новосибирское высшее военно-политическое училище, окончил его и в процессе воинской службы дослужился до воинского генеральского звания».

Кто же он, первый и пока единственный Герой России из Прокопьевска? Это начальник Центра специального назначения ФСБ России, генерал-полковник Александр Евгеньевич Тихонов, который родился в Усятах 17 августа 1952 года. С 1974 года по 1991 год проходил службу на оперативных и руководящих должностях КГБ Таджикской ССР. В 1991 году был переведён в Москву, где руководил деятельностью ряда подразделений органов безопасности по борьбе с организованной преступностью.

С 1998 года — начальник ЦСН ФСБ России, ведущего оперативно-боевого подразделения страны, предназначенного для непосредственного пресечения актов терроризма, задержания особо опасных преступников и обеспечения безопасности важных общественно-политических мероприятий.

Под руководством и при непосредственном участии генерал-полковника Тихонова А.Е. проведены сотни боевых операций по нейтрализации банд на Северном Кавказе, освобождались заложники, захваченные террористами в театральном комплексе на Дубровке в октябре 2002 года и в средней школе № 1 города Беслана.

За мужество и героизм, проявленные при исполнении воинского долга, наш земляк награждён: орденами Красной Звезды, Мужества, Почёта, Александра Невского, «За личное мужество», «За заслуги перед Отечеством» III степени, «За военные заслуги», «За заслуги перед Отечеством» IV степени, Святого Георгия IV степени.

В 2003 году Указом Президента Российской Федерации генерал-полковнику Тихонову Александру Евгеньевичу присвоено звание Героя Российской Федерации с вручением знака особого отличия — медали «Золотая Звезда».

Ачинские вехи

Из официальных источников об истории города Ачинска

Годом основания города Ачинска Красноярского края считается 1683-й, хотя тогда это был обыкновенный острог, в котором проживало всего 15 человек.

Название города сформировалось, по мнению современных историков, из местной мифологии. Существует две версии названия города.

Первая версия говорит, что оно перешло от названия племени ачыгах — тюрко-язычного племени местных кочевых народностей, веками селившегося на берегах реки Чулым.

Приверженцы второй версии настаивают, что название города произошло от названия киргизского племени (рода) — ач, первых поселенцев в этих местах.

Так уж случилось, что город Ачинск был основан на главной дороге следования людских масс с Запада на Восток и обратно.

Оттого до 20 века местные власти Ачинска лишь собирали дань (налог) со всех проезжающих и проходящих людей через их город. В том числе и в древние времена, когда проезжими людьми были только кочевники

Спустя какое-то время острог начинает исполнять функции перевалочного пункта между двумя важнейшими городами Сибири — Тобольском и Иркутском.

Статус уездного город **Ачинск** получил в 1782 году.

1820 год стал поворотным в истории города, именно в этот год власти Ачинска разработали и внедрили в жизнь план развития города и его застройки. Спустя всего лишь два года, в 1822-м, Ачинску был присвоен статус окружного города Енисейской губернии

Через Ачинск проходит маршрут с товарами китайского производства и отправляется в Тобольск (главный город Сибири), после которого китайские товары распространяются во все города Российской империи. С этих пор в Ачинске начинают зарождаться первые подобия гостиниц для проезжающих через него купцов и прочей знати.

Конец 19 века стал для Ачинска ещё одной временной вехой, поспособствовавшей его интенсивному развитию. В этот период здесь, помимо открытия новых промышленных предприятий, появляются несколько музеев и библиотек, первая женская гимназия, типография и метеорологическая станция. Кроме этого, на закате века Ачинск становится городом, через который проходит строительство Транссибирской железнодорожной магистрали.

С 1892-го по 1896 годы была построена Западно-Сибирская железная дорога (Челябинск-Обь) протяжённостью 1481 километр. С 1893-го по 1899 годы построена Средне-Сибирская железная дорога (Обь Иркутск) протяжённостью 1818 километров.

До этой поры в городе было два мыловаренных завода, несколько кожевен, фабрика по производству полотен и свечной завод.

С началом 20 века число жителей в Ачинске начало интенсивно расти, в основном за счёт роста числа мигрантов из европейской части Российской империи (из-за Столыпинской крестьянской реформы и прочих внешних и внутренних факторов), многие переселенцы трудоустраивались на городские предприятия, число которых с каждым годом росло.

С тех пор «дожил» в Ачинске до наших дней кирпичный завод, который (как принято считать — А.Г.) был построен в 1914 году (подчеркну, по официальной версии — А.Г.) и в то время стал одним из крупнейших промышленных предприятий города.

Советская власть в Ачинске признана была не с первой попытки. Связано это с тем, что в тот период как в самом городе, так и в его окрестностях действовали многочисленные партизанские отряды отступивших из города белогвардейско-колчаковских войск, которые, продолжая борьбу с большевиками, устраивали в городе всевозможные провокации, направленные на подрыв доверия жителей города советской власти.

С белой партизанщиной в Ачинске было покончено в 1920 году, тогда началось интенсивное строительство железнодорожной ветки «Ачинск — Абакан».

В самом начале Великой Отечественной войны (в июле-августе 1941 года) в Ачинск было эвакуировано Киевское военное пехотное училище (которое, вероятно, было расквартировано в городе в военном городке царских времён — А.Г.). С первых дней своего прибытия на новое место училище приступило к работе.

При этом город, быстро перестроившийся на военный лад, начал выполнять несколько новых для себя, теперь уже основных, функций.

Во-первых, началось быстрое перераспределение людских масс, свозимых в Ачинск большим потоком по Транссибу (эвакуированных людей из прифронтовых районов, занимаемых гитлеровскими оккупантами).

Во-вторых, многократно увеличилась нагрузка на действующие в городе промышленные предприятия, на которых трудились буквально все горожане, за исключением беременных женщин, в том числе и сверхурочно. При этом все годные для воинской службы по состоянию здоровья мужчины, проходившие начальную военную подготовку, отправлялись на фронт.

После победоносного окончания Великой Отечественной войны город продолжает интенсивно развиваться.

В 1953 году началось строительство крупнейшего в Советском Союзе Ачинского глинозёмного завода (АГЗ), позднее АГК.

Не обошло стороной Ачинск и интенсивное освоение сибирских нефтяных месторождений: в 1972 году начал функционировать Ачинский нефтеперерабатывающий завод. Эти заводы и поныне считаются в Ачинске основными градообразующими предприятиями.

...После победоносного окончания Великой Отечественной войны в стране интенсивно начала развиваться военная авиация Вооружённых Сил Советского Союза, к тому же началось и качественное её изменение: на смену винтомоторным самолётам с поршневыми авиационными двигателями в войска начали поступать новейшие самолёты с реактивными авиационными двигателями: МиГ-15/17, Ил-28, Ту-16 и другие.

Именно в те годы перед руководством страны и командованием Вооружённых Сил остро встал вопрос подготовки квалифицированных кадров, способных грамотно эксплуатировать и обслуживать новую авиационную технику как в воздухе, так и на земле. В связи с этим стали перепрофилироваться имевшиеся в стране военные учебные заведения, а также создаваться новые.

Анатолий ГУЛЯЕВ

Анатолий Николаевич Гуляев родился в Прокопьевске (Усятах), там же прошли его детство и юность. В 1969 году его направили в военное авиационно-техническое училище. Военный авиационный инженер, полковник запаса ВВС. Литературным творчеством занимается с курсантской скамьи. Всё началось с писем, в которых были первые рифмы, первые стихи. Богатый армейский опыт, прошедший через тексты технического и служебного характера, перерос в литературно-художественные произведения.

С 1998 года, на протяжении трёх лет, работал главным редактором городской газеты «Народовластие» в Прокопьевске. С 2007 года — редактор и издатель Литературно-художественной газеты Альманах «Усятская россыпь».

50 лет со дня окончания АВАТУ (1972-й – 2022 годы)

Историческая повесть

Краткая история Ачинского военного авиационнотехнического училища (АВАТУ) им. 60-летия ВЛКСМ

История Ачинского военного авиационно-технического училища (АВА-ТУ) имени 60-летия ВЛКСМ началась 25 декабря 1947 года, с начала формирования Ачинской военной авиационной школы механиков Дальней Авиации (АВАШМ ДА). Начальником школы с момента её открытия был назначен боевой и прославленный военный лётчик полковник Чумак Фёдор Савельевич (позднее, генерал-майор), участник гражданской и Великой Отечественной войн, кавалер орденов Ленина, Красного Знамени и Красной Звезды. В начале 1930 годов он был командиром 1-й авиаэскадрильи Борисоглебской военной школы лётчи-

Костяком вновь сформированной Ачинской военной авиационной школы механиков Дальней Авиации стал «разношёрстный» офицерский состав, собранный, можно сказать, с миру по нитке. Среди них были Касьянов В.А. — участник штурма Зимнего дворца в 1917 году, три участника гражданской войны, а также 171 участник Великой Отечественной войны, многие из которых были кавалерами государственных и боевых военных наград.

Семь человек являлись кавалерами ордена Ленина: полковники — Чумак Ф.С. (начальник школы) и Панов П.Д. (зам. начальника школы по МТО), майор Зуйков А.Ф. (преподаватель самолётного цикла) и другие.

22 человека были кавалерами ордена Красного Знамени: Чумак Ф.С., Панов П.Д., Зуйков А.Ф., Ржавин И.Я. и другие. 128 человек являлись кавалерами ордена Красной Звезды и так далее.

К середине 1948 года в основном были укомплектованы командным составом три учебных батальона. Первыми командирами учебных батальонов и рот стали Ширяев А.В., Пухов П.И., Смирнов И.А., Щёткин К.Ф., Скобелев П.М., Тихомиров Н.И. и другие.

Начальниками циклов были назначены: Буянов А.А (тактического), Тэтэр Я.Я. (СЭЦ), полковник Игнатович

В.А. (авиационного), майор Курлис Ф.Г. (эксплуатационного), Вотинцев С.А. (моторного), майор Иванов В.И. (стрелково-пушечного), учебный отдел возглавил майор Галахов М.И.

Им, первым командирам и преподавателям, пришлось начинать всё, можно сказать, на пустом месте, или, как теперь говорят, с чистого листа.

Для организации учебного процесса не было ни авиационной техники, ни учебного аэродрома. В учебных корпусах было печное отопление, а в учебных аудиториях, классах и в курсантских казармах — бетонные полы.

Вокруг штабных помещений, учебных корпусов, курсантских казарм и прочих служебных и жилых помещений не было ни дорог, ни пешеходных тротуаров.

Город не в состоянии был обеспечить военную авиационную школу ни водой, ни электрической энергией в нужном количестве. Оттого для освещения многих помещений использовались керосиновые лампы, а воду возили из Чулыма на бричках.

Многие офицеры школы прибыли к новому месту своей службы из строевых действующих воинских частей, опыта преподавательской работы не имели.

Большой трудностью на первых порах являлась и нехватка переменного личного состава школы (курсантов), которые в процессе учёбы были задействованы для несения гарнизонной и караульной служб и для хозяйственно-бытовых работ. Из-за нехватки переменного личного состава нередко в караулы в качестве разводящих назначались молодые офицеры (лейтенанты, старшие лейтенанты, а то и капитаны).

Тем не менее, все подготовительные работы к началу учебного процесса в школе к 30 октября 1948 года были закончены, и с 1 ноября начался плановый учебный процесс.

17 ноября 1948 года Ачинской ВАШМ ДА было вручено Красное Знамя воинской части.

Срок обучения курсантов первого и последующих наборов школы проходил на протяжении одного года.

Буквально через два года, в 1950-м, в качестве эксперимента был произведён набор одной роты (около двухсот человек) для обучения на авиационных

техников (офицеров) при том же, одногодичном сроке обучения.

25 июня 1951 года по решению Генерального Штаба ВС СССР Ачинская военная авиационная школа механиков была переформирована в Ачинское военное авиационно-техническое училище с трёхгодичным сроком обучения курсантов.

В июле 1953 года состоялся первый выпуск офицеров-техников АВАТУ.

С 1961 года в АВАТУ начали готовить специалистов по эксплуатации электро- и приборного оборудования самолётов дальней авиации. Возглавил это новое направление деятельности училища выпускник Ленинградского военного института имени Можайского, участник Великой Отечественной войны Черномордик Г.А., помощниками которого являлись Гузовский В.М., Ельцов М.В., Карганников И.Т., Моисеев Г.И., Аристов Б.А. и другие.

В 1977 году неузнаваемо изменился учебный аэродром АВАТУ, на нём были оборудованы стоянки самолётов с бетонным покрытием.

В 1978-м, к году своего 20-летия, АВАТУ подготовило и выпустило из своих стен более 20 тысяч авиационных специалистов инженерно-технического профиля (авиатехников по трём специальностям — СД, АВ и АО).

29 октября 1979 года Приказом МО СССР в ознаменование 60-летия ВЛКСМ АВАТУ было присвоено именное название — «Имени 60-летия ВЛКСМ», а комсомольская организация училища была награждена переходящим Красным Знаменем ЦК ВЛКСМ.

В 1988 году на первом этаже штаба училища был открыт музей истории АВАТУ, экспозиции которого рассказывали о становлении и деятельности училища на протяжении 40-летнего пути.

В 1991 году были введены в строй две новые благоустроенные курсантские казармы и многоквартирный жилой дом для семей офицеров, прапорщиков и служащих военного гарнизона АВАТУ.

История прославленного Ачинского военного авиационно-технического училища бесславно закончилась с началом нового тысячелетия, в 2000 году, прекращением его деятельности и расформированием, как и многих других военно-учебных заведений.

За 53 года своего существования АВАТУ выпустило около 30 тысяч высококвалифицированных специалистов авиационно-технического профиля, которые проходили воинскую службу в авиационных частях всех видов и родов войск Вооружённых Сил СССР и РФ, как в нашей стране, так и за её пределами, принимали участие и достойно представляли нашу Родину в боевых действиях локальных конфликтов и ликвидации чрезвычайных происшествий в различных точках земного шара.

26 февраля 1986 года геройски погиб в бою в Афганистане выпускник АВА-ТУ старший лейтенант Молоденков Юрий (член экипажа подбитого вертолёта, высаживавшего десант на горный хребет). Вступив в бой с противником, он уничтожил из пулемёта более 200 душманов и склад с оружием. За совершённый подвиг он посмертно был награждён орденом Боевого Красного Знамени. Орденом Красной Звезды, посмертно, награждён капитан Шемунь В.Ф., выпускник АВАТУ 1963 года.

Также, орденом Красной Звезды награждены: старший лейтенант Мишуткин В.И. — выпускник АВАТУ 1972 года, старший лейтенант Штейнгауэр В.Г. — выпускник АВАТУ 1981 года, старший лейтенант Перминов В.В. — выпускник АВАТУ 1983 года.

Орденом «За службу Родине в ВС СССР» 3-й степени награждён лейтенант Чернышенко Андрей Викторович — выпускник АВАТУ 1985 года, вручную обеспечивший выброску 17 тонн грузов в открытый люк вертолёта Ми-6 в разрушенный реактор Чернобыльской АЭС, получивший при этом дозу облучения, многократно превышающую допустимую для организма человека.

Многие выпускники АВАТУ продолжили своё образование в различных военных вузах ВВС МО СССР, стали главными инженерами лётных авиационных частей, объединений и соединений, преподавателями и учёными. Только в рядах профессорско-преподавательского состава Военно-воздушной академии имени профессора

Продолжение на стр. 28.

Александр МАКАТРЕВИЧ

Родился в 1955 году в Киргизии. В 1972-м окончил школу, рабочий. Участник боевых действий в Афганистане. В 2006-м переехал в Новокузнецк.

До 2016 года работал в Водоканале слесарем- инструментальшиком. Литературным творчеством занимается давно. Пишет стихи и прозу, но публиковаться начал с 2018 года в ЛХГА «Усятская россыпь».

Штрафная рота

Посвящается моему отцу Николаю, участнику Великой Отечественной войны

- Ну что, Чистяков, так и будешь продолжать молчать, майор спецотдела неторопливо куря папиросу, постукивая ребром дорогого портсигара по столу, презрительно смотрел на стоящего перед ним худого капитана с разбитым лицом.
- В любом случае ты подпишешь признание сегодня или завтра, но ты его подпишешь. Не трать моё время. У меня таких, как ты, дезертиров, целый вагон. Будь моя воля, я тебя шлёпнул бы ещё вчера. Подписывай, не кочевряжься! и майор с силой ударил кулаком по лежащей перед ним папке.
- Вы ищете, майор, врагов там, где их нет. В который раз повторяю, после бомбёжки я был контужен и завален землёй в окопе. Еле выполз из-под завала. Живых из своей роты никого не нашёл. Кругом были одни погибшие вместе с политруком. Осмотрелся, подобрал автомат погибшего бойца, свой ТТ так и не смог найти и, стараясь не попадаться фашистам на глаза, перелесками дошёл до линии, благо, она была недалеко. Ко мне по пути прибились трое артиллеристов. Боевые ребята! Ночью, при переходе немецких окопов, двое погибли. А мы вдвоём с сержантом прорвались к своим. Вот так всё и было, товарищ майор.

Чистяков с трудом опёрся о стену, чтобы не упасть.

- Тамбовский волк тебе товарищ! Твой артиллерист уже дал признательные показания и был расстрелян ещё вчера вечером как изменник Родины. Очередь за тобой. Так будешь подписывать или нет? Последний раз тебя спрашиваю, и майор с разворота ударил Чистякова по лицу. Охнул и отскочил, схватившись за окровавленный кулак
- Руку отбил. Костлявый, падла...
   Майор махнул стоящему в углу лейтенанту с закатанными рукавами.
- Стручков, продолжай, у тебя это лучше получается, и стал вытирать кровь с разбитого кулака полотенцем.

Лейтенант методично стал наносить удары в грудь, живот, челюсть допрашиваемого, наконец, устал.

– У меня тоже кулаки болят. Ну, попалась такая костистая скотина. Артиллерист посправнее был.

Чистяков, потеряв от боли сознание, рухнул на пол.

- Признается, товарищ майор, не таких ломали, - Стручков для подтверждения своих слов принялся избивать ногами, обутыми в тяжёлые

яловые сапоги, лежащего неподвижно капитана, сдабривая удары отборным матом

— Эт точно! Что, хлебнём чайку, лейтенант, и начнём заново. Пора с ним заканчивать, у нас на очереди ещё бежавший из плена лётчик. Но того-то мы быстро расколем. Это ему не в небе летать, будем его учить ползать в собственном дерьме по земле, — и оба дружно заржали.

Лейтенант, закурив, принялся стирать тряпкой кровь с рук и сапог.

Дверь в избу внезапно распахнулась. В помещение вошла группа офицеров во главе с членом Военного Совета Хрущевым Н.С., инспектирующим войска.

Майор проворно вскочил по стойке смирно.

- Здравия желаю, товарищ... и остановился, выискивая на кителе вошедшего знаки различия, и, не найдя их, застыл в недоумении.
- Что тут происходит? Мне показалось, идёт допрос пленных немцев? Я что, ошибся? и он взглянул на одного из сопровождающих офицеров. Полковник, я жду объяснений, сказал Хрущёв, взглянув на военного, лежащего на полу.
- Майор, ты что, язык проглотил, докладывай, я жду.
- Дезертир. Бывший капитан Чистяков оставил поле боя, обрёк своих солдат на погибель. Достоин самого сурового наказания.

Тело лежащего на полу капитана дёрнулось и приподнялось на локтях.

- Полнейшая ложь, Чистяков, сплюнув сгустки крови, попытался привстать.
- Майор, посадите его на стул! Чтото эта фамилия у меня на слуху.

Майор с лейтенантом проворно выполнили приказание. Стручков полотенцем вытер разбитое лицо капитана.

- Я полгода назад после событий под Сталинградом по поручению Верховного главнокомандующего производил награждение солдат и офицеров и, если мне не изменяет память, среди них был лейтенант Чистяков. Орден Боевого Красного Знамени достойная награда, член Военного Совета внимательно посмотрел на допрашиваемого.
- Так точно! Чистяков попытался встать со стула и едва не упал. Он понял, что для него это был последний шанс остаться в живых.
- Вы не ошиблись это я. Я всегда был предан своей Родине и своему народу. Обвинения товарища майора не

соответствует действительности. Поля боя не покидал. После бомбёжки был контужен и засыпан землёй в окопе. Пришёл в себя, выполз из-под завала. Вокруг были только погибшие. Перевязав голову, я направился в расположение наших войск. Больше мне нечего сказать.

Офицеры, сопровождающие Хрущёва, переглянулись.

— На чём основаны твои обвинения, майор? А, впрочем, о ваших методах выколачивать признания я наслышан. Капитану вернуть документы и звание! Привести в порядок и направить на передовую! Там не хватает боевых офицеров. А свои доказательства можешь заткнуть себе в одно место!

Осмотрев с ног до головы особиста, одетого в новую форму для высшего комсостава, в начищенных до блеска хромовых сапогах, никогда не знающего грязи окопов, Хрущёв пренебрежительно сплюнул.

— С оружием в руках на передовой от тебя, майор, было бы больше пользы! Хотя я в этом сомневаюсь. О выполнении приказа доложишь комполка. Выполнять. Я проверю, — и, обернувшись к Чистякову, добавил, — А ты, Чистяков, служи и дальше верой и правдой своей Родине.

Резко повернувшись, член Военного Совета вышел из избы.

Капитан Чистяков добирался до передовой на попутке, доверху загруженной снарядами. Седина совсем не соответствовала его возрасту. Он до сих пор не верил в счастливое стечение обстоятельств. Совпадение? Скорее, случайность, что член Военного Совета, инспектируя войска, зашёл в роковую избу и вспомнил его фамилию. Хорошо то, что хорошо кончается!

Майор выполнил данное ему приказание, но напоследок совершил подлость. Оформил направление капитану в штрафную роту.

Да какая разница, где служить? Главное, делать то, чему его учили в военном училище. С солдатами, с которыми бъёшься с врагом и ешь из одного котла, всегда найдёшь общий язык.

Бойцы роты приняли его с холодком. Два дня назад погиб их командир, которого они называли Батькой. И это была не фамильярность, а уважение. Чистяков понял, что заслужить их доверие будет непросто. Да и личный состав был далеко не подарок. Дезертиры и уголовники, пожелавшие кровью искупить свою вину перед Родиной.

Поживём – увидим.

... Чистяков в бинокль осмотрел передовую линию немцев.

Немцы одели свою передовую в колючку. На сотни метров тянулись многоярусные ряды проволоки, заблаговременно предупреждая о своей неприступности. «Но разве это нас остановит?» — думал он.

Расположение роты по отношению к врагу было не очень выгодным. Левый край линии окопов врезался в открытое, хорошо простреливаемое с немецких позиций поле. Правый прятался за перелеском и небольшими холмами. Вооружение роты желало оставлять лучшего. «Максим» и два «Дегтеря». У бойцов — преимущественно трёхлинейки. Автоматы, раз, два и обчёлся.

С ходу капитан обозначил недостатки, которые необходимо устранить. В некоторых местах окопы необходимо было углубить. Бойцов, понюхавших пороха, разместить среди новичков.

Капитана встретил его заместитель, младший лейтенант Галушко. По виду — только из училища.

«И когда успел заслужить штрафную? Ничего, разберёмся. Не всё сразу».

На старшину у него были большие надежды. Понятно, старый вояка. На передовой с первого дня войны. При авианалёте его пароконную упряжку, полную продуктов и консервов, разбомбили немцы. За утерю продуктов был направлен в штрафную часть. Хорошо, хоть не расстреляли.

«Ничего, притрёмся. Война план покажет». Капитан чувствовал, что в воздухе пахнет наступлением. Давно пора! Прошло то время, когда пятились до Москвы. На запад к Бресту возвращаться намного веселее...

Солдаты с недоумением посматривали на его разбитое лицо. Отшучивался — попал под бомбёжку.

«Да! Бомбёжка была — хуже не придумаешь, — ухмылялся про себя Чистяков. Кто знал курсанта Чистякова по военному училищу и кто воевал с ним после обвинения в дезертирстве, посчитали бы это полным бредом. — И где теперь они, друзья-однополчане? — он мысленно пожелал им удачи, — И не дай Бог попасть им в такую переделку, как мне. Есть поговорка у славян «До свадьбы заживёт!» Надеюсь, так оно и будет. А пока вернёмся к делам насущным. Немцы укрепились основательно».

Колючая проволока по полному профилю, не сунешься. Пара дотов, которые он успел засечь, оборудованы с умом. И что самое главное — рота у них, как на ладони. Приподнимешь голову выше положенного, — получишь пулю. Передвигаться по окопу приходится только в три погибели.

В полоске леса за спиной капитан увидел фуражки НКВДшников: «Этих ни с кем не перепутаешь. Боятся, что штрафники оголят свой участок фронта и дезертируют, но сразу же попадут под их карательные пулемёты. Надеюсь, до этого не дойдёт. А чтобы этого не случилось, я сам должен послужить для них примером в бою. В первый раз, что ли, идти в атаку, подставляя грудь свинцу. Умереть, так с честью! Не дать повода для позора. — Над головами пролетело несколько снарядов в сторону немцев. - Артиллеристы пускают пробные шары. Пристреливаются. Ну что ж, и мы готовы».

... Завтрак прошёл вяло. Перед боем ели мало. Каждый знал, что ранение в живот на полный желудок влечёт за собой тяжёлые последствия. Кружка чая и кусок хлеба — вполне достаточно. Сто наркомовских грамм перед атакой капитан не то чтобы поощрял, но и особо не одобрял. Излишний придаток смелости притупляет инстинкт самосохранения. Чуть расслабишься, напорешься на свинец.

Артиллеристы разыгрались не на шутку. Разрывы снарядов накрыли окопы фашистов.

И когда вражины успевают растянуть колючку, заранее зная, что им полюбому придется отступать? Жили бы там у себя со своей аккуратностью. К нам зачем припёрлись? Захотели владеть всем миром, а в итоге получат вечный покой под берёзовым крестом. Разозлили русского медведя — берегись!

Дежурный связист дёрнул капитана за рукав. Из-за разрывов снарядов его голоса не было слышно. В блиндаже, сооружённом на скорую руку, он передал командиру трубку телефона.

— Пятый слушает. Да, капитан Чистяков. Есть, готовность десять минут, по сигналу ракеты. Настроение бодрое. К выполнению приказа готовы. Так точно! Отвечаю головой!

«Вот и началось», — подумал Чистяков и обратился к младшему лейтенанту:

 Бегом на левый фланг. Приготовиться к атаке. Я надеюсь на тебя, младший лейтенант.

Старшина, невзирая на свой возраст, с лёгкостью подбежал к командиру.

— Старшина, галопом на правый фланг, присмотри за необстрелянными! А то попрут не в том направлении и угодят под пулемёты НКВДшников. Им выпал шанс в схватке с врагом смыть кровью свои прошлые грехи. Ну, ты понял...

Капитан посмотрел с надеждой вслед старшине.

Артиллеристы прекратили стрельбу. Капитан в бинокль торопливо скользнул по позиции немцев. Те почувствовали, что сейчас начнётся смертельная схватка. Ракета неторопливо взлетела из-за перелеска и повисла над штрафной ротой. Сжимая «ТТ» в руке, капитан перемахнул бруствер окопа и с криком «В атаку!» побежал, не оглядываясь, к колючке. Он слышал за спиной крики: «Ур-р-р-а-а!», маты и топот своих бойцов. Бывалые солдаты, пригнувшись, виляя из стороны в сторону, стараясь не попасть под прицелы фашистов, не отставали от командира.

Немцы, выждав, когда штрафная рота полностью покинет свои окопы, открыла кинжальный огонь из дотов. Атака захлебнулась. Штрафники, спасаясь от свинца, попадали на землю, вжимаясь в неё всем телом.

Чистяков почувствовал обжигающий удар в плечо и, не раздумывая, упал за кочку.

«Всё-таки зацепили, гады. — Пошевелил пальцами — работали! — Переживём, если не помрём. А что ты хотел? Твоя офицерская форма видна издалека. И получается, что ты кандидат номер один на выбывание».

Оглянувшись, капитан увидел, что рота прижата к земле. За пятнадцать минут немцы посекут её свинцом. Если не заткнуть доты — всем хана!

Краем глаза Чистяков заметил младшего лейтенанта, резво ползущего в сторону одного из дотов. «Салага, ну куда ты прёшься? Сейчас немцы сделают из тебя сито!». Капитан свистнул. Младший лейтенант замер. Через пару минут капитан был рядом с ним.

Зачвакали немецкие минометы. Этого и не хватало.

Младший лейтенант в сползших на нос очках без одного стекла, с перепачканным лицом, был похож на эфиопа.

Землю пахал, что ли? Цел? – капитан вскользь осмотрел зама.

Кажется, цел, товарищ капитан.
 Так, слегка помяло, — у него в одной руке револьвер, в другой — вещмешок с гранатами.

Капитан парочку прихватил себе.

— Мой правый, твой левый, — он указал на доты — Давай, брат Галушко, если не мы, то кто? Надо заткнуть их, а то поляжем здесь все до одного.

Обдирая руки и бока об колючку, они осторожно поползли к изрыгающим свинец амбразурам. Рота внимательно следила за ними, по мере возможности прикрывая их огнём.

Ближе... ближе... ближе... Ну, ещё пару метров...

Вокруг жужжали свинцовые пчёлы. Пора. Бросок...

Граната крутнулась в воздухе и нырнула в амбразуру дота. Взрыв... Порядок! Один заткнулся. Со вторым что-то не получается. Галушко, попав в зону обстрела, был лишён возможности даже голову приподнять. Нырнув в снарядную воронку, Чистяков выбрал момент, когда второй вражеский дот перенёс огонь на фланг роты, рванул вперёд.

В училище ему не было равных в броске гранаты. Это так пригодилось сейчас. Только бы не промазать! Вскочив во весь рост, в прыжке капитан бросил гранату. Напоследок пулемётчик всё же успел поймать его в прицел. В грудь словно вбили раскалённый гвоздь. Взрыв прогремел внутри дота, не оставляя никаких шансов остаться

пулемётчику в живых. Последнее, что услышал, падая, капитан, громкое «Урра!» его штрафной роты.

...Где-то недалеко заливались скворцы, слышались приглушённые голоса, в ноздри бил нестерпимый запах лекарств и хлорки...

- Наконец-то пришёл в себя. А то я, грешным делом, подумал, что на тебя придётся оформлять похоронку, - худенький старичок в очках и белом халате наклонился над лежащим на койке капитаном. - Ну, и живуч ты, скажу я тебе, молодой человек. Пуля прошла в миллиметре от сердца. Скажи спасибо своим бойцам. Тащили тебя километров десять. Едва успели. Надежда Васильевна говорила, что не выкарабкаешься. А я делал ставку на молодой организм, и, конечно, не хочу показаться нескромным, - на свой опыт. И кто в итоге оказался прав? - он обратился с этим вопросом к стоящей рядом женшине.

А капитан лежал на кровати, широко раскинув руки, с туго перебинтованной грудью и плечом и удивлялся тому, что это не сон.

В заклеенное крест-на-крест полосками бумаги окно заглядывало солнце. И было почему-то радостно, как в детстве, когда он лежал в саду на траве и смотрел в солнечное синее небо сквозь листву яблони.

Там, у крыльца дедовского дома под Брестом, на раскидистой вершине многолетней груши лежало старое колесо от телеги, служившее основанием для гнезда аистов. Каждую весну они возвращались и располагались на дереве. Над домом, над садом и улицей разлетались щелкающие, радостные звуки аистов.

И было так спокойно на душе, был жив дед, строгавший сосновые доски под навесом, стружки которых сладко пахли смолой. Неторопливо жвыкала ножовка, и у стены столярки стояли новые двери в горницу, готовые в любой момент заменить старые. В огороде над грядками картошки мелькал белый платок бабушки, без устали махающей тяпкой над грядкой чеснока, посаженной ещё осенью.

За селом на пригорке из колхозной мастерской, где работал отец, доносились звонкие удары кувалды. Готовили плуги к пахоте. Слышались крики слесарей, сверкали сварочные аппараты, и мать в небольшом помещении медпункта, обильно смазывающая зелёнкой сбитые локти и коленки соседа Витьки. Так ему и надо. Не будет скакать без уздечки на своём любимце — вороном стригунке, которого он приучил есть с руки нарезанные дольки яблок.

— Чистяков, а Чистяков, ты что молчишь? — Надежда Васильевна дотронулась до его руки, — завтра грузим вас в санитарный и вывозим в Среднюю Азию. Там вас подлечат и откормят. Постарайся к нам больше не попадать. Побыстрее выздоравливай!

...Поезд, часто уступая путь военным эшелонам, неторопливо двигался в далёкий и незнакомый Казахстан. Город Алма-Ата встретил их солнечным днём.

Товарняк, поспешно переоборудованный в санитарный, прибыл в пункт назначения. Разгрузив раненых, он тут же стал загружаться мукой, крупами, сухофруктами и тушёнкой. Всё для фронта, всё для Победы! Без тыла фронту не выжить.

Раненых разместили в двухэтажном здании школы. Классы, переоборудованные в больничные палаты, встретили их ослепительной белизной. К их приезду явно готовились. Стены побелены, полы вымыты до блеска.

Большинство домов, особенно на окраинах, одноэтажные, саманные, на побелку которых извести не жалели. Белый цвет служил предохранителем от жары. Город утопал в зелени. Яблоневым садам не было конца и края. Не- даром назвали город «Отец яблок».

Чистякова оглушила тишина, от которой он давно отвык. Ни выстрелов, ни бомбёжек. Ему казалось, что он попал в другой мир, где не было ни войны, ни плача беженцев, ни воя самолетов, ни разрушенных домов. Утрами залихватски пели петухи, блеяли овцы, мычали коровы. Город жил размеренной тыловой жизнью. В форточку проникал дразнящий запах яблок и арбузов. Чего-чего, а вот этого здесь было в избытке. Ну, чем не курорт? Хлеб в госпитале выдавали по норме, а зелени ешь до отвала.

Женское население города, старики и дети старше пятнадцати, включая специалистов, получивших бронь, пропадали сутками на заводах, эвакуированных с прифронтовых городов. Основная часть населения была занята на полях, выращивая пшеницу, картошку и овощи. Рук не хватало. Урожай вывозился с полей на конных бричках.

Чистяков понемногу выздоравливал. Уколы, перевязки и бесчисленное количество таблеток, а главное — покой, совмещённый с хорошим питанием, делали своё дело. Худое тело, как яблоко сорта «апорт» за окном, наливалось живительным соком.

Ночью на соседней койке умер от ран молодой лейтенант. Медицина бывает бессильна перед злой реальностью войны. Чистяков торопил себя и время. Молодой организм быстро шёл на поправку.

Очередной поход к главврачу закончился ничем. Напрасно он доказывал, что может прочно стоять на ногах и выполнять любые физические нагрузки. Врач был неумолим. Под конвоем медсестёр его вновь отправляли в палату. Однажды, когда у главврача было хорошее настроение, Чистяков предстал перед ним с такой решительностью на лице, что тот сдался.

— Вас, если честно, капитан Чистяков, стоило бы комиссовать. Ранение у вас серьёзное, но говорить с вами на эту тему, как я вижу, бесполезно.

...Позади остался город, который за это время стал ему родным. Бесконечные поля до самого горизонта, где

виднелась цепь высоченных гор. На его Родине таких не было и в помине.

Немалых усилий стоило капитану вернуться в свою роту. Но он настырный. В роте — сплошь новое пополнение. Одни после ранения, искупив свою вину, направлялись в другие подразделения. Но большая часть штрафников гибла на поле боя.

Кроме старшины, капитан не заметил ни одного знакомого солдата.

— Тебе, командир, ещё бы в госпитале полежать, вид у тебя не совсем здоровый, — Иваныч осмотрел Чистякова с ног до головы. — Тут, чай, не курорт. Мне бы такая возможность, я бы использовал её по-полной. Спрашиваешь, как там младший лейтенант? Погиб геройски три недели назад. Ай да очкарик! В атаку всегда первый, никогда не прятался за спины бойцов. Вот и скосил его пулемётчик. Чем-то похож на моего сына. Такой же упрямый. Погиб полгода назад...

Старшина, незаметно смахнув слезу, отвернулся.

- Иваныч, а ты чего задержался в роте? Давно уже, раз сто искупил свои грехи.
- Привык, командир. Да и этот контингент знаком мне «от и до». И к каждому у меня есть свой ключик. Комуто и здесь надо воевать. Я, грешным делом, на досуге подумал, что ты никогда к нам не вернёшься. А ты вона как!
- А я тоже такой упрямый, как ты! Мы с тобой ещё повоюем. Ну что, старшина, знакомь меня со своим хозяйством.

Старшина повёл командира в расположение роты.

- В основном молодняк, но один взвод кучкуется отдельно, серьёзные мужики. Прибыли из мест заключения для искупления своей вины перед Родиной. За ними нужен глаз да глаз. Я уделяю им внимания более чем другим. Ничего, притрутся. У меня особо не забалуешь. Тем более, НКВДшники всегда держат нас под своим прицелом. Хочешь не хочешь, а живём по уставу, командир.
- Бойцов тревожить не будем. По ходу узнаю, кто чего стоит. Иваныч, дай ещё раз тебя обниму. Надоели мне до тошноты госпитальные палаты, Чистяков с чувством обнял старшину.
- Ещё повоюем, командир. Шагать в сторону дома гораздо легче, чем от него.
   Вошли в оборудованный на скорую

Вошли в оборудованный на скорук руку блиндаж.

— Мы здесь ненадолго, командир, так что особо не заморачивались в создании бытовых условий. Бережём силы для наступления. А оно бывает через каждые два-три дня. Некогда обживаться.

Сидевший в углу связист вскочил по стойке смирно.

Вот так и живём, — старшина развёл руками.

Откинув полог плащ-палатки, служившей дверью, вошёл невысокого роста лейтенант лет около пятидесяти, в очках. Звание далеко не соответствовало его возрасту.

— Ну, и везёт мне на очкариков. Мне их специально, что ли, присылают?

 Разрешите представиться! Временно исполняющий обязанности комроты лейтенант Вебер, - вошедший облегчённо улыбнулся. - Мне трудно справляться с такой категорией военнослужащих. Спасибо старшине, без него моя служба была бы обречена на провал. В прошлом полковник, начальник артиллерийского училища, из-за национальности был лишён доверия и звания. Хорошо, хоть не расстреляли. От рядового до полковника путь долгий, а падение вниз - минутное дело. Ничего, мы это уже проходили. Нас прессуют - а мы крепнем. Как говорится, испытания закаляют нас. Главное, делаем общее дело – бьём фашистов!

Поздно вечером капитана вызвали в штаб:

— В три ночи — наступление. Пока неприятель в сонной дремоте, врезать ему по загривку и заставить бежать без оглядки в свой фатерлянд. Штрафникам — особое задание. Форсировать реку, благо, она неглубокая. Илистое дно и глубина полтора-два метра лишали возможности нашей бронетехнике поддержки штрафников. Об артиллерийской обработке вражеской передовой не может быть и речи. Фактор внезапности — залог успеха. Да! Мясорубка будет — не приведи Господь.

Так уж повелось, штрафников не жалко. Спецотдел был тут как тут. Наставлениям не было конца. Судить легко, имея власть, не забывай о том, что сам ты можешь в подсудимые попасть.

Вам бы с нами, ребята, показать пример не словом, а делом. Ну, это навряд ли. Каждому своё.

В роту Чистяков вернулся возбуждённым. Солнце ушло за горизонт, но было ещё светло. С Вебером и старшиной они до боли в глазах, метр за метром, осматривали речушку и противоположный высокий берег.

Немцы закрепились намертво. Их пулемёты добросовестно жгли свой боезапас. Пули со свистом прошивали воздух вокруг роты, вспарывая землю вокруг окопов. Через определённые промежутки в помощь подключались миномёты. Передовая жила своей обычной жизнью.

- Необходимо что-то придумать, командир, - Вебер снял очки, протёр стёкла обрывком бинта и водрузил их обратно. - Есть предложение. Речушка, так себе, одно название, воды по шею, местами немного больше. Течение медленное, махом проскочим, но пулемёты враз покрошат в окрошку. Чтобы и самим не сильно пострадать, и фашиста наказать, необходимо отыскать слабое место в их обороне. Чуть выше по реке есть небольшой выступ. Взвод бойцов, проверенных в деле, а у меня есть такие, незаметно проберутся на косогор и будут прикрывать остальных. А за нами дело не станет. Ворвёмся в окопы врага и выполним приказ.

Вебер был прав. Решено! Теперь — в роту. Два взвода вроде ничего, а вот третий держался особняком. Сразу видно — из мест не столь отдалённых.

Они смотрели на Чистякова не совсем дружелюбно.

– Как настроение, бойцы? – капитан

попытался настроить их на разговор.

— Не до жиру — быть бы живу. Но бывало и хуже. Я вижу вы, товарищ капитан, сильно озабочены нашим настроением, а ещё, может быть, нашим здоровьем? Не стоит утруждать себя, говорите прямо — чё надо?

Коренастый, с нагловатым лицом боец пружинил перед капитаном.

— По полю минному на брюхе проползти, так мы завсегда готовы. На пулемёты — да без базара, легко и быстро. Кровь свою пролить ради общего дела, так, капитан, не жалко.

Чистяков пробежал взглядом по штрафникам:

«Ну что, настроение боевое, немцем таких не испугаешь. Какие не были бы жернова шероховатые, в итоге, куда им деться — притираются».

— Лоскутов, язык-то придержи, не на базаре, и отвечай командиру как положено, — старшина для пущей солидности обложил матом остряка, насколько понял капитан, здесь он пользовался неоспоримым авторитетом.

— Да я хоть сейчас в наряд на кухню. Там всё комфортнее, чем здесь. Картошку чистить, тем более жрать, мне по нраву. Старшина, не пугай козла капустой, а то на него дрисня нападёт, — кураж продолжался.

 Лоскут, кончай трепаться, командир слово скажет!

Капитан присел в центре взвода.

— Завтра нам предстоит работа. Надо постараться намылить фрицам морду. На нас возложена особая задача. Надеюсь, вы не подведёте, бойцы. А тебе, Лоскутов, персональное задание. Бери с собой, на своё усмотрение, двоих с пулемётом, проберёшься на выступ, закрепишься и будешь прикрывать нас, пока мы переправимся. Надеюсь, что оружием ты так же владеешь, как и языком. Вот и покажешь на деле, на что способен. А чтобы всё срослось, я пойду с вами, — капитан решительно встал.

В глазах штрафников промелькнуло уважение. Да и Чистяков в этой жизни никогда не прятался за спины других и готов был ответить за каждый свой поступок.

- Старшина, поторопитесь с ужином, завтра трудный день.
- Есть, товарищ капитан, ужин и отбой по-полной.

Над головами прошипела мина и шлёпнулась рядом с окопом. Земля щедро сыпанула на каски и плечи. Лоскутов в ответ вперемешку с матом прокричал:

 Подуркуйте напоследок. Завтра узнаете, как Лоскут умеет владеть ножом. Рассчитаюсь по-полной. Ждите в гости корефана с Урала!

Капитан со старшиной прошли до стыка с соседней ротой. Соседи дружно звенели ложками об котелки. Возвращаясь обратно, Чистяков обратил внимание на группу солдат.

— Вчера, командир, прибыло пополнение. Я и сам ещё не успел узнать, кто есть кто? — старшина прижался к краю окопа.

По Чистякову из-под каски резанул злобный взгляд. Что-то до боли знакомое было в нём. Бойцы попытались привстать. Капитан взмахом руки прервал их попытку.

 Оба-на, не думал, не гадал... Вот где довелось встретиться, майор.

Тот встал перед ним, похудевший, в старой солдатской форме и в запачканных грязью кирзовых сапогах. От былого лоска не осталось и следа.

- Легко судить, имея власть. Не забывай о том, что сам ты можешь в подсудимые попасть. Не будем вспоминать о прошлом, живём будущим. Завтра у тебя будет шанс послужить Родине. — Чистяков резко повернулся и пошёл дальше по окопу.
- Что, командир, знакомый? полюбопытствовал старшина.
- Можно и так сказать. Но если откровенно, я не особо был рад этому знакомству.

Начинался дождь. А он для пехоты никогда не представлял особой радости. Грязь в окопах — по колено. Окоп — это не барские апартаменты. Одно спасение — натянутая плащ-палатка и сосновые ветки под зад. Где-то, далеко справа, заработали «Катюши», прошивая ночь горящими стрелами. Немцы ожесточённо огрызались. Чистяков прислонился к дощатой стенке блиндажа и постарался вздремнуть. В половине третьего его разбудил старшина

- Пора, командир...

Плащ-палатка старшины была мокрой от дождя. Он, видно, так и не заснул, прохаживаясь среди бойцов.

— Дождь нам не помеха, а помощник, — заговорил старшина. — Не сахарные, не растаем. Для немцев, которые с рождения были приучены к комфорту, русская непогода сравнима с костью в горле. Они думали пройти парадным маршем до Москвы. Ха! Надорвётесь от ожидания. Как часто желания не совпадают с возможностями. В подтверждение этого имеем факт налицо...

В блиндаж вошёл лейтенант Вебер. Он, скорее всего, также не сомкнул глаз.

— Вам со старшиной ответственная задача: перемахнуть речушку без единого выстрела, залечь под обрывом и ждать, когда мы затеем заварушку во вражеских окопах. Отвлечём внимание на себя. По моему сигналу вы, в лобовой атаке, занимаете окопы врага до левого фланга, от изгиба реки. Прощаться не будем. Да, старшина, вчерашнего своего знакомого беру с собой. Ну, ни пуха, ни пера!

Оружие над головой, и без единого всплеска к противоположному берегу... Вода в реке была теплее дождевых струй.

Немцы забились в свои норы от проливного дождя и не подавали признаков жизни. Лоскутов забрался наверх, затаился с пулемётом за стволом сосны, нависшей над обрывом. В грязи по уши штрафники ползли вслед за капитаном. Окоп уже рядом. Рассредоточились. По команде бросили гранаты. Послышались вопли застигнутых врасплох немцев.

Драка была жестокой. Лоскутов в упор расстреливал обезумевших от страха фашистов. В первую очередь угомонили пулемётчиков. Штрафники, чумазые с головы до ног, похожие

на вурдалаков, сминали в рукопашной выползающих из нор фрицев.

Ворвавшись в окоп врага, Чистяков сбивал короткими автоматными очередями возникающих перед ним перепуганных Гансов, бежал, перепрыгивая через трупы, к центру окопа. Лейтенант со старшиной не заставили себя ждать. Взлетевшая ракета ещё не успела коснуться земли, а солдаты были уже у верхней кромки обрыва.

Штрафники работали чётко, словно рубили дрова, без лишней суеты.

Это был бой не из страха, что сзади пулемёты НКВД, не из желания жить... Штрафники били врага из чувства справедливости и гнева. Гнев не давал возможности подумать, тело подчинялось инстинктам самосохранения в той мере, насколько гнев это позволял. В душах штрафников дыбом вставали тени предков, подсказывающие, как удачнее расправиться с врагом. И не было в этом бою красивых киношных фраз, тишину ночи взрывали яростные маты вперемешку с автоматными очередями, воплями и стонами раненых и погибающих.

Всадив короткую очередь в мечущуюся фигуру, Чистяков рванул дальше и почти нарвался на здоровенного фашиста. Пальцы надавили на курок автомата, но затвор бесполезно щёлкнул. Инстинктивно дёрнул рожок, но поменять его времени не осталось.

«Отвоевался», — мелькнуло в голове. Удар по плечу сбил капитана с ног. Падая, он ощутил, как фашистская автоматная очередь прошла над ним, обдав пороховой гарью, и как вторая очередь откуда-то сзади полоснула по фашисту. Чистяков проворно вскочил на ноги... За его спиной заваливался Лоскутов. Штрафник Лоскутов, опрокинув капитана, сам упасть не успел и грудью принял вражеский свинец.

Чистяков, разорвав перевязочный пакет, приподнял Лоскутова. Тот криво улыбнулся, что-то хотел сказать, но жизни на это ему уже не хватило. Грудь штрафника намокала кровью, пулемёт выпал из рук, капли дождя слезинками скатывались по его заляпанным грязью щекам.

Скрипнув зубами, Чистяков в ярости кинулся в бой, он стрелял, бил, готов был рвать руками на части за землю родную, потоптанную чужими сапогами, испоганенную взрывами и танками, за порушенное спокойствие родных, за погибших друзей, за этого уголовника, штрафника Лоскутова, который заслонил его своей грудью...

Старшина на другом краю окопа наводил порядок с Вебером и штрафниками. Старшина от лейтенанта — ни на шаг. Понятное дело, оберегает его. Остатки немцев, перемахнув край окопа, бежали ко второй линии своей обороны. Поле боя было усеяно трупами врагов, да и штрафников полегло немало.

Рассвет полновластным хозяином вступил в свои права. Рота, или то, что от неё осталось, знакомилась с новым местом дислокации.

Капитан вернулся к Лоскутову, закрыл ему глаза. «Да-а! — подумал он. — Не угадать, кто перед тобой,

Иуда, трус или герой! За внешней простотой — море непознанных глубин! Не распознаешь подлеца, когда у него в глубине души покоятся холодные арктические льдины. Прости, боец, что я ошибался в тебе».

Со второй линии немецкой обороны застучали пулемёты, с шипением взбесившихся гадюк полетели в сторону штрафников мины.

Чистяков осторожно подвинул тело Лоскутова к стенке окопа и прикрыл его лицо пилоткой.

— Ну что, старшина, чем мы располагаем на данный момент? — Чистяков оглядел сильно поредевшую роту. — Десятка два, с хвостиком. Многих бойцов потеряли сегодня. Внизу у реки полегло полвзвода. Да и здесь, в окопе, в рукопашной почти столько же. Но точных данных пока нет.

Старшина ловким движением перекинул автомат за спину и выглянул вслед за капитаном из окопа. Немцы перегруппировались и готовились катаке

Подул ветер, обжигая холодом промокших штрафников.

— Что-то стало холодать, не пора ли нам поддать, настроение приподнять. А то тут недолго от холода и концы отдать. Да, и не мешало бы пожрать. Кишка кишку грызет за башку. Командир, есть на этот счёт какие-нибудь указания? — обратился к капитану рядом стоящий, заляпанный с ног до головы грязью, штрафник.

Чистяков попытался ответить, но старшина опередил его.

- Я уже послал трёх бойцов, прихватят нам патронов и гранат, а главное спирта и чего-нибудь пожевать. Надеюсь, ты не против, командир, старшина искоса взглянул на капитана.
- Конечно, нет. С твоей головой в штабе сидеть, старые кости греть, а ты в грязи ползаешь по окопам. Но если сказать откровенно, ты любого молодого за пояс заткнёшь. Пока прибудут наши гонцы, необходимо рассредоточиться и приготовиться к отражению атаки.

Рядом с капитаном в окоп спрыгнул связист с катушкой проводов.

 Разрешите доложить, товарищ капитан, связь налажена, – и вытащил из вещмешка полевой телефон.

Минута — и связь готова. Боец протянул Чистякову трубку.

- Первый, первый, я восьмой. Передний край немецких окопов занят моей ротой. Половина личного состава погибла в бою. Вторую линию окопов противника атаковать не имею возможности. Жду подкрепления, Чистяков напряжённо вслушивался в трубку.
- Говорит первый. Подкрепление на подходе. Держитесь, капитан! Я надеюсь на вас. В течение часа две резервные роты поступят в ваше распоряжение. Артиллеристы постараются вам помочь. Дайте им точные координаты для стрельбы. Ни шагу назад, капитан!
- За час от нас даже мокрого места не останется, старшина разочарованно махнул рукой. Оно понятно, штрафников не жалко. Ну что, товарищ капитан, умирать так с музыкой.

В голосе Иваныча не было ни отчая-

нья, ни страха. Вернулись посланные старшиной трое бойцов. Помимо боеприпасов и спирта доставили и сухой паёк, слегка подмокший в реке.

- ...Немцы затаились. Это не предвещало ничего хорошего. Разрывая тишину и ломая молодой ельник, из-за немецких окопов второй линии выползли стальные коробки танков с крестами на боках. Вернуть выгодную позицию, которую заняли штрафники, для немцев было первоочередной задачей.
- Вот танков нам и не хватало, выругался старшина.
- Против них у нас кроме гранат ни одного ПТР, не говоря о пушках.

Штрафники напряглись. Танки стали прицельно бить по роте. Один из снарядов угодил в ствол сосны, растущей над обрывом. Она вздрогнула, словно от испуга, и медленно упала в реку. За танками плотной стеной шли автоматчики. Молча, без стрельбы, оставляя танкистам обречённых штрафников на растерзание.

- Командир, не поминай лихом! Видно, пришла и моя пора. Ну что, мужики, покажем фрицам, как мы умеем воевать,
   и старшина, перемахнув через бровку окопа с гранатами в руках, пополз навстречу приближающему танку.
- Старшина... Иваныч... вернись! закричал, срывая голос, Чистяков. Тут и без тебя есть кому отдавать свои долги Родине!

И словно в подтверждение его слов из окопа выскочили двое штрафников. Гусеница переднего танка, разорванная взрывом гранаты, брошенной старшиной, блеснув отполированными траками, разлеглась беспомощно на земле. Танк, крутнувшись по кругу, поняв бесполезность своих усилий, замер. Его орудийная башня стала поворачиваться в сторону штрафников.

 Ну, сейчас бабахнет, ложись! – крикнул кто-то рядом.

Но старшина пресёк эту попытку экипажа танка второй гранатой.

Один доигрался! Кто следующий.
 Ну, а где же старшина?

А старшина с прострелянной грудью лежал недалеко от танка, уткнувшись седой головой в мокрую траву. Пулемёт второго танка бил без промаха. Но погодя несколько минут заткнулся и второй танк. Двое штрафников щедро забросали его гранатами.

— Ты смотри, железо, а как хорошо горит, — прокричал один из штрафников. — Видишь, командир, мы умеем не только воровать, но и воевать. Видно, настала и моя очередь. За брата надо отомстить, он у меня герой, погиб под Москвой, а я — шалопай! Мало меня пороли в детстве. Что болтать попусту! Пошёл я, командир, не хочу, чтобы брату там, на небесах, было стыдно за меня, — и штрафник, фамилию которого Чистяков так и не успел узнать, выпрыгнул из окопа.

«Сейчас главное — остановить танки. Иначе они раздавят нас как слепых котят. Обиднее всего, если их жертвы были бы напрасными». Капитан следил за бойцом, который ящерицей, прижимаясь к земле, полз навстречу танкам. До ближайшего из них оста-

лось с десяток метров. Штрафник встал во весь рост, и прежде чем его срезало пулеметной очередью, метнул гранату. Танк вспыхнул почему—то особенно ярко, словно говоря брату на небесах, что брат, оставшийся на земле, не посрамил его. Танки в упор расстреливали остатки штрафной роты.

Чистяков не заметил ни малейшего признака страха на лицах своих бойцов. Бывшие заключенные — народ отчаянный, и навряд ли найдется тот, кто обвинит их в трусости.

Товарищ капитан, взгляни туда,
 лейтенант Вебер указал на пушистую ель, стоящую на левом фланге.

У её основания, с оторванным лоскутом от белой нательной рубахи в руке, навстречу немцам полз бывший майор.

— Вот гад!

Капитан, увлечённый боем, совсем выпустил его из виду. И теперь, прижав приклад автомата к плечу, он старался поймать предателя в прицел. Но его опередили немцы. Невзирая на поднятые руки майора, в упор расстреляли из автоматов, даже не взглянув на него. Пригнувшись, плотной цепью, они шли на штрафную роту вслед за танками. Бойцы короткими очередями отсекали их от брони. Танки всё ближе и ближе. Чистяков понял — медлить нельзя. Если не сейчас, то потом будет поздно.

Лейтенант, командуй! Вот пришло и моё время.

Схватив пару гранат, капитан покинул окоп. За ним потянулись оставшиеся в живых штрафники. Чистяков встал перед танком во весь рост, без тени страха метнул гранаты. Танк замер, напоследок выпустив пулемётную очередь в грудь капитана. Падая, Чистяков краем глаза заметил, как вспыхнул ещё один танк, подбитый его штрафниками. Оставшиеся танки торопливо развернулись и поспешили прочь, сминая гусеницами свою же пехоту.

Далеко на левом фланге наши войска, использовав отвлекающий маневр штрафной роты, пошли в наступление. Облака, как стадо непослушных баранов, были разогнаны ветром. Яркое солнце повисло над окопом штрафной роты, перед которым яростно горели танки с крестами на бортах.

Была вторая половина дня...

Капитана Чистякова похоронили вместе со штрафниками в большой братской могиле под старой сосной. С высокого берега до самого горизонта просматривались небольшая речка и сосновый молодняк. Фанерка со звездой, на деревянной стойке, и фамилии на ней, написанные химическим карандашом лейтенанта Вебера.

Штрафная рота в этом бою полегла почти в полном составе. Бойцы вместе со своим командиром, капитаном Чистяковым, выполнили свой долг перед Родиной до последней капли крови. Старая сосна, по-матерински шумя ветвями, как своих детей баюкала вечерами заснувших вечным сном штрафников.

И сколько таких братских могил на нашей земле — не счесть.

СЛЕДЫ НА ВОДЕ

Посвящаю своему деду Алексею, участнику Великой Отечественной войны

Пьеса в стихах

Май 1943 года.

Пятеро разведчиков лежат под елями с оружием наизготовку. Слышен лай собак.

СЕРЖАНТ ШУЛЬГИН: - Там егеря, нам не уйти

КАПИТАН ГВОЗДЕВ: - Сержант, а ну-ка прекрати... Чуток под елью отдохнём И сразу же к своим махнём. Да, с егерями шутки плохи, Но мы, боец, с тобой не лохи, Такой расклад не в первый раз, Что лишних семь км для нас? Вдалеке слышен лай собак. СЕРЖАНТ ШУЛЬГИН:

Собаки, что же за напасть. Приехали, встречайте, здрасте! От них-то точно не слинять! КАПИТАН ГВОЗДЕВ:

 Сержант, не начинай опять, Прошу тебя, не заводись. ЛЕЙТЕНАНТ КОНОВАЛОВ: А я скажу одно — заткнись!

Мастак испортить настроение. Кончай испытывать терпение! Предупреждаю, не шучу. Прорвёмся слева по ручью. СЕРЖАНТ ШУЛЬГИН:

Да я не против, я молчу. КАПИТАН ГВОЗДЕВ: - Собаки потеряют след.

СЕРЖАНТ ШУЛЬГИН: Они – сюда, а нас тут нет!

ЛЕЙТЕНАНТ КОНОВАЛОВ: Сержант, я рад, соображаешь.

СЕРЖАНТ ШУЛЬГИН: - Я не в обиде...

ЛЕЙТЕНАНТ КОНОВАЛОВ: - Ну, как знаешь.

КАПИТАН ГВОЗДЕВ:

- Приходится менять маршрут. ЛЕЙТЕНАНТ КОНОВАЛОВ:

- Уйдем ручьём, нас не найдут! КАПИТАН ГВОЗДЕВ:

- Есть исключение из правил, Я и копейки б не поставил На то, что егерь наш дурак. Фашист, он, братцы, не простак. Учили егерей всему, Решать всё нало по уму.

СЕРЖАНТ ШУЛЬГИН: — Я не пойму!

Так в чём вопрос? КАПИТАН ГВОЗДЕВ:

 Ты до такого не дорос, Смотри вокруг, не напрягайся И вникнуть в это постарайся. Наизготовку - пулемёт! Болтай поменьше, и вперёд. Вот здесь устроим им ловушку. Сержант, взрывчатка - не игрушка, Поставим мину на тропе, Нам главное сейчас - успеть. Ну что Шульгин, надеюсь, вник?

СЕРЖАНТ ШУЛЬГИН: Науку эту я постиг, Не сомневайтесь, разберусь, Заряд поставлю и вернусь.

КАПИТАН ГВОЗДЕВ: – Ну, так и быть, уговорил. Что, как, надеюсь, не забыл? СЕРЖАНТ ШУЛЬГИН:

- Обижаешь командир.

Не запятнаю честь мундира.

КАПИТАН ГВОЗДЕВ: - А для собак У нас имеется табак, Свору псов собьём со следа И примерно так к обеду Дойдём к избушке лесника. А пока... Коновалов и Петров, Ну что, готовы? Сержанту рацию верните И поспешите Вниз, галопом по ручью, Напоминать вам не хочу:

Вокруг смотреть и не зевать! Приказ понятен? Выполнять! А мы в другую сторону, В осинник, что стоит на склоне. ЛЕЙТЕНАНТ КОНОВАЛОВ:

Фашиста в топи уведём! РЯДОВОЙ ПЕТРОВ:

Надеюсь, там не пропадём? КАПИТАН ГВОЗДЕВ: Передернув затвор автомата:

- Ждём вас в избушке лесника. Ну, что стоим, бойцы? Пока! Разведчики разбегаются в разные стороны. Слышится приближающий лай собак.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ Капитан Гвоздев, сержант Шульгин и

КАПИТАН ГВОЗДЕВ:

- Чуток осталось до избушки, Нарвались фрицы на ловушку. СЕРЖАНТ ШУЛЬГИН:

рядовой Абаев залегли в ельнике

Рвануло, братцы, будь здоров! Не лают вслед, не слышно псов. Слышны автоматные очереди. КАПИТАН ГВОЗДЕВ:

Бьёт Коновалов егерей, С задачей справился своей, Создал для нас зелёный свет. СЕРЖАНТ ШУЛЬГИН:

- Увидимся, а может, нет? РЯДОВОЙ АБАЕВ:

Об этом знает лишь Аллах. Наш лейтенант не знает страх. КАПИТАН ГВОЗДЕВ:

– Да! Коновалов – молодец! Абай, поймёшь ты наконец, Враг превосходит нас числом! РЯДОВОЙ АБАЕВ:

 Но я уверен лишь в одном, Что мы в итоге победим! СЕРЖАНТ ШУЛЬГИН:

Уверен, в том не ты один. Абай, Аллаху помолись, Чтоб наши к сроку добрались Живьём, к избушке лесника, Ну, что лежишь и мнёшь бока? РЯДОВОЙ АБАЕВ:

- Зачем спросил, Давно об этом попросил. Вдали слышатся автоматные очереди. КАПИТАН ГВОЗДЕВ:

Уверен, это Коновалов! Что ждём бойцы? Кончай привал, Вперёд, к избушке лесника! СЕРЖАНТ ШУЛЬГИН:

Отдохнули так, слегка... КАПИТАН ГВОЗДЕВ:

Бойцы, не стоит расслабляться, Пора отсюда убираться! На всякий случай, вот пакет.

Достает из-за пазухи пакет, передаёт сержанту:

Отвечаешь головой. СЕРЖАНТ ШУЛЬГИН:

 Мне не впервой. КАПИТАН ГВОЗДЕВ:

Вопросы есть? Вопросов нет! Ну, быстро встали, и за мной.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ Избушка лесника.

КАПИТАН ГВОЗДЕВ:

Живешь отшельником, Егорыч? Дремучий лес, а ты один. ЛЕСНИК:

Живу один, как господин. КАПИТАН ГВОЗДЕВ:

Не докучает ли зверьё? ЛЕСНИК:

- Фашиста не страшней оно. Фашист, он да, матёрый зверь! И что теперь?

Я к этой сволочи привык. Бывает миг,

Так хочется к своим податься. Из центра был приказ - остаться! Проводником служу для вас,

Что делал я не в первый раз. Вас по болотам проведу, Любую тропку здесь найду.

Живу в лесу не первый год. Одно покоя не даёт: Когда фашиста победим?

Ну сколько ждать? Куда глядим? Третий год воюем вроде, Уже терпенье на исходе! Фриц покоя не даёт, Как саранча, всё прёт, и прёт!

КАПИТАН ГВОЗДЕВ: - Егорыч, фриц уже не тот, Исход его необратим, Ему пощады не дадим!

Мы эту нечисть победим! ЛЕСНИК: Стал злей он бешеной собаки И он силен ещё, однако.

СЕРЖАНТ ШУЛЬГИН: Им прыть умерил Сталинград, Земля под недругом горит!

ЛЕСНИК: Я этому, конечно, рад!

Но у меня душа болит: Доколь людей своих терять? Кто не терял, тем не понять. Поверьте, надоело ждать, Моих-то немец расстрелял. Свой долг пока им не отдал, Но я надеюсь — возверну. Тогда в спокойствии помру! КАПИТАН ГВОЗДЕВ:

Отец всегда мне говорил, Он немца помнит, не забыл, Участник Первой мировой. Они на нас не в первый раз Идут по глупости войной. Германцу мы не по зубам, Я сто очков за это дам, Сломить наш дух не хватит сил! Гитлер предков не спросил. Им ещё Бисмарк завещал, Вторгаться к русским запрещал! Русь невозможно покорить, Медведя им не победить! Бессильны Тигры и Пантеры И прочие до кучи звери.

С тревогой посматривает на часы: Но где ж орёл наш Коновалов? Молчит боец, как в воду канул, Пора, Егорыч, уходить, Мы можем в лапы угодить Идущим следом егерям. Пора спешить, подумай сам.

ЛЕСНИК: - Ну, что тут медлить, так и быть, Карабин бы не забыть, Ему годков почти как мне, Со мной он на второй войне. Снимает карабин со стены:

 Ну что, ребята, повоюем! Перед германцем не спасуем! Простите, дети и жена, Долг свой врагу верну сполна! КАПИТАН ГВОЗДЕВ:

Нам надо к нашим до рассвета, Важнее жизни карта эта. Обращается к сержанту, отдаёт ему карту:

Сержант, смотри, не подведи, Сам посуди:

Ты шустрый, вёрткий, молодой, Куда сравниться мне с тобой! Чуть что, вас буду прикрывать, Смотрите в оба, не зевать! Егорыч, дорогой, веди,

Мы за тобой, ты впереди. Лесник перекрестился на висевшую в углу икону, поклонился и вышел. СЕРЖАНТ ШУЛЬГИН:

Старик расстроился до слёз, Пожить здесь столько довелось. Сожгут избушку егеря.

КАПИТАН ГВОЗДЕВ:

Что время мы теряем зря? За Егорычем – вперёд, Время не ждёт! Появляются лейтенант Коновалов и рядовой Петров. РЯДОВОЙ АБАЕВ:

- А вот и наши! КАПИТАН ГВОЗДЕВ:

- Лейтенант, ну как дела? ЛЕЙТЕНАНТ КОНОВАЛОВ:

- А, командир, не спрашивай... Дела, как сажа на плите бела. Егерей мы увели, Но не учли, Был с егерями проводник.

Пошли на юг, а там тупик. Болотам этим нет конца. Замежевался, что сказать. Петров едва не утонул, За ним я сдуру сиганул. Утопили автомат, И, как в народе говорят:

Лицом нас окунули в грязь, Наелись этой дряни всласть. За нами фрицы – по пятам. И как тут быть, не знаю сам, Все проходы перекрыты. ЛЕСНИК:

Служивый правду говорит, У них сметливый проводник, Охотник, местный браконьер Творил в лесу немало дел. Лосих с лосятами - под нож, Сучий сын, ну что возьмёшь, С ним боролся я как мог. Вот вражина, чтоб он сдох! Исправить не смогла тюрьма, В ней не набрался он ума. Объявился здесь опять,

Что от придурка ожидать! Ну, только мне он попадись! КАПИТАН ГВОЗДЕВ:

- Лесник, давай, поторопись!
   Что медлишь? Времени в обрез!
   ЛЕСНИК:
- Там, за болотом, редкий лес. Там есть лосиная тропа, На ней три года не был я. Ну что, бойцы, давай, рискнём. Даст Бог, сынки, не пропадём! Рядом раздаются выстрелы. КАПИТАН ГВОЗДЕВ:
- Будь вы неладны нарвались! А ну, бойцы, ложись! Бросает гранату, взрыв, наступает тишина ЛЕЙТЕНАНТ КОНОВАЛОВ:
- Да, фрицы плотно обложили,Чуть рацию не утопили!Что будем делать, капитан?КАПИТАН ГВОЗДЕВ:
- Пока ещё не знаю сам, Разберёмся в обстановке. Оружие наизготовку! Без паники, ребята! Даёт очередь из автомата. Вот, жаль, патронов маловато. СЕРЖАНТ ШУЛЬГИН:
- Назревает, братцы, драка,
   А патронов кот наплакал.
   ЛЕСНИК:
- Вижу, с ними проводник, У сосны к земле приник. Прислужник немцев, полицай... На! Не жалко! Получай! Стреляет в проводника из карабина. СЕРЖАНТ ШУЛЬГИН:
- Ну, Егорыч, во даёт!
  Отправил выродка в расход!
  Видал я всякое, но так —
  Один выстрел, и в пятак!
  ЛЕСНИК:
- Это нам хороший знак. Делает ещё два выстрела. — А с ним и парочку собак!
- В ответ слышатся автоматные очереди
- Озверели егеря, Суетятся немцы зря! Без проводника Хрен вам, фрицы, с бугорка! До свидания! Пока! ЛЕЙТЕНАНТ КОНОВАЛОВ:
- Ну, что дальше, командир?КАПИТАН ГВОЗДЕВ:
- Погоди-ка, не зуди, Егорыч, надо уходить! ЛЕСНИК:
- Капитан, сюда гляди...
  Показывает рукой вперёд:
   Ветер потянул с болот,
  А за ним туман идёт.
  Ну а это то, что надо,
  Капитан, держитесь рядом,
  Компас вот он, в голове,
- Капитан, держитесь рядом Компас вот он, в голове, Оторваться не сумеем Вот тогда нам всем каюк. КАПИТАН ГВОЗДЕВ:
- Без тебя мы как без рук!ЛЕСНИК:Давай за мной, по одному!
- ЛЕЙТЕНАНТ КОНОВАЛОВ: Я не пойму,
- Куда идти, кругом вода? ЛЕСНИК:
- Не зная брода, не суйся в воду!
   За мной, вояки, следом в след,
   Шаг в сторону и тебя нет!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

СЕРЖАНТ ШУЛЬГИН:

- Вот это да, промок до нитки!
   ЛЕЙТЕНАНТ КОНОВАЛОВ:
- Болотной жижи здесь в избытке!

СЕРЖАНТ ШУЛЬГИН:

- Едва не съело комарьё,
   Как Егорыч здесь живёт?
   ЛЕСНИК:
- За двадцать лет уже привык! СЕРЖАНТ ШУЛЬГИН:
- Ты удивляешь нас, старик! Да, двадцать лет немалый срок. А я, признаться бы, не смог. Леса, болота, глухомань... ЛЕЙТЕНАНТ КОНОВАЛОВ:
- Сержант Шульгин, а ну отстань! Сейчас немного отдохнём, На неудобства наплюём, Минут пятнадцать и рванём! РЯДОВОЙ АБАЕВ:
- А егерей-то не слыхать!КАПИТАН ГВОЗДЕВ:
- Абай, ты где? Не отставать! Положение серьёзное!
- СЕРЖАНТ ШУЛЬГИН:

   Тогда вперёд, пока не поздно!
- КАПИТАН ГВОЗДЕВ:
   Егорыч, слово за тобой!
- Егорыч, слово за тобой!ЛЕСНИК:А ну-ка, капитан, постой,
- Я чую, что-то тут не так И как бы не попасть впросак. Я по тропке пробегусь, В чём неясность, разберусь И немедленно вернусь. Уж как-то просто и легко... КАПИТАН ГВОЗДЕВ:

- Ты прав, расчёт на дураков.

- РЯДОВОЙ АБАЕВ:

   А где Егорыч?

  СЕРЖАНТ ШУЛЬГИН:
- А Егорыч был таков... РЯДОВОЙ ПЕТРОВ:
- Кто посоветует, и я сочту за честь, Куда бы здесь, на что присесть? РЯДОВОЙ АБАЕВ:
- Постоишь, не надорвёшься!РЯДОВОЙ ПЕТРОВ:
- Ты что, Абай, смеёшься? Нашёлся тоже мне остряк. Я что- то не пойму никак, Куда Егорыч подевался? На егерей бы не нарвался! Чего мы ждём, рвать надо когти, А то дождёмся фрицев в гости! СЕРЖАНТ ШУЛЬГИН:
- Типун тебе на твой язык, Ну, помолчи, хотя бы миг! КАПИТАН ГВОЗДЕВ:
- Кончай базар, закрыли рты, Я слышу, вроде, плеск воды Тут, где-то рядом... Не понять: Мат, стоны, охи и возня. Слышится выстрел из карабина. ЛЕЙТЕНАНТ КОНОВАЛОВ:
- Егорыч голос подаёт,
   Долги фашистам отдаёт.
   Опять в десятку, как всегда.
   КАПИТАН ГВОЗДЕВ:
- Стоять! Ты, лейтенант, куда?
  Заблудишься, как дважды два.
  Егорыч наш не пропадёт,
  Дорогу сам сюда найдёт.
  Прислушиваются.
  Ещё немного подождём
  И на запад погребём.

Появляется лесник.

КАПИТАН ГВОЗДЕВ:

- ЛЕСНИК:

   Там топь сплошная, не пройти, Её мы можем обойти.
  Сейчас, начальник, разберёмся, Без паники, орлы, прорвёмся!
- Скажи, Егорыч, что за шум? И что взбрело тебе на ум, На дуэли упражняться? Нам надо срочно убираться. Скажи нам правду, что молчишь? ЛЕСНИК:
- Дай отдышусь, куда спешишь?

Да, нас по полной обложили, Плохую службу сослужил Нам напоследок проводник. КАПИТАН ГВОЗДЕВ:

- Объясни, пока не вник.
   ЛЕСНИК:
- Он знал, тварюга, про тропу И знал, куда вас поведу. А я-то, на свою беду, Вот это сразу не учёл И прямо в лапы к ним привёл. КАПИТАН ГВОЗДЕВ:
- В этом есть и мой просчёт,
   Зря потащились мы в болота.
   ЛЕСНИК:
- Другого нет пока пути,
   Лесом, сушей не уйти!
   ЛЕЙТЕНАНТ КОНОВАЛОВ:
- Да, мы здесь все, как взаперти.
   Что будем делать, командир?
   ЛЕСНИК:
- Одно горячку не пороть,
  Матом делу не помочь.
  Палки в руки и за мной,
  Медвежьей поведу тропой.
  Ты что, не хмурься, капитан,
  Есть в запасе ещё план,
  Не самый лучший он, но всё же...
  КАПИТАН ГВОЗДЕВ:

– А ты уверен, он поможет?

ЛЕСНИК:

— На Бога будем уповать,

Давай за мной, не отставать,

У нас времени в обрез.

Стой, лейтенант, куда полез? За мной, без спешки, следом в след, Наступишь мимо и — привет! ЛЕЙТЕНАНТ КОНОВАЛОВ:

- Старик, понятно, убедил.А хватит ли на это сил?КАПИТАН ГВОЗДЕВ:
- Давай шустрей, кончайте ныть,
   Пререканья прекратить,
   За лесником, не отставать,
   А я вас буду прикрывать.
   ЛЕЙТЕНАНТ КОНОВАЛОВ:
- Нет-нет, так дело не пойдёт, Поступим мы наоборот. Обращается к капитану:
- Обращается к капитану:

   Ты в курсе, знаешь, что и как, И вмиг исправишь этот брак. Одни ребята не дойдут, Труды напрасно пропадут. Оставьте диск для автомата, В довесок парочку гранат, Исполню долг свой как солдат. А вот для матери письмо Короткое, с десяток слов: «Воюю, мама, жив-здоров». Да что тут слюни распускать, Ну а погибну, так не зря. Двум смертям не бывать, А одной не миновать. Вон, на подходе егеря.

Разведчики обнимаются и уходят за лесником, а лейтенант, передёрнув затвор автомата, привалился плечом к стволу осины.

Послышались автоматные очереди, два взрыва гранат. Наступила тишина.

действие пятое

Разведчики с лесником расположились под елью.

КАПИТАН ГВОЗДЕВ:

- Оторвались наконец, Коновалов - молодец! На войне, как на войне. СЕРЖАНТ ШУЛЬГИН:
- А по мне, Не мог он поступить иначе. КАПИТАН ГВОЗДЕВ:
- Сойдет с ума от горя мать.ЛЕСНИК:
- Что суждено не миновать,

В этом нет твоей вины. СЕРЖАНТ ШУЛЬГИН:

- Закономерности войны,
   Своей судьбы не избежать.
   РЯДОВОЙ ПЕТРОВ:
- Не стоит слюни распускать, Здесь каждый час непредсказуем, Мы каждый день собой рискуем. Но каждый знает для чего В этом мире мы живём, Но если надо, то умрём За Родину, родных, свой дом! КАПИТАН ГВОЗДЕВ:
- Сержант, а ну, верни пакет,
   Мы в роте будем до рассвета,
   Егорыча берём с собой.
   ЛЕСНИК:
- Кто куда, а я домой, Отстрою заново избу, К зиме, надеюсь, не помру. Немного немцы пошумят И уйдут к себе опять, Что им делать на болоте?
- Что им делать на болоте? КАПИТАН ГВОЗДЕВ: — Жаль, Егорыч, что уходишь, С тобою породнились вроде. Мы не заставим себя ждать, В гости жди к себе опять! Разведчики обнимают лесника.

АФОРИЗМЫ

В чужом саду всегда вкуснее плод, А для того, кто в том саду, наоборот.

На дармовщинку для народа И горчица вкуснее меда. ***

Есть у цепного пса и будка, и еда. Так почему же воет он тогда?

Легко судить, имея власть. Но знай, что можешь сам ты в подсудимые попасть.

Что позволительно бывает для свиньи, В том есть запрет для человека.

Нас убеждают: выбор есть всегда Но иногда В атаке, доблести взамен Одни предпочитают плен.

Кто занят заготовкой дров, К посадке леса не готов.

Не осознав причину пораженья, Победы не познаешь вкус.

Павлин гордится статью и пером, Но никогда не быть ему орлом.
***

Безразличие предательству сродни: Чужую боль, не ощущая кожей, Глуха душа и сердце не болит, Своё — оно и ближе, и дороже.

***
Ты не трогай смычком скрипки струн серебро.

Юность сладким вином грудь наполнила вновь, Об одном не забудь: старость там, у дверей, Нам играет на скрипке

печальной своей.

***

Лесть сладким блюдом
преполносится порой

преподносится порой.
В её обертке золотой,
Заманчивой на первый взгляд,
Хранится яд.

г. Новокузнецк.

Васюнов Александр Иванович родился в 1950 году в городе Ялта Крымской области. Среднюю школу окончил в Алтайском крае. В 1972 году окончил Новокузнецкий государственный педагогический институт, естественно-географический факультет. С 1972 года учительствовал, служил в армии, трудился директором в средней школе города Таштагол. С 1981-го по 2000 год служил в рядах МВД, в звании подполковника вышел в отставку. С 2000 года работал на Таштагольском руднике начальником штаба ГО и ЧС, затем в дирекции по безопасности Евразруды. Самые большие увлечения — это рыбалка, тихая грибная «охота», строительство и перестройка дачи. Александр Иванович женат, у него двое детей и уже трое внуков.

Очень любит природу Горной Шории. В 1972 году, попав в этот восхитительный край, Александр влюбился в горы, распадки, вековые кедры, курумники... В свободное время пишет рассказы, которых накопилось за бурную жизнь много.

Параллельные миры нашей жизни

Карабин

В отдалённом кержацком посёлке все живут на виду друг у друга, и не одно поколение. Появился новый человек. Он первым делом зашёл к старосте общины, с которым о чём-то долго говорил. Лишь потом пошёл к председателю сельсовета в соседний посёлок.

Не утаить ничего от местных жителей. Узнали быстро, что приезжий хочет поселиться у них. И даже согласен жениться на какой-либо вдовой женщине с ребятишками, но обязательно верующей. Познав обычаи общины, в будущем он намеревался принять старообрядчество и стать таким же, кержаком.

И правда, в разговорах с влиятельными общинниками он старался показать стремление к вере и поддерживал общинные нормы. Не пил, не сквернословил, не курил.

Человек, назовём его Фёдором Муравьёвым, был относительно молод. Возраста тридцати — тридцати пяти лет, высок ростом, худощав. С правильными чертами лица. Вьющиеся светлые волосы, небольшая окладистая борода, большие усы, негромкий голос, в котором проскакивали волевые нотки, синие глаза на чистом лице обращали на себя внимание, особенно прекрасной половины.

Фёдор замечал этот интерес и проявлял к женскому населению внимательность и уважение, прибаутками мог развеселить любую женщину. Та покидала его с розовеющими щеками и блестящими глазами. При этом его оценивающий взгляд успевал мысленно чуть ли не раздеть собеседницу. Одни краснели, тупя глаза в землю, другие, что побойчее, отвечали ему далеко не безгрешными взглядами.

Староста, он же руководитель общины, Трофим Выглов, определил ему место жительства — старое заброшенное жильё умершей два года назад бездетной одинокой старухи Волчихи, прожившей всю жизнь в одиночку. Умерла она тихо, как жила. Даже смертью своей не хотела неудобств людям создавать.

Трофим взял с Фёдора символическую плату за избушку. Объяснил, что деньги пойдут в общину. За два месяца Фёдор обустроился. Сначала обновил ограду, а потом и с избушкой разобрался.

Заметили кержаки, что их новый житель топором и другим столярным инструментом хорошо владеет. Чувствует дерево и инструмент в руках правильно держит

В гости к себе Фёдор никого не звал. Трофим заходил изредка и видел, как преображается жильё. В магазине он покупал те же продукты, что и все. Старался соблюдать посты общинников, не грешить. На моленьях бывал постоянно, но стоял особняком. Его бороде местное кержачьё завидовать стало. Женский интерес Фёдор видел постоянно. Некоторые бабы млели от его близости. Повода для разговоров о блуде он не давал.

В один из вечеров Трофим позвал его за ограду для серьёзного разговора и предложил работу почтальона. Пока без оформления. Объяснил, что старому почтальону из-за диабета ампутировали ногу.

Фёдор согласился. Его это устраивало. Деньги были нужны, а старые запасы немного поиздержал на пиломатериал, инструмент, шифер и гвозди.

Трофим пояснил для убедительности, что местные чураются такой работы:

- Нам это не можно!

Общинников Фёдор почти всех знал в лицо. Полученную почту привозили из города на машине узла связи и редко — водитель автобуса попутным грузом в опечатанном мешке.

Фёдор разбирал почту, а потом пешком или на старом велосипеде почтальона развозил редкие письма и переводы от детей. Газеты и журналы передавал в библиотеку, учителям, начальнику драги и продавцу местного магазина. Общинники советские журналы и газеты не выписывали.

Частенько стал задерживаться под разными предлогами у вдовой сорокалетней бездетной женщины Ольги Рязанцевой. Жила она одиноко в добротном доме, оставшемся ей после смерти мужа, погибшего при заготовке леса зимой три года назад.

Начались бабские пересуды. Трофим, прослышав про это, а дыма без огня не бывает, пришёл к Фёдору. Обсудили будущий брак. Получил согласие и благословение.

Фёдор поставил условие, что брак их зарегистрируют в сельсовете... а ещё он возьмёт фамилию жены.

 Рублю все концы. Теперь точно буду как вы, староверы. Даже фамилия будет кержацкая. — объяснил Трофиму.

Дело было сделано. Свадьбы не было. Сошлись по-простому и стали жить в доме Ольги. Фёдор изредка наведывался в своё старое жилище, приносил в дом инструмент и прочую утварь. А потом понемногу забросил свои походы в избушку. В новом доме работы хватало.

Посудачили общинники, обсуждая новость про смену фамилии и забыли. Лишь младший брат погибшего зата-ил недовольство этим браком.

Ольга расцвела от замужества. В разговорах с родственниками постоянно хвалила нового мужа. Только однажды проговорилась Дусе, своей родной сестре, что гложет его какая-то неприятность. Ночью иногда сильно скрежещет зубами, стонет, пытается кудато бежать. Проснётся, долго лежит с открытыми глазами, ворочается и вздыхает. В эти минуты напрочь забывает, что рядом лежит она, Ольга. Спросить о причине его беспокойства боялась. Не принято было это в кержацких семьях, не можно.

Прошло полтора года их совместной жизни. Обжились. Хозяйство завертело, домашние дела.

После того как сметали заготовленное сено, прошло ещё немного времени.

Однажды Фёдор взял Ольгу на приток Лебедя — горной реки, находящейся в двадцати километрах от их посёлка. Хотел там рыбы половить. А она может, клюквы да трав целебных пособирает. Вдвоём веселее будет. Ольга сначала отказывалась, объясняла, что дальше поскотины не бывала, а потом, глядя на просящие глаза мужа, согласилась. Попросила Дусю приглядеть за хозяйством два дня.

Вышли они из дома ранним утром

по предосеннему туману. За посёлком Фёдор попросил Ольгу подождать его перед подъёмом в гору. Вернулся через полчаса, когда ей стало надоедать вынужденное одиночество. Без собаки страшновато было, хоть и люди живут недалеко. Медведи в их местности часто баловали и вели себя агрессивно. Хозяевами были. Скот рвали и пасеки зорили.

Фёдор появился внезапно. Ольга увидела за плечами ружьё. Но не такое, как у её бывшего мужа. Таких, как это, она у местных жителей не видела. Оно матово поблёскивало чернотой ствола с большой мушкой и прикладом тёмно-бордового цвета. На широком ремне висела брезентовая сумка, по всей видимости, с патронами.

Он взглянул на Ольгу повеселевшими озорными глазами и, улыбаясь в бороду, произнёс:

— Это, Оля, наша с тобой защита. С ней можно никого в тайге не бояться.

Ольга с опаской глянула на ружьё. Но ничего не сказала.

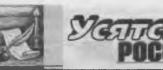
Во время похода вместо двух дней пробыли дольше. Ночевали в заброшенном балке не-то геологов, не-то лесозаготовителей.

Ольга по поведению Фёдора поняла, что он здесь бывал до неё. Слишком уверенно, будто в своём доме был. По приходу отошёл на несколько минут и вернулся с котелком и чайником, будто сам их прятал.

Первую ночь переночевали. Рано спать легли, умаялись за день, топая по таёжной тропинке. На второй день Ольга пошла за клюквой. Где она растёт, показал Фёдор. Просто махнул рукой и сам исчез куда-то.

Клюквы попадалось мало, да вдобавок она ещё не поспела, твёрдая была. Вблизи их кержацкого посёлка эта ягода не росла и была диковинной для жителей. Берестяной короб, взятый ею у балка, понемногу наполнялся. Руки умело рвали редкую ягоду, прячущуюся во мху. Короб начал тяжелеть. Солнце, ещё недавно ярко светившее в глаза, заволокло тучами.

Ольга пошла, как ей казалось, в сторону балка. Через некоторое время вышла на незнакомое место. Появилась осока, рогоз, которых она до это-

го не видела. Остановилась. Точно, здесь она не была. Болотная вода стала хлюпать под ногами. А ноги стали ступать на подрагивающую тонкую землю, которую и землёй трудно назвать. Запах болотной гнили остановил. Огляделась по сторонам. Не запаниковала, не кинулась сломя голову. Громко окликнула Фёдора. Он не отзывался. А по низине потянуло холодным ветерком, продувающим лёгкую курточку.

Ольга внимательно огляделась. Под ногами приметила оставленные ею следы, заполненные мутной водицей. Не побежала она, а стала возвращаться обратно по едва видимым следам её ног. Боялась их потерять.

Останавливалась и прислушивалась, не отзовётся ли её Фёдор.

Не кричала.

Криком могла приманить медведя или другого лесного зверя. Почувствовала усталость, но садиться на мокрое не могла. Короб с клюквой тяжело давил на плечо.

Солнце скрылось за плотными тучами и стало смеркаться. Вскоре появились небольшие берёзки с белыми стволами, а потом появились высокие кочки.

Под ногами прекратилось хлюпанье воды и её ноги почувствовали твёрдую землю. Она присела на корточки и поняла, что вышла из болота.

Внезапно она увидела Фёдора.

Он, как лось, ломился по болоту, рыская в стороны – искал её. Ольга поняла это сразу.

Кашлянула негромко, обозначив себя. На крик сил не было.

Фёдор обострённым слухом уловил этот звук, а потом увидел её и рванул, не чувствуя земли под ногами.

Не рассчитал свои силы. Не доходя до неё десяти метров провалился по пояс, выкатился по воде и болотной жиже боком. Дополз до твёрдой земли. Пошатываясь, едва сдерживая вырывающийся с хрипом и посвистом воздух, подошёл к ней.

Фёдор одновременно закинул ружьё за спину, выхватил из её рук короб и другой рукой крепко прижал к себе. Да так сильно, что косточки хрустнули.

Так, тесно обнявшись, и дошли они до балка.

Вечером, при свете коптящей лампы-керосинки, в едва освещённом натопленном таёжном жилище, развешав на верёвках мокрые одежды, они стали любить друг друга...

Потом, уставшие от ласк, тесно прижавшись друг к другу, лежали на твёрдых деревянных нарах. Успокаивали свои сердца. Фёдор, уставший и расслабленный, молчал.

Ольга спросила его:

Федя! Откуда ты появился такой? Как к нам попал? Где жил до этого? Есть ли у тебя семья, детки?

Она сыпала вопросы, пыталась узнать всё про своего суженого. Но Фёдор молчал. Только нежно гладил её плечо и твёрдую грудь нерожавшей

женщины, так и не познавшей материнского счастья.

Не услышала она ответов на свои вопросы. Лишь тяжело вздохнула, прижалась всем телом к Фёдору. Обняла его крепко и стала засыпать. Ольга спала крепко и не видела, как Фёдор протапливал печь-буржуйку. Ей было тепло и спокойно...

Перед утром небо вызвездило. А перед восходом солнца на траву, кусты и деревья упал первый иней. И засверкали всеми цветами радуги искрящиеся капли замёрзшей росы. Лишь под пихтами и берёзами темнели пятна травы, не убитой инеем.

Полдня они посвятили друг другу. Ольга не отходила от Фёдора даже тогда, когда он пошёл ловить хариусов в большом омуте-заломе горной речушки. Она видела в толще воды крупных хариусов, выскакивающих из глубины и жадно хватающих приманку.

Фёдор бросал пойманных рыб к её ногам. А они, с большими яркими спинными плавниками-парусами и тёмными спинами, лежали на траве и, двигая жабрами, смотрели на неё.

Ольга подбирала их, ещё живых, и складывала в кан, большой короб с крышкой.

Потом они вместе потрошили улов, аккуратно, чтобы не помять при ходьбе. Укладывали его в тот же кан. По окончании Фёдор все внутренности выкинул в реку, а место облил водой.

- Чтобы медведь на запах не пришёл.

Уходили домой после обеда. Добыча тянула рюкзак Фёдора. Ольга несла короб с клюквой.

 Прямушкой пойдём, вполовину идти меньше. Так быстрее, - сказал он и повёл её другой, едва заметной тропой.

Устали порядком. Шли быстро, особенно под уклоны. Вечером, почти в темноте, подошли к тому месту, где Ольга дожидалась Фёдора.

И вновь он оставил её одну. А сам исчез. Вернулся быстрее, чем в прошлый раз. Ольга мёрзнуть стала. Оружия при нём не было.

Фёдор перехватил у неё короб и попросил о ружье никому не рассказывать. Ольга в его просьбе уловила суровость в голосе...

Не одни они были тогда на горной речке. Мимо них, незамеченным, прошёл в сторону посёлка местный житель, оказавшийся родным братом покойного мужа.

Карабин на спине Фёдора он приметил давно, но подходить опасался. Так и шёл за ними, не привлекая внимания. А когда увидел оставленную Ольгу и уходящего в сторону Фёдора, то пошёл за ним.

Уследил, куда Фёдор тот карабин запрятал. Углядел место, хоть и не подходил близко. Такого оружия у них ни у кого отродясь не было. Фёдор, не замечая слежки, спрятал карабин. А Кирилл, назовём его так, точно узнал, что это карабин. Звук сухой и лающий от выстрела, там, на Лебеде, он хорошо это слышал.

Кирилл с подозрительностью относился к Фёдору. Недолюбливал его. Ещё больше стал подозрительным, когда узнал, что Фёдор в сельсовете при регистрации взял фамилию жены. И получалось - их фамилию.

Он категорически не хотел, чтобы Фёдор стал Рязанцевым и носил их родовую фамилию.

Кирилл Рязанцев был хорошо знаком с оперуполномоченным БХСС местного ГРОВД Афанасием Зиминым. Он помогал советами и попутно делился информацией о новых людях, приезжавших в посёлок. Нравилась ему работа Афанасия. Он тоже хотел стать милиционером, только вера не позволяла и в армии не служил. В милицию же без службы в армии не принимали. И ещё он знал, что Афанасий из староверов и фамилия его старинная, кер-

Во время очередного приезда Афанасия Кирилл дождался, когда он останется один в помещении, где наездами бывал их участковый, и зашёл к нему на огонёк.

Афанасий участливо выслушал Кирилла, посочувствовал его невыполнимому желанию работать в милиции. Кирилл в разговоре рассказал ему о Фёдоре и его потайном месте, где прячет ружьё, невиданное им доселе. Описал большую мушку и сухой лающий выстрел, услышанный на Лебеде.

Заинтересовала Афанасия информация. Договорились утром пораньше посмотреть на это ружьё.

Соблюдая осторожность, ранымрано подошли к тому месту за околицей посёлка. Афанасий быстро нашёл спрятанное оружие и патроны. Кирилла же заставил смотреть за дорогой и на случай появления постороннего человека подать ему сигнал - каркнуть вороной.

Афанасий вытащил завёрнутое в промасленную тряпку оружие и патронташ с патронами. Удивился сильно. Ведь это был самозарядный карабин Симонова. С похожим проходила его служба во внутренних войсках МВД.

Два года проносил его, заступая в караулы, и на сопровождении при конвоировании заключённых. По привычке нюхнул ствол. Действительно, из него недавно стреляли и спрятали непочищенным. Сгоревший порох выдавал. Посмотрел номер ствола. А потом, аккуратно завернул и его положил на место, в нишу под корнем старого кедра. Уничтожил следы своего пребывания у тайника и отошёл к месту, где его ждал Кирилл.

Договорились, когда шли назад, что Кирилл будет молчать и никому не скажет об этой страшной находке боевом карабине с патронами. И ещё он не должен показывать Фёдору, что знает его тайну.

В посёлок они вернулись поодиночке. В этот же день Афанасий уехал в город.

По приезду сразу же написал рапорт

на имя начальника ГРОВД. Информация была засекречена. В главное управление ушла шифротелеграмма с указанием номера карабина.

В ответ пришла «ШТ», с которой были ознакомлены Афанасий и его непосредственный начальник. Было строгое указание: не проводить самостоятельных проверок данной информации, особенно в отношении предполагаемого владельца карабина.

Начальник гор отдела на секретном совещании у него в кабинете строго предупредил их обоих.

Прошло не более недели. В один из дней они были приглашены к начальнику ГРОВД. Когда вошли, то увидели двух незнакомых людей, которые представились следователем по особо важным делам прокуратуры и старшим оперуполномоченным уголовного розыска главного управления МВД соседней области.

Здесь же была разработан план операции по захвату карабина и аресту Фёдора. А из полученной от них информации узнали про то, что вышли они на убийцу двух человек и про оружие, из которого было совершено это убийство...

Операция прошла штатно. Ближе к вечеру Фёдор был задержан и доставлен в горотдел в наручниках. Отказывался недолго. Увидев предъявленный карабин, запираться не стал. Сразу пошёл на добровольное сотрудничество со следствием, которое на явку с повинной никак не тянуло. Но попросил свидание с Ольгой. Оно быто проигнорировано.

Ночью его увезли на той же машине, на которой приехали работники правоохранительной системы - следователь с опером.

Приехавшей на следующий день в горотдел Ольге объяснили, что её мужа здесь нет, и надо ехать в соседнюю область...

Можно было бы на этом и закончить этот рассказ. Если бы не удачное завершение всей этой истории.

За проведение данной операции Афанасий получил премию. С его начальника было снято ранее наложенное взыскание за допущенные упушения в работе. И это ещё не всё. В один из дней в их отделении появился тот самый следователь прокуратуры, приезжавший в прошлый раз. Зачитал приказ по ГУ МВД соседней области и вручил им солидные, по тем временам, премии.

Так был изобличён преступник, прятавшийся в отдалённом таёжном посёлке, и изъято из обращения боевое оружие - карабин.

Видение

Валентин любил рыбачить. Независимо от сезона часть редко удававшегося свободного времени проводил на реке, которую увидел и полюбил с момента начала работы по распреде-

лению. Горная река с её многочисленными притоками, длинными плёсами, живописными берегами с плотно подступающей тайгой, небольшими покосами радовала местной, пока ещё в изобилии водившейся рыбой: чебаком, сорогой-плотвой, окунем и щукой. Радовала река своими уловами и дарила ему не только рыбу, но и приятное времяпровождение в одиночестве наедине со своими мыслями. Работа его была публичной, на людях. Одиночество как-то успокаивало и давало отдых. Заодно и мысли приводило в порядок.

Был светлый и солнечный день начала марта. Снег в кристаллах искрился всеми цветами радуги. За день лицо у Валентина загорело от яркого весеннего солнца и от его отражения от снега и льда на реке. Двойной эффект загара в это время получался.

Натоптанная многими рыбаками лыжня хорошо держала его. Он шёл быстро, несмотря на тяжёлый рюкзак. В нём, кроме увесистого улова, стульчик, снасти, примус; палатка, в которой коротал ночь, ледобур.

Затяжной подъём в гору порядком его вымотал. Ему постоянно приходилось озираться, осматривая не только лыжню, но и стоящие вплотную густые тёмно-зелёные пихты. Здесь, по глубокой осени, ему пришлось встретиться с взрослой рысью, поджидавшей добычу на одном из деревьев. Правда, до столкновения с ней тогда дело не дошло, но опасное место запомнилось.

Назвать день тихим никак нельзя было. Звуки падающего с пихтовых лап снега, далёкий лай собак, работающих тракторов и бензопил, свист пичужек нарушали лесную тишину.

Он почти поднялся на вершину горы, где стоял одинокий кедр — ориентир, видимый с других гор с расстояния до пяти километров.

Валентин с лыжни вышел на накатанную трелёвщиками дорогу и пошёл по ней. Идти стало легче. Но внезапно он почувствовал дискомфорт. Неудобство какое-то.

Показалось, что он в этом месте не один. Обострённым слухом он уловил бы присутствие людей или зверя. Но лишних звуков, шагов по хрустящему снегу слышно не было. Только к слышимым звукам от ближнего посёлка прибавился голос зазывалы из громкоговорителя. Там, по всей видимости, отмечали проводы зимы.

Валентин вышел на взгорок и, не доходя до его вершины, увидел вдали группу местных жителей, решивших отметить часть праздника на природе, за околицей посёлка. Что-то заставило его обернуться, чтобы оглядеть пройденный путь. Действительно, это что-то имело под собой почву. Недалеко, почти рядом, в десяти-пятнадцати метрах справа от него по лыжне шли среднего возраста три женщины с огромными тёмными ввалившими-

ся глазами.

Мужчина остолбенел. Его ноги будто приросли к дороге. На женщинах были необычные для этих мест одежды. На двух белые льняные платья-сарафаны с длинными рукавами, закрывавшими почти полностью руки. На головах — кокошники. Тяжёлые косы туго закреплены блестящими гребнями на затылках. Женщины смотрели на Валентина смущённо, с укором, но без удивления.

Третья женщина была лет двадцати, небольшого росточка. Короткие рукава сарафана открывали в меру полноватые руки, которые и поработать могут, и детей обиходить, и молодого парня или мужика приголубить. Тяжёлая коса на высокой груди слева. В изумрудно-зелёных глазах мельтешили лукавство и озорство.

Идут они по лыжне, будто плывут, как шагают, не видно. И звука шагов не слышно. Идут, обгоняют стоящего столбом мужчину, будто в посёлок торопятся.

Молодая оглянулась. Одарила его белозубой улыбкой. Облизнула пухлые губки розовым язычком. Молвила:

— Повезло тебе сегодня, рыбак! Медведя-шатуна не встретил. А он ведь рядом был там, где ты в палатке ночевал. Отогнала я его. Жизнь тебе спасла.

Проговорила на русском языке, в котором слышался северный архангелогородский говор.

После этого заторопилась, догнала спутниц, и они пошли дальше. Не заметил Валентин, на каком отрезке пути они исчезли. Но когда подошёл к гуляющим и спросил, куда прошли три женщины, одетые не по-зимнему, люди посмотрели на него как на ненормального и ничего не ответили...

Вспомнилась Валентину эта встреча спустя тридцать лет. Ночью. На даче привиделся сон: идут три женщины. И молодая, улыбаясь, спрашивает его:

-- Помнишь нас, Валя? Ведь я тебя тогда ночью от медведя-шатуна спасла!

Валентин много раз пытался объяснить эту встречу. И откуда они пришли. Но ответа так и не нашёл, а пришёл к выводу, что эти женщины пришли из параллельного мира, а может ещё откуда.

Графиня

В значительной части моих рассказов о природе, рыбалке, охоте описываются случаи, произошедшие со знакомыми и незнакомыми мне людьми. Хочется рассказать о лошадях. Это сильное и доброе животное совсем недавно было единственным средством передвижения в нашей местности и тащило на себе тяжкое бремя повседневной жизни, облегчая существование егерей и лесников, старателей и геологов, охотников и рыбаков и многих лю-

дей разного рода занятий. Незаменимо оно было и в жизни коренного населения нашей Горной Шории.

Многие помнят послевоенное лихолетье. Тяжёлый труд в колхозах за трудодни, на которые в конце года получать нечего не было. Помнят изнурительный труд женщин на фермах. И их постоянное желание накормить посытней детишек, сверкающих голыми пятками и облачённых в не раз заштопанную одежонку.

Какова же была радость у нас, пацанов, если конюх или бригадир разрещали искупать лошадей в речке, помыть и протереть после этого её круп. Главным было, увидеть благодарный взгляд больших умных глаз, почувствовать прикосновение мягких губ, освобождённых от удил, пытающихся слегка прикусить плечо или шею, и ощутить шершавость влажного языка, касающегося тебя. Любили, когда кони выпрашивали какую-либо вкуснятину, случайно или намеренно оставленную в шароварах: сам не съешь, а лошади дать охота то маленький кусочек рафинада, то корочку зачерствевшего хлеба с крупинками каменной соли-лизунца.

Помнится до сих пор, как задерживали мы дыхание, когда лошадь в знак особого внимания и благодарности обмахивала нас хвостом, стебала им по худым ребячьим телам, отгоняя больно кусающих крупных оводов и паутов. А ещё больше замирало сердце, когда она клала свою тяжёлую голову на плечо или спину.

Терпели! Хоть и тяжело было, но уж очень приятно.

Не мог не вернуться я в своих воспоминаниях к тому, ушедшему в небытие времени.

Эту историю рассказал мне один известный человек. От его лица и поведу рассказ:

«Я был взрослым. Жизнь не поскупилась и дала мне всё, что нужно нормальному советскому человеку. Но так уж устроен человек, что если у него всё хорошо, то хочется, чтобы было ещё лучше. А вот получается это не всегда. Но на то она и жизнь.

По воле случая в один из октябрьских дней я оказался в одном отдалённом посёлке золотодобытчиков, в верховьях реки Мрас-су. Это был один из центров добычи драгметалла в Алтайском прииске. Жизнь там била ключом.

С редакционным заданием справился быстро. До прилёта вертолёта оставалось достаточно времени. И я решил утолить рыбацкую страсть. Харюзятником я был добрым. Знал, на что и как его ловят, да и наступило время «золотой» рыбалки: комарьё и гнус отсутствуют, хариус почувствовал приближение зимы и стал скатываться из мелких притоков на свои зимовальные места в глубокие ямы.

Рыбалка в это время при правильной её организации несёт не только большое удовольствие, но и позволяет испытать адреналин от крупных экземпляров. Хотелось порадовать родных и знакомых угощением от свежего улова.

Начальник драги, сухой, загоревший до черноты от постоянного пребывания на солнце мужчина среднего возраста приятной внешности с необычно синими глазами и белозубой до ослепительности улыбкой, услышав мою просьбу о лошади для выезда на рыбалку, сказал:

- Мою лошадь возьмёшь, Графиней звать. Не спокойная она. Цену себе знает с рождения. И в тайге держится хорошо. Не путлива. Я с ней в верховья Абакана ездил не раз.
- Может, какую другую, попросил
   я. За неё сильно большая ответственность. Вдруг в тайгу убежит.
- Не бойся, продолжил он. Будешь за ней, как за каменной стеной. Доверься ей, а она не подведёт. Сама тебя с любого места из тайги домой привезёт.

Уговорил он меня быстро. Около обеда в седле с притороченным рюкзаком, телескопической удочкой, небольшим мешком овса поехал я справлять своё удовольствие.

Действительно, Графиня соответствовала своему имени-кличке. Не спешила. Грациозно вышагивала подкованными копытами по просёлочной дражной дороге. Иногда из-под копыт вылетали искры жёлтого и голубоватого цвета. Сидеть в седле и ехать было одно удовольствие.

Хорошая дорога в тайге имеет одно неудобство. Через некоторое время она закончилась, и я поехал по едва видимой тропке-прямушке. Трава, пока ещё не пригнутая заморозками, стояла чуть ли не в полный рост. А верхушки-зонтики били меня по лицу и заставляли постоянно отворачиваться

Езда должна была занять до места рыбалки и предполагаемого ночлега не более полутора часов. Я расслабился и доверился Графине, слушая её редкое пофыркивание и ровное дыхание.

Внезапно она остановилась, я чуть не вылетел из седла. Спускались то мы под крутую горку южного склона перевала. Я посмотрел вперёд и увидел в десятке метров стоящего на тропе на задних лапах здоровущего медведя, смотрящего в нашу строну.

«Сейчас понесёт, — подумал я про Графиню. — Главное — в седле удержаться, не упасть. Если побежит, то не удержу. Ну, почему не взял ружьё?»

Такие вот мысли проносились в моей голове.

Страх за собственную жизнь и жизнь лошади пока ещё не дошёл до моих мозгов. Я сполз с седла. Намотал покрепче поводья. Вышел впереди неё, будто заслонить от медведя хотел. Глядел то в сторону стоящего в позе угрозы тихо рычащего медведя-великана, то на свою Графиню, которая держалась молод-

цом, но от волнения нервно подрагивала кожей. Я ждал у кого из нас троих первыми сдадут нервы.

Графиня не побежала, оставаясь стоять на месте. Широко раздувавшиеся ноздри, навострённые уши, нервная дрожь по телу выдавали её сильное волнение.

Главное, она в этой ситуации не побежала, не струсила, не рванула в сторону, вырывая из моих рук повод. А стояла!

Медведь, этот хозяин тайги, оторопел от неслыханной дерзости нас обоих. Два существа, вставшие на его пути, человек и лошадь, его не боялись.

В такой ситуации время течёт совсем по-другому. Да и никто его там не засекает. И бежит оно по-разному, в зависимости от развивающихся событий.

Не знаю, сколько времени продолжались эти гляделки, но первым не выдержал медведь. Он опустился на передние лапы и понёсся прочь по склону горы вниз.

Мы же, постояв немного, продолжили движение вперёд по тропе вслед убежавшему медведю.

Потом была ночёвка. Большой костёр горел у меня всю ночь. Не хотелось повторной встречи с хозяином тайги. Рыбалка получилась отменной. Без приключений вернулись в посёлок.

По приезду я рассказал обо всём начальнику драги. Услышал от него:

 Она у меня такая! Умная! Меня не раз выручала. А главное, никогда страха не показывала.

С большой гордостью, поглаживая лошадь, произнёс он эти слова.

Я же, когда бывал впоследствии у них, старался навестить свою спасительницу и угостить комочками сахара, которые привозил специально для неё.

Встреча с Кайбынем

После окончания пединститута по распределению я попал в среднюю школу старинного посёлка Спасск, что находится в Горной Шории на юге Кемеровской области.

Географ по специальности, в свободное время стал в одиночку обследовать окрестности и близлежащие горы, которые будто магнитом тянули к себе. Началась эта тяга к манящим вершинам гор ещё с Алтая. Главной горой моей жизни стала Синюха, находящаяся в сорока километрах от нашего посёлка и видимая при отличной погоде. С сопок виднелись белки, отроги алтайской горной страны — хребты Тигирекский и Бащелакский. Но для меня они были недосягаемыми, не то, что близкая Синюха, покорённая мной дважды.

Вот и здесь, в Спасске, как только я обустроил свой быт, то в первый выходной в одиночку отправился на Спасские Дворцы — уникальные гранитные останцы, манящие своей близостью и доступностью.

Во второй раз, пройдя по долине

Уруша притока Кондомы, побывал на Булках и Россыпях, находящихся в пяти километрах. Там нашёл ручей Светлый, выбегающий из скалы, с чистой родниковой водой; старую узкоколейку, недалеко от неё развалившийся посёлок лесозаготовителей. Великолепный курумник с протекающим под ним громкоголосым ручьём, избушка охотников-соболятников под самой вершиной и площадка с разбитыми молниями осинами и берёзами поразили меня своей дикостью и первозданностью. Легко дышать горным воздухом с запахом кедрового смолья и душистого сена, заготовленного пищухами-сеноставками. Душа радуется.

Освоился я немного, походил по окрестностям. Однажды в разговоре с отцом моего коллеги и товарища Сойнова Владимира Николаевича я услышал про Поющую медную гору Кайбынь, находящуюся в верховьях Большой Кондомы. От него же узнал про дорогу до Таймета.

В горах и в тайге всегда есть «прямушки» — это такие короткие таёжные дороги, которыми пользовались местные жители с незапамятных времён. Вот о таких «прямушках» мне и рассказал рассказчик. Оказалось, что эти тропы хорошо видимы, ещё не были разрушены временем, не заросли молодой порослью.

В начале октября на попутной машине прииска, завозящей запчасти на одну из многочисленных драг, добрался я ранним утром до посёлка геологов — Ключевого и по хорошо видимой и используемой дороге дошёл до Малого Лабыша. Дальще мой путь лежал мимо стоянки геологов Толпышево до устья Таймета к одинокой избушке. По верхней дороге, оставив с правой стороны Таймет, добрался в одноимённый посёлок Верх-Таймет, в котором было в те годы до десятка дворов, и в нём жили в основном шорцы.

По покосам поднялся на водораздел Пызаса и Кондомы и оказался у подножия горы Кайбынь. Её я увидел ещё с Первомайки. Тёмная, заросшая кедрами и пихтами, она величаво смотрела на своё окружение, выделяясь среди других вершин.

Слышал я про Кайбынь ещё в студенческие годы в Новокузнецке. Напротив нашего института около геологического музея стояла глыба самородной меди весом в три тонны, мимо которой мы проходили чуть ли не каждый день. Эта глыба была привезена с горы Кайбынь.

И вот я вижу эту легендарную гору воочию. Устал, конечно, пока до неё добирался. Ноги гудели с непривычки от дальней дороги. Я оставил свой рюкзак сохнуть от моего пота, а сам начал обследование горы.

В тот раз я провёл на Кайбыне всего пару часов. Увидел вход в штольню, выработки и шурфы геологов, кучи горной массы, заросшие травой

и молодым березняком. На обнажениях заметил выходы самородной меди и других минералов, сопутствующих серебру и полиметаллам.

Перед тем как возвращаться, плотно подкрепился тушёнкой и горячим лесным чаем. Сытно закрыл глаза и решил дать немного отдыха ногам перед возвращением.

В полузабытьи находился немного времени. Незаметно задремал под шум ветра и песни горы. Да ещё под далёкий звук двигателя машины, преодолевающей перевал на Алтай.

Очнулся от мимолётного видения: старик, одетый во всё светлое, пытался разбудить меня, толкая в бок посохом. Он что-то говорил. В память врезались его слова: «Вставай! Тебе ещё далеко идти!»

Проснувшись, я вначале не мог понять, где нахожусь. Полностью очнувшись от дрёмы, привязался к местности. На сборы ушло несколько минут. Ноги по уже знакомой дороге понесли меня обратно.

Глубокой ночью воскресного дня на попутной машине возвратился я в Спасск. Усталый и довольный собой, мысленно проходя по пройденному маршруту, уснул крепким сном.

Потом, осмысливая свой поход, я понял, что нашёл ту гору, которая будет для меня фетишем — Поющую гору Кайбынь.

Впоследствии не раз бывал там в разное время года: в одиночку и с друзьями. И она всегда радовала меня и делилась своей энергией. Был там в штольне, в небольшой пещере-углублении, ночевал. Лежал на земле у её подножия во время сильнейшей грозы.

Поющая гора Кайбынь, эта медная гора, стала частью моей жизни. Я благодарен судьбе, что она дала мне счастье общения с ней и окружающей её природой. А ещё позволила написать несколько историй с ней связанных.

Справка:

В Таштагольском районе Кузбасса, в 160 км юго-восточнее Новокузнецка, у поселка Верхний Таймет, близ г. Кайбынь (с шорского «Медная сопка») и г. Медной находится уникальный геологический объект минералогического профиля, открытый в 1931 году: Тайметское месторождение самородной меди. Встречаются медные самородки гигантских размеров, весом до 33 тонн. Образовались они на участке древнейшей оксидации вендсилурийских вулканических и осадочных толщ горных пород в районе доисторической островной дуги.

Самородок в виде огромной плиты, привинченный к стене, весом 3,3 тонны, размерами 3,3 /1,4 /0,15 м можно увидеть у входа в геологический музей в Новокузнецке. Доставлен экспонат с Тайметского месторождения в 1959 году геологом Западно-Сибирского управления В.Ф. Коновальцевым.

На территории Салаира, Кузнецко-

го Алатау и Горной Шории геологами открыты месторождения цветных и редких металлов. Среди них — залежи меди в верховьях речки Кондома, на водораздельных возвышенностях Пызаса и Таймета.

По геологическим запасам и обстоятельствам возникновения Таймет является в Евразии явлением уникальным и весьма похожим на богатейшие залежи меди Верхнего озера в Соединенных Штатах.

На Таймете геологи выделяют две высокоперспективных для добычи площадки: сопка Кайбынь и Медная гора.

В богатейших залежах Тайметской подземной кладовой кроме меди наблюдается достаточно высокая концентрация серебра. Площадки Тайметских залежей представлены естественными сопками Кайбынь и Медной, добыча ископаемых здесь вероятна открытым способом в объёме 5 млн. тонн руды ежегодно. Рядом с месторождением находится город, который обеспечит производство подготовленным в филиалах горного профиля персоналом.

О Кайбыне

В геологическом музее и рядом с ним я бывал огромное количество раз. В нём хранится много минералов на стеллажах в открытом виде в огромном зале первого этажа здания сталинской постройки. Но ещё больше минералов находится в подвале музея. Но там бывают только избранные. И не всякому дано прикоснуться к его богатствам.

Со времени поступления на геофак эта плита часто попадалась мне на глаза, а слово КАЙБЫНЬ тянуло к себе и манило своей таинственностью.

В 1974 году осенью я во второй раз прошёл той же самой дорогой, что и в 1972 году, по гривке между малым Лабышем и бывшими колхозами Ворошилова и Хрущёва на гору Кайбынь, высоко поднимающуюся в верховьях Таймета. Теперь решил подняться на неё с другой стороны. Прошёл между рядами кернохранилища Шалымской ГРЕ, большого количества брошенных 200-литровых бочек из под ГСМ – солярки и бензина, по заброшенной дороге в гору, по которой ранее поднималась какая-то техника геологов, начал подъём на гору. Уж больно хотелось ближе с ней познакомиться.

Не доходя до вершины, увидел большую вывороченную яму с видимым сколом свежего обнажения самородной меди. Пока ещё не засыпаного землёй полностью. Показалось, что именно отсюда и была взята та глыба весом более полутора тонн, которую сволокли вниз геологи и переправили в музей. Глубокие следы во-

лочения на склоне горы остались на земле и камнях.

Удивительно было смотреть и анализировать произошедшее здесь совсем недавно, каких то 2-3 года назад. Восстановившаяся растительность начала закрывать нанесённые горе раны. И так хотелось поподробнее расспросить геологов, вытащивших эту махину на свет божий к люлям.

Потом в круговороте событий желание это как-то забылось, и лишь спустя 45 лет я встретил геолога, который лично занимался спуском вниз и доставкой до Новокузнецка того самого куска самородной меди.

На Родине, что помнится

На берегу тихого омутистого Свана с его спокойным течением, с заросшими берегами таволожником и камышом, рогозом и осокой, в беспорядке разбросаны похожие друг на друга своим унылым видом избушки. Это Хомутовка, в которой родился наш герой. Строения стоят в два ряда, довольно близко притиснуты друг к другу и представляют сплошную массу дворов, вытянутых в кривую линию.

Улица и переулки тесны. Невозможно разъехаться по ним на двух одноконных телегах и не задеть при этом колёсами друг друга. А когда это случается, то слышен крик, отборный русский мат с угрозами и проклятьями, звук бичей и недовольное пофыркивание испуганных худых лошадёнок.

За этой картиной равнодушно наблюдают поджарые, вечно голодные дворняги с висящей клоками не вылезшей шерсти, да глядят белёсыми глазами грязные, поднятые из луж с мутной водой, свиньи. Да приглядываются к происходящему со своих огородов, расположенных впереди дворов, древние старухи и держащиеся за их подолы босоногие и бесштанные малолетние ребятишки.

Убогость, уныние, скукота, жизнь впроголодь, рахитичные животы — вечный удел жителей курской глубинки. Нечистоты и вонь первыми встречают желающего войти в крестьянскую избушку. В сенях кормятся куры и свиньи. Тут же, на полу, лежат опрокинутое корыто и лоханка с помоями, на лавке стоит извер (ушат) и корец для воды. Сени без потолков, где сквозь крышу мельтешит солнечный свет.

В светлице вокруг стен стоят деревянные лавки. В главном — святом углу, на полке покрытые рушником, расположены образа с ликами святых, Богородицы. У некоторых, кто побогаче, там можно увидеть медный крест — распятие и кадильницу с ладаном в деревянной бутылочке.

В комнате с одним волоковым окном, где обычно спят дед с бабкой,

стоит большая четырёхугольная грубка-печь. Здесь же помост вроде кровати с приставленной к ней скамье. В углу от одной до другой стены закреплён сухой шест с навешанной на него одеждой. На земляном полу жёлто-белая солома. Идёшь по ней, а она шуршит, переливается при солнечном свете, едва проникающем в жилище.

В курных избах грязь и вонь, нечистоты, подшитые к потолку деревянные полати, режущий до слёз едкий дым, колющий нос и вызывающий нутряной кашель. Они понемногу уходят в прошлое и становятся редкими, но не забытыми до сей поры. Постепенно их заменяют даже самые бедные.

Но лачуги остаются.

Хлевишко, одна коровёнка, три овцы — вот и всё имущество вечного трудяги, едва сводящего концы с концами.

Посреди улицы стояла изба нашего героя, в которой бабка-повитуха помогла при родах его матери, чтобы он, третий по счёту, появился на свет Божий. Не пришлось пожить родившимся до него братишке и сестрёнке. Один умер, прожив несколько месяцев, а вторая, начавшая ходить и говорить одновременно, любимица отца, умерла, прожив чуть менее года от болезни, косившей и старых, и малых без разбора.

Здесь же, по земляному полу, он начал ползать, ходить, набивать первые синяки и шишки, пробовать на зуб съедобное и несъедобное. И дали ему имя при рождении Стёпка, то бишь, Степан Теплов, сын Петров.

Здесь он жил, ходил по земле, рос, работал, помогал отцу по хозяйству, а матери по дому и крепчал в кости. Одним словом, взрослел.

Не дал Бог больше деток его родителям, вот и перенесли они всю свою любовь на единственного, всячески потакая ему и смотря сквозь пальцы на его шалости.

Рос наш курянин в Хомутовке и не знал и не ведал того, что приготовили ему Судьба и Жизнь, эти две неразлучных, помогающих друг другу подруги, и ангел-хранитель, идущий рядом с ними с момента его православного христианского крещения.

«Край ты мой, родимый край!»

Итоги конкурса одного стихотворения, посвященного 300-летию Кузбасса

Литературные конкурсы – прекрасная возможность заявить о своём таланте, проявить себя, так сказать, выйти из тени на свет.

Самое важное здесь не получить награду за свой труд, а окунуться в атмосферу литературного бытия, ошутить сопричастность к сообществу, найти друзей по перу.

Отринуть чувства зависти и проявить совсем аругое чувство – радость за успех аругого.

Считаю, что нам это удалось в рамках конкурса «Край ты мой, родимый край!». Участники и члены жюри общались, дискутировали, делились впечатлениями, эмоциями.

Победитель конкурса одного стихотворения «Край ты мой, родимый край!»

Владимир Шишкин

В краю родном, поэтами воспетом, Так много мест чудесных есть, Я к ним стремлюсь зимой и летом, Творцу за них хвала и честь!

Кузнецких гор магнит круглогодичный Давно известен нашим землякам. Звон их вершин небесно-мелодичный Доходит к нам по облакам!

Весной их склоны заревом пылают От нежно распустившихся жарков, Всё в кружевах черёмух утопает Под звон бегущих с Зубьев ручейков.

Живым стеклом звенят

осколки водопадов, Им нет числа в Долине Золотой. Черники россыпи здесь в пору листопада Венчают пожелтевший травостой.

Искрясь, звеня свиваются

в пространстве Прозрачные жгуты ручьев и рек. Родной Кузбасс сияет в их убранстве, Уверенно вступая в новый век!

Участники конкурса одного стихотворения «Край ты мой, родимый край!»

Юрий Гамов Крейсер «Новокузнецк»

Крейсер «Новокузнецк»

трубами небо красит, Как богатырь стальной, силой своей прекрасен,

Плавит в печах металл, недра винтами рубит.

На стороже всегда взгляд

крепостных орудий.

Пусть простят земляки мне сравненье моё. Город славы рабочих профессий-Для меня этот город не просто жильё, Для меня этот город, как крейсер.

Вот он гордо парит над огромной тайгой. Вы наверх посмотрите, как здорово! До чего же похож на корабль боевой! Это Ангел-хранитель города.

Видишь: палубы улиц, дворов, площадей... Город-крейсер летит во времени. Экипаж на борту из надёжных людей, Закалённых, на прочность проверенных.

Круто скулы бортов омывает волна. Держим курс на маяк Маяковского! Это им про Кузнецк золотые слова Были сказаны точно и просто.

Значит, правду предвидел трибун и поэт. Время, словно страницы, проколото.

Город садом расцвёл, а из угольных недр К людям хлынуло чёрное золото!

В нашей памяти предков Кузнецкий острог, Сказ про каторжный труд непосильный. Здесь сегодня по жилам железных дорог, Словно жизнь для страны, пульсирует.

Реки ярких горящих металлов текут — Это сталь броневая плавится. Здесь, в Сибири, в почёте ударный труд! Кузнечане трудом своим славятся.

Этот город — кузнец, и характер его В людях нашей земли присутствует. Даже в космосе есть, и в столичном метро Есть Кузнецкой земли продукция.

Пусть наш город-корабль вдаль летит сквозь шторма, Волны режет форштевнем грозные. На планете Земля, как эскадра - страна.

Крейсер «Новокузнецк»

трубами небо красит,

Как богатырь стальной,

Нам по силам задачи серьёзные!

силой своей прекрасен,

Плавит в печах металл, недра винтами рубит,

А на борту его главная ценность — люди!

Ильгизар Ягфаров Краткая поэтическая сага о Кузнецком крае

Твоя история недолга, Она совсем невелика, Мгновенье ей — и только, Пусть позади уже века.

Наш Пётр-царь взор обратил На край суровый — мой родной, Мечту указом объявил, Найти места с углём, рудой.

Михайло Волков ту мечту В реальность смело воплотил, Была задача по плечу, Богатством Русь озолотил.

Кузнецкий край ещё так молод! Но лихолетий было сотни, Ковал победу серп и молот, Тыл помогал бойцам на фронте.

Я верю в будущее края, Он дорог мне — и им горжусь, Он для меня — просторы рая, Я в этой жизни пригожусь!

Светлана Семенова Зимний край

Всё вокруг бело, Как будто это рай. По-сибирскому суров Наш Кузбасский край.

На рябинках красных Белый снег лежит. За седыми облаками Солнышко дрожит.

Стихи о себе

Струился звёздный свет издалека, Победно хвост расправила комета, На свет я появилась в час Быка, Хоть ангел мне шепнул: «Дождись рассвета».

Ночь заманила чистым бриллиантом, И звёзды мне удачу напророчили, Но не спешили наделить талантом И ангел мой вздохнул: «Живи, как прочие»

Крутилась, точно белка в колесе, Среди людей мелькала серой мышью, И – видит Бог! – пыталась жить как все, И – Бог свидетель – ничего не вышло.

Привыкла быть читателем и зрителем, Надежды мою голову не вскружат, Из битвы мне не выйти победителем. Хотя мои стихи других не хуже.

Но «жить как все» — не лучший вариант, С годами даже ангелу не внемлю, И если мне судьба дала талант, То я его давно зарыла в землю.

Кредит

Никогда не берите кредита, Или будут надежды разбиты. Первый снег упадёт и растает. Лучше с силами вы соберитесь, Но от жизни в кредит откажитесь. Знайте, лёгких долгов не бывает.

Вас поманит игра бриллианта, Но в залог не отдайте таланта. Оплывут вдохновения свечи: Вы таланта шлифуете грани? У поэтов негусто в кармане, И кредит отдавать будет нечем.

Будет солнце недолго в зените: Дарованье своё укрепите. Не теряйте в безделье пустом. Подарила вам крылья природа? Завтра будет нелётной погода. Не отложишь полёт «на потом».

Раз душа и чиста, и открыта, У друзей не берите кредита. Если дружба годами проверена — Лживый принцип «ты — мне, я — тебе», По твоей не пройдётся судьбе, Им разбита судьба, да не склеена ....

Вы мечты не хотите загубленной? Не берите кредит у возлюбленной. Быть в долгу у неё не положено. За любовь, доброту и терпение, Заплатите своим восхищением. Не примите заботу, как должное.

Но бывают печальнее повести: Избегайте кредитов у совести. Вы ценою прельстились базарной? Для оплаты скопили монету?

Где же совесть? А глядь — её нету, Кредитор она очень коварный. Вы хотите понять всё буквально? Что ж, кредит не берите. Реально.

Нина СТРУЦ Струился звёздный свет издалека

Магия библиотеки

Что век наш оставит грядущему веку? Авы загляните-ка в библиотеку. Там встретят вас

работницы культуры, Хоть скромницы, но яркие натуры.

То выдают, то расставляют книжки, Бывают незаметными, как мышки. Сравнение с мышками — им не в обиду: Они неприметны порой только с виду.

Сотрудницы книжной организации Пленяют народ обаянием, грацией. Манеры и речь безупречно изысканы, Улыбки на лицах открыты и искренни.

С читателем каждым добры и приветливы, И хоть небогаты,

но не привередливы. Новинки оставят по вашим заказам. Всегда сохраняют спокойствие,

разум.

Чтоб в фонде царил идеальный порядок, Летят по стремянкам

быстрей акробаток. Порою читателей вводят в искус: На шабаш зовут - говорят: «Ночь искусств».

Поверьте, труды величайших учёных Они постигают без магии чёрной. Равно интуиции чисто мистической Познание литературы классической.

Пройдут безупречно отборы и кастинги,

А «фэнтези» знают – на грани фантастики.

И до совершенства, без помощи мистики.

Доводят простое искусство статистики.

Бывают моменты

почти детективные, А планы развития

есть перспективные. Отлично поют: и не надо им славы, Хоть ноты возводят

до 3-й октавы.

Напишут стихи к юбилею Кузбасса, На полном скаку остановят Пегаса. А чтоб отдохнуть

от житейского груза, Нальют коньячок:

для себя и для Музы.

А что до забот о финансовом плане -Пора утопить его в полном стакане.

Куда заманил октябрь

Пламенел закат багряный, В октябре темнеет рано. Лес осеннюю поляну Пёстрым кругом расстелил.

Крест темнеет на погосте. В лес вхожу незваным гостем. Видно, леший заманил.

Мрачен лес, скрипучи ели: «Кто решился? В самом деле?» (Листья ржавые — с куста) За каким же интересом, Заявился, к мелким бесам. **К** мелким бесам — без креста?

Карты, выпивка, кредиты ... Что есть люди? Паразиты! Город — прах и суета. Так с депрессией и стрессом, Я подался к мелким бесам, К местным бесам - без креста.

Завела тропинка в чащу, Бес сидит! Ну, настоящий! Ужас, мрак и чернота. Надо ж быть таким балбесом! Самому явится к бесам, И к тому же без креста.

Я орал: «Тебя же нету!» Бес подбрасывал монету, Подмигнув мне неспроста: «За каким, скажи, бельмесом? К нам явился - к мелким бесам? Без ума и без креста?

Кто ты? - Мелкий лгун, повеса. Бесам ты без интереса. Не душа, а пустота. В пекло путь давно протоптан, Закупаем души оптом! В преисподней - теснота».

Бес подмигивал ехидно... Болтовня его обидна. Всё же я ещё на воле ... Ну, в долгах я. С горя пью, Но души не продаю! Я достоин лучшей доли.

Ну, дела! С меня довольно! Звон раздался колокольный, Разливаясь в тишине. Месяц вышел половинкой, Я знакомою тропинкой, Выхожу. И крест на мне.

Сомнения

(Заповеди блаженства)

Православные! Что нам надобно? Лик иконы да запах ладана. Литургия да «Символ веры». Запах ладана? Может, серы?

Хор - в ударе! Само совершенство. На земле обещает блаженство, Так поёт, что листва не колышется Только мне что-то страшное слышится.

Может, пойман уже на измене я? Мелким бесом крадётся сомнение.

Песнопения нынче не верные. Где же ваши награды, блаженные?

Потрудился ты Богу в угоду? А глупцы назовут «нищебродом».

Будь блаженным и духом ты нищий --Тебе хватит земли на кладбище. Только скажут, что без богатства, Не достигнуть Небесного Царства.

От грехов отрекаетесь, плача? Скажут вам: не поймали удачу. Не солгав, не украв - не прожить. Кайтесь, люди ... чтоб снова грешить.

Кто водою крещён, а кто водкою, Упустили награду вы, кроткие. Землю-мать без закона, без спроса Наглецы увели из-под носа.

Вместо правды - бум информации. Факты — только предмет спекуляции. Было, нет ли — это неважно! И наука стала продажной.

Близко истина — вы не заметите. Вы не греете, только светите. Пошатнулась всей жизни основа: Заглушается мудрое слово. Чувства добрые ветром развеются: В сострадание нынче не верится.

Непонятны нам темы вечные: Где она - чистота сердечная, Мысли светлые и духовные? Правят миром порывы греховные.

Кто в истоках вражды разберётся? Ну, кому тут нужны миротворцы? Не спастись от раздора и страха, И Донбасса, и Карабаха.

Если даже за правду вы изгнаны, Неизвестно ещё, кем вы признаны. Скажут: вас поносили и гнали? Невиновны вы были едва ли.

Смущены мы опасною думою. Нет, друзья! Я так вовсе не думаю. От грехов мы прощеньем очищены: Благодарны все вам, духом нищие.

И утешатся - как же иначе? Те, кто горько о бедствиях плачет. И в грядущем, как в нынешнем веке, Пусть земля процветает вовеки.

Дух и разум в высоком полёте? Значит, истину вы найдёте. За собратьев — единоверцев, Пусть помолятся чистые сердцем.

Доброта никогда не стареет: Милосердие не оскудеет. Небо чисто и радостно солнце -Потрудились не зря миротворцы.

Пусть толпа обречёт на расправу: Перед Господом всё же вы правы.

А сомнения дух преисподней, Пусть развеет звон колокольный.

г. Новокузнецк.

Тайана ТУДЕГЕШЕВА

Тайана Тудегешева — лауреат премии Кузбасса, победитель областных литературных конкурсов среди профессионалов «Образ» и «Энергия творчества», лауреат журнала «Огни Кузбасса», дипломант Международной литературной премии имени П. П. Ершова. Её произведения публиковались во многих общероссийских газетах и журналах, в таких как «Литературная газета», «Литературная Россиия», «Российский писатель», «Наш современник» и других. В числе лучших произведений Сибири за последние 100 лет стихи Тудегешевой вошли в книгу «Русская сибирская поэзия. Антология XX века».

«Когда во мне угаснет дух горенья»

Ушла из жизни знаменитая российская и шорская поэтесса Тайана Тудегешева.

14 февраля 2022 года после продолжительной болезни на 65-м году ушла из жизни Тайана Тудегешева - член Союза писателей России, советская, российская, шорская поэтесса. Она была выпускницей Иркутского технологического техникума и Московского литературного института имени М. Горького, автором десяти поэтических сборников. Много сил она отдавала поддержке и развитию культуры коренных народов Кузбасса. Работала заместителем директора городского Дворца культуры по поддержке и развитию культуры коренных народов Новокузнецка и директором этнографического детско-юношеского объединения «Тазыхан», созданного по её инициативе.

Тайана Тудегешева — лауреат премии Кузбасса, победитель областных литературных конкурсов среди профессионалов «Образ» и «Энергия творчества», лауреат журнала «Огни Кузбасса», дипломант Международной литературной премии имени П. П. Ершова. Её произведения публиковались во многих общероссийских газетах и журналах, в том числе в таких, как «Литературная газета», «Литературная Россия», «Российский писатель», «Наш современник» и другие. В числе лучших произведений Сибири за последние 100 лет стихи Тудегешевой вошли в книгу «Русская сибирская поэзия. Антология XX века».

За свою творческую и просветительскую деятельность Тайана Тудегешева неоднократно получала высокие награды: медали «За служение Кузбассу» (2007 г.) и «За вклад в развитие Таштагольского района» (2012 г.), звание лауреата премии Кузбасса (2013г.), почётный знак «Золотая Шория» (2014 г.), юбилейные медали «В память 200летия со дня рождения М. Ю. Лермонтова» (2014) и «70 лет Дню шахтёра» (2017 г.).

Управление культуры администрации г. Новокузнецка

Я – дочь, я – ветвь Абинского народа

Точное впечатление о стихах Тайаны Васильевны высказал поэт Геннадий Иванов: «Мне близки стихи Тудегешевой открытостью, искренностью, пронзительной энергетикой, мелодичностью, национальным колоритом. В них есть и ласка, и нежность, но есть и горячий порыв, и мужество, и есть «аскеза гор». Есть радость и горечь... Одним словом, нам явлена здесь талантом поэта живая жизнь. Без трафаретов и шаб-

Т. Тудегешеву по праву можно назвать старательным летописцем своего народа. Здесь, в Абинской степи,

был мой предок сражён Леденящей рукой чужестранца. Бил о землю ногой старый конь боевой, Но сражённому вновь не подняться... Что же, ветер, поёшь песнь

угасших времен? Без того сердце грустью объято. Спит Абинская степь, зарастая травой, Свет багровый на западе бродит. На курганных вершинах не спят ковыли Даже в самую тихую полночь.

С творчеством Т. Тудегешевой читатели знакомы по публикациям в местной периодике и в газетах «Литературная Россия» и «Российский писатель», журналах «Наш современник», «Огни Кузбасса», «Литературный Кузбасс», в коллективных сборниках.

Она воспевает красоту гор и рек родной Шории, осмысливает историческое прошлое Родины. И, как отмечают критики, в её творчестве постоянно присутствует тема фольклора. Тайана Васильевна хорошо изучила историю и традиции своего народа и делилась знаниями со слушателями на авторских вечерах.

И как тут не вспомнить её рассказ о горе Ай-Каан (Хан месяца), с которой связано много необъяснимых явлений, странного поведения в преддверии какого-либо несчастья. Гора как будто хочет предупредить жителей о надвигающейся беде: над её вершиной появляется образное открывание зеркальной двери.

Где прохладный Ай-Каан

всё о чём-то грустит И в ночной тишине он с тайгой говорит. Где Таскыл чутко спит под сияньем звёзд, Он хранитель могил и несбывшихся грёз. Там гортанная речь сердце мне исцелит, Песен медленных стон душу мне оживит.

Не все горы, среди которых главенствует красавец Пустаг, имеют положительные черты характера. У них, отмечает поэтесса, такие же взаимоотношения, как у людей: наряду с дружбой, любовью, пониманием соседствует соперничество.

Или, к примеру, взять другой момент. Шорский эпос намного богаче и разнообразней того, что мы слышали в хрестоматийных легендах и рассказах. Да и тех, как я убедился, очень мало. Вот, смотрите. Для того, чтобы герою народного шорского сказания побывать у небесного владыки верхнего мира Ульгеня, ему предстоит осилить 99 слоёв мифологического пространства!

А если вы научились общаться с духами, то в природе можно выжить. Попав в сложную ситуацию, скажем, в тайге, когда отсырели спички и нечем обогреться, стоит только обратиться за поддержкой к хозяину тайги, и всё уладится, как верили в старину шорцы-охотники.

Общеизвестно, что у шорцев с давних времен развивалось кузнечное ремесло. К ним приезжали купцы из Китая и обменивались товарами. Заказывали мечи и другое оружие монгольские воины. Поэтому неудивительно, что в наши дни археологи находят шорские печи, в которых плавился металл. Моя Родина там, где кузнечные люди веками Мастерством будоражили буйный,

дымящий Восток. Жадный взор неотступно глядел на абинские дали,

Засылая бессчётных туменов незваный поток.

Шорцы храбро защищали свою землю от пришельцев и грабителей. Поэтесса уважает воинские качества своих предков, посвящая им много произведений:

По Абинской степи, над курганами в ночь Дикий ветер поёт древний эпос: В песне топот коней, полыханье костров И поющей стрелы долгий отзвук. Слышу — вижу: клубится горячая пыль Под ногами стотысячных конниц. И звенят стремена, и сверкают мечи В безымянных сраженьях жестоких.

Тайана родилась в Усть-Анзасе в интеллигентной семье, где воспитывалось шестеро детей. Отец, Василий Васильевич Каныштаров, работал корректором в районной газете, писал стихи, которые вошли в коллективный сборник молодых шорских поэтов. Но после ликвидации в конце 30-х годов Горно-Шорского района занялся педагогической деятельностью, обучал грамоте земляков таёжных окраин города Таштагола.

Мать поэтессы Мария Михайловна, по профессии метеоролог, постепенно, с увеличением семьи, все больше и больше погружалась в ведение домашнего хозяйства. В дневнике она записывала наблюдения, яркие события, интересные мысли (опубликовать бы эти записи, уверен, они заинтересовали бы не только историков, но и рядовых читателей).

С раннего детства Тайана приучалась к труду, выполняла все посильные домашние дела. Зато самым настоящим наслаждением для будущей поэтессы были долгие зимние вечера, когда, управившись по хозяйству, все члены семьи садились за длинный стол и при свете керосиновой лампы читали и обсуждали произведения любимых писателей. Родители выписывали много периодики, в том числе — специализированные детские издания.

Родительские черты характера передались и Тайане. Она — хорошая хозяйка, мудрая жена. Вместе с мужем Николаем, инженером-металлургом, воспитала трёх замечательных сыновей. На всероссийском смотре-конкурсе «Металлургическая семья-99», проходившем в городах Видном и Москве, Тудегешевы стали лауреатами. А в следующем году при поддержке руководителей Западно-Сибирского металлургического комбината увидел свет однотомник Т. Тудегешевой «Поющие стрелы времен».

В период работы заместителем директора новокузнецкого городского Дворца культуры по поддержке и развитию коренных народов нашего края Тайана Васильевна много внимания уделяла творчеству своих земляков. Её усилиями было создано детско-юношеское этнографическое объединение «Тазыхан», это имя матери небесного властителя добрых духов Ульгеня.

Много сил приложила она и к открытию семейного музея шорской истории и культуры. Начинали с нуля. Приходилось всей семьей ездить по отдалённым шорским селениям и обменивать одежду, украшения на музейные экспонаты. Где-то вещественные памятники дарили, помня доброе имя отца поэтессы. И хотя от отпусков и большинства выходных пришлось отказаться, несколько лет жизни, посвящённых становлению музея, было потрачено не зря.

В результате этой кропотливой работы в музее появились десятки ценных историчес-

ких экспонатов. Вот несколько из них: чугунные кувшины (ра), ступы (сак), туеса, сёдла, старинные приспособления для ночной ловли рыбы (шашкын), предметы духовной и материальной культуры, сруб охотничьей избы.

Т. Тудегешева размышляла о нынешней жизни своих земляков. Её беспокоило, что подрастающее поколение стало меньше интересоваться национальной культурой, народными обычаями. Малыши не всегда умеют говорить на родном языке. Молодёжь покидает родительские дома и переезжает в города, ведь в промышленном секторе значительно выше зарплата. Такое явление порождает ассимиляцию народа.

— Помню, как родители запрещали шумно вести себя в лесу, чтобы не потревожить покой Хозяина Тайги. Скашивать траву разрешалось, но рвать траву — запрещалось: нельзя рвать волосы Матери-Земли. Кедр у шорцев считался и считается священным деревом, отсюда к нему бережное отношение. Все обычаи и обряды земляков, которые передавались из поколения в поколение, напоминают о том, что нужно бережно относиться к природе, ведь шорцы — это народ, который жил в полном слиянии и гармонии с ней...

Естественно беспокойство Тайаны Васильевны. Но, несмотря на все опасения, шорская культура не исчезает, а, наоборот, развивается. Администрацией области реализуется целевая программа по поддержке малых этносов региона.

Т. Тудегешева закончила Высшие литературные курсы при Литературном институте имени Горького. Ей повезло, что руководителем её творческого семинара был русский поэт Юрий Кузнецов, который помог ей по-новому взглянуть на литературу. В воспоминаниях воспитанников Юрия Поликарповича проскальзывает высказывание о том, что мэтр не то чтобы не признавал, а недооценивал женскую поэзию. На это, наверное, были разные причины.

Тудегешевой запомнились слова Кузнецова Ю. о том, что она «ходит по золотому шорскому фольклору». «Сумей поднять это богатство», - советовал мастер. Юрий Кузнецов знал, о чём говорит: его поэзия также идет от фольклора. К этой традиции он всё больше и больше возвращался в своем творчестве, об этом напоминал студентам на семинарских занятиях. Стихи не всякого поэта он переводил на русский язык, да это и понятно: настоящую поэзию трудно «пересадить» в грунт другого национального языка. Помимо знания культуры народа необходимо прочувствовать глубокие корни языковых оттенков текста, воедино влиться в одну образную струю. И мы рады, что в творчестве Тайаны Тудегешевой классик нашёл такие стихотворения, которые соответствуют высоким критериям, и перевел их на рус-

Ю. Кузнецов ушёл из жизни в расцвете творческих сил. Не все замыслы успел осуществить. Тайана бережно хранила память об этой выдающейся личности, собиралась написать воспоминания.

О творчестве Т. Тудегешевой высказывались многие российские критики. Например, Михаил Числов писал: «Она поразила редким, почти уже сейчас невозможным сочетанием эпоса и лирики. И если в эпосе её устами говорит древняя история, то в лирике осмыслен и пущен в работу психологический портрет нашего современника».

А другой известный российский поэт и публицист Николай Переяслов почувствовал, как со страниц её книг «щемяще-сладко повеяло запахами осенней тайги, дымом ночного костра, послышались удары шаманского бубна, колючий шорох февральской метели». Потому что поэтам такого масштаба, как Т. Тудегешева, «дано обладать тем неповторимым колоритом, которого, к сожалению, уже почти не осталось в русской поэзии». «В стихи Тайаны Тудегешевой входишь, как в какое-то волшебное царство», — признавался он.

Строки Т. Тудегешевой мелодичны, легко ложатся на музыку. Кузбасские композиторы на её лирические произведения написали ряд песен, которые завоевали популярность у земляков. Это — «Благословляю», «Возвращение шамана», «Гимн Шории», «Кунягаш», «Куу-куш, алтын куш», «Эжегей», «Разговор с сыном» и другие. На её литературных вечерах всегда было много слушателей. Как правило, они просили поэтессу сыграть на тебир-комусе. И она не отказывала. Как только Тайана прикасалась к инструменту, в зале оживал шум деревьев, виднелись вдали седые горы, слышалось пение таёжных птиц.

Так воспевать красоту родного края может только настоящая дочь шорского народа. Когда во мне угаснет дух горенья, Когда не будет сил на гордое движенье, Моей судьбе-судьбинушке наперекор, То я найду душе приют, отдохновенье Среди твоих лесов и вечных синих гор.

Примечательно, что Тайана писала как на русском, так и на шорском языке. Поэтому мне было интересно узнать, как она оценивает нынешнее состояние национальных литератур, состояние переводческой школы.

- Считаю, что за последние десятилетия полностью утрачена школа переводчиков наших национальных литератур, и не только бывшего Советского Союза, но и российских автономных республик и национальных округов. Если где-то и можно встретить качественные переводы, то это редкость. Эти издания выходят очень маленькими тиражами. Продолжаем беседу.
- Вспоминаю советские времена, когда журнал «Дружба народов» при Сергее Баруздине регулярно публиковал произведения из всех союзных и автономных республик страны. Ежегодно в серии этого журнала выходила 15-томная библиотека лучших произведений писателей СССР.
- Да. Это были лучшие времена для наших писателей. Сейчас нет такой заботы государства о литераторах, какая была раньше. Эти функции переложены на региональные власти, у которых порой не хватает финансовых возможностей оказывать поддержку.
- Ты, наверное, знаешь, Тайана, что издательский концерн «Литературной России» выпустил целую библиотеку книг по национальным литературам северных народов?
- Конечно, знаю. Сама вам привозила такие книги из Москвы от В.В. Огрызко, когда училась на Высших литературных курсах. И в поезде за трое суток пути с ними досконально знакомилась. Хорошо, что «Литроссия» взяла на себя функции такого масштаба. Эти книги соответствуют тем образцам и стандартам, которые диктует нам время. Была бы только надлежащая поддержка.
- Думаю, что шорская литература тоже достойна такого внимания на всероссийском уровне...
- Конечно. Ведь в шорской культуре есть литераторы, ушедшие из жизни, но оставив-

шие добрую память о себе, есть и ныне здравствующие.

- Помню, как 5-7 лет назад ты пыталась оживить ассоциацию шорских писателей.
- Была попытка... Дело в том, что сначала нас не поняли и посчитали, что планируется регистрация новой писательской организации в регионе. А их тогда было в избытке. Кроме Кемеровской областной писательской организации, в Новокузнецке Борисом Рахмановым была зарегистрирована еще и Южная организация. Набирал обороты, а теперь развалился региональный союз российских писателей. Заактивничал самодеятельный союз кузбасских писателей. Произошла такая путаница, что читателям тяжело было разобраться, где, кто, что и как. Мы решили повременить. А сейчас, думаю, может быть, уже и потеряно время. Посмотрим на результаты предстоящего съезда Союза писателей России. Хочется, чтобы на нём был поставлен вопрос и о национальных литературах страны.

В последние годы судьба преподнесла писательнице нелёгкие испытания. Её жизнь находилась между двумя несовместимыми полюсами. И только мужество, стойкость, вера в победу дали возможность осилить тяжелый недуг. Тайана Васильевна вернулась к активной творческой деятельности.

Не так давно в кузбасском издательстве ООО «Примула» вышел в свет солидный однотомник лирики Тайаны Тудегешевой «Элимай». Сюда вошел и цикл стихотворений для детей.

Надо отметить, что в шорской культуре мы раньше не встречали стихов, написанных специально для детей. И эта вековая несправедливость устранена произведениями Тайаны Васильевны. Стихотворения для детей отражают природную красоту каждого животного, птицы, их характеры. Взять, например, Волка. В народных сказках он — отрицательный персонаж, злой, кругом его бьют, обижают, а Тудегешева, наоборот, раскрывает его качества охотника, находчивость и смекалку.

Мать-лосиха — мифологическая родоначальница многих коренных народов Сибири, в том числе шорцев. Она — символ природы.

Мать-Лосиха— есть природа, Мать всего людского рода. Забываем год от года, Что такое Мать-Природа. Не будите, люди, лихо, Где-то ходит Мать-Лосиха.

Написание этого стихотворения совпало с созданием таштагольским скульптором Д. Намдаковым образа Горной Шории. Он представляет собой Лосиху, на которой сидит девушка-красавица.

Прекрасно показана в стихах «ус», то есть рысь:

Звать по-шорски её «ус», Очень я её боюсь... С ней знакомиться пора: Ус, как молния, быстра. Уши кисточкой, торчком, Каждый шорох ей знаком...

Литературная и общественная деятельность писательницы отмечена областными наградами. Она — лауреат премии Кузбасса. Удостоена региональных медалей «За веру и добро» и «За служение Кузбассу», а также в память 200-летия со дня рождения М.Ю. Лермонтова. Недавно Т. Тудегешева награждена ещё и почётным знаком «Золотая Шория» и медалью «За развитие Таштагольского района»

Тайана Васильевна является дипломантом Международной литературной премии имени П.П. Ершова. Стала победителем областной литературной премии «Энергия творчества» и журнала «Огни Кузбасса», а также литературного конкурса «Образ» (Іместо).

Николай Ничик, член Союза писателей России.

http://www.ognikuzbassa.ru/

Зачем
Седой туман
Тропу хоронит?
Она и так
Забвеньем зарастёт.
Листва времён
Слезу свою уронит
О тех,
Кто следом
В мир придёт.

Над безмолвием

Тихий сумрак стоит над могилой, Одинокий пустынный покой. Ветер птицей бесшумной, пугливой Пролетает с нездешней тоской.

В сонном мареве, вечном закате Успокоилась чья-то душа, Вместо горестных слёз об утрате С листьев падает Божья роса.

Время стёрло рукой беспристрастной Одинокой любимой следы. Не прийти ей тропою возвратной, Не встревожить травы-лебеды.

Посреди тишины удручённой Слышу шорох своих же шагов. Ветер, ветер, отшельник бездомный, Облетает безмолвье холмов.

Нет покоя душе сопричастной, Кину взгляд: все кресты и кресты... Где предел есть печали безгласной, Что стирает любимых черты.

Что ты смотришь грустными глазами

Что ты смотришь грустными глазами На меня, мне свет уже не мил. Так шаман безмолвными ночами Просит счастья у небесных сил.

Мы с тобой немного опоздали, Скрылись в далях годы-скакуны, Пронеслись, родные, заплутали, Даже с гор Алтайских не видны.

Не томится слух мой соловьями, В сердце поселилась тишина. В вышине орлица над горами Безмятежной строгости полна.

Сердце спит. Что делать мне с собою? О, любовь! О, если б ты зажглась! В небесах взыграла б я грозою И дождём на травы пролилась.

Смерть марала

В глухой тайге, в краю прибрежных диких скал, Среди камней, покрытых мхами, Откинув царственную голову, лежал Марал-самец с ветвистыми рогами.

Его смородинные чёрные глаза Смотрели в небо будто удивлённо, В больших зрачках застыла

капелька-роса, Дрожа листом осенним обречённо. Прошло с тех пор всего каких-то полчаса, Когда он мчался вслед

за солнцем, окрылённый... Вдруг грянул выстрел...

и сибирских гор краса На камни рухнул, пулею сражённый.

И небо гулко содрогнулося над ним, И скалы эхом ахнули пугливо: В прохладный ветер

вторгся порох-дым, Змеёй расползся как-то суетливо.

Марал, слабея, долгим взглядом озирал С тоской в глазах земное мирозданье. Покорный воле рока, молча умирал — . Божественное, гордое созданье.

Беспечно в скорбной тишине текла река, Спеша навстречу жизни деловито. А на камнях, в предсмертной схватке сжав бока, Марал остался с головой пробитой.

С небес незримый дух бесстрастною рукой Стелил на горы саван равнодушно. И воцарился странный мертвенный покой, Подвластный тёмным силам зла послушно.

Сыну Владиславу

Старший сын, пообщайся со мною, Чаю с мятой попьём, не спеша. Жизнь всё реже нас сводит с тобою, Удели дорогих полчаса.

Каждый миг на земле— невозвратный, Вскрикнет эхом, замрёт в вышине. Может, высшее счастье— чай мятный, Что мы пьём в этот час в тишине.

Знаешь, чувства ценны глубиною, Оттого расцветает душа. Помни, сын, выраженье такое: Без любви жизнь не стоит гроша.

Нотой чистой наполни всю землю, В трудный час перекинься мостом. В полдыханья любовь не приемли, Не откладывай жизнь на «потом».

Лесть и ложь слух ласкают приятно, Поступь их, как пушинка, легка. Но несёт вниз, куда, непонятно, Молчаливая жизни река.

И не скрыться нигде человеку, В Небе — судеб плетётся канва, Потому до скончания века Так зовёт в высь небес синева.

Ну а мне на земле нет покоя: Слышу крыльев полёт неземной. Только веки устало прикрою, Время-ворон кружит надо мной.

Разгулялась шаманка-метель.
В тёплом ложе, тобою согретом,
Завтра встану холодным рассветом,
Застелю белый саван — постель.
В ночь уйду молчаливой тропою,
Закамлает метель мне вослед,
Будут вихри кружить за спиною,
Заметая тепло давних лет.
И никто, и никто в белом свете
Одиноких следов не найдёт,
Только ветер, неистовый ветер,
Вдохновенно кружа, отпоёт.

Травы летом дышат ароматом, Улыбаясь капельками рос, Тишину в томленье предзакатном Всколыхнули лепестки стрекоз.

С сайта http://lik-kuzbassa.narod.ru/Gayana-Gudegesheva.htm

Людмила ИВАНОВА

Людмила Владимировна Иванова всю свою трудовую жизнь работала в сибирском селе Каменный Ключ Кемеровской области. Она потомственная школьная учительница; в этой же школе работали её родители. Отец многие годы был директором школы, сейчас библиотека в селе носит его имя. Брат тоже учитель – в другом селе.

Как у всякого живущего на селе, у Людмилы множество забот. Домашние хлопоты, огород, снежные заносы зимой. При этом она находит время для применения своих многочисленных интересов и талантов. Это пение в хоре, церковные службы, вечера для ветеранов, поэтические фестивали, даже лыжные забеги. Недавно увлеклась изготовлением кукол. Людмила вырастила двух сыновей. Написала исследование «Моя семья и XX век», где проследила свою родословную, начиная со второй половины XIX века.

Все эти заботы не мешают Людмиле Ивановой быть необыкновенно разносторонним человеком. Живопись, музыка, поэзия, театр — это не увлечения, это её жизнь. Её привязанности и вдохновения, удивления и восторги отражаются в её стихах — жизнерадостных, задумчивых, исповедальных, полемических. В них богатство рифм, прекрасное владение языком, образы, намёки, цитаты из мировой культуры и современной жизни. Всё это говорит о поэте как об эрудированном, духовно богатом человеке.

Людмила Иванова — постоянный участник поэтических конкурсов и фестивалей. Несколько лет назад в конкурсе «Поэт года-2014» на портале «Стихи.ру» вышла в финал. Ездила в Москву на награждение; издан сборник её стихов «Хронология мысли».

О своих раздумьях, интересах и занятиях Людмила скажет в двух стихотворениях на следующих страницах. В сборник вошли стихи по трём темам: стихия мира (природа), стихия человека (любовь), стихия творчества (поэзия, музыка, живопись).

Сергей Гринберг

Ручной дракон

В этой прозрачной, распахнутой тайне тонет душа, как лужайка в росе...

Странные мысли

Над каждой вешней трелью соловья, Над каждым бликом солнечного мая, Над каждою секундой бытия Злопамятная вечность, нависая, Гудит... тысячелетий и парсек, Всей толщею наваливаясь разом... Из невесомых пут её вовек Не вывернется суетливый разум. О, тяготенья гибельный закон! О, лёгкий шум паренья и дыханья! В них — слабость мысли ветреной людской И в них же - мощь познанья и сознанья... Медлительный, торжественный закон Судьбы - забудь! У тропки на откосе -Прозрачных одуванчиков мильон Сведёт его к нулю в простом вопросе О смысле жизни, смерти и мечты. ...А красота всего превыше, кстати, Пусть под ногами, с тлением на «ты»,

Чем я занимаюсь

Пусть мимоходом, мельком, смеху ради...

Чем я занимаюсь? О, я занимаюсь Всем тем, чем могу, надо или не надо: Я верю, боюсь и надеюсь, и маюсь, Имею... умею... хочу винограда. Я занята тем, что к тому и другому Неровно дышу. Это, в общем, прелестно! И тем, что желаю ямайского рому (Да кто ж мне его принесет? Неизвестно!) Я занята тем, что с момента рожденья Я не сомневаюсь в высоком и вечном, Исследую собственные сновиденья И следую собственным планам беспечным. Я занята тем, что как птица на ветке, Пою и порхаю слегка заполошно, А также завидую ушлой соседке Цветочки её цветут слишком роскошно! Я тем занимаюсь, что интересуюсь Всем-всем, чем возможно и чем невозможно, Болтаю с котом и зарёю любуюсь, В ленивых стихах привираю безбожно. Я занята тем, что зимою и летом Шикарно смотрюсь... а порою – кошмарно. Я занята тем, что являясь поэтом, Являюсь поэтам другим регулярно На конкурсах, слётах, везде успевая, На разные прочие мероприятья. Я даже стесняюсь, перечисляя Невинные, в общем-то, эти занятья. Я занята тем, что живу — вот в чём дело! Люблю... не люблю... И мечтаю, признаться, О новых нарядах, чтоб сердце запело, О новых стихах, чтобы души задело... Мне ёсть чем заняться. Мне есть чем заняться...

Огоньки

Знаю, вы видели это -Нежный, хмельной слегка Чистый огонь лета В сердце цветка огонька.

Поздний подарок мая, Летний сибирский форс -Трав тишина живая В зареве маленьких солнц.

Лета костёр шалый, Он не багряный, нет, Не золотой, не алый, Рая, пожалуй, цвет!

Веры ли не касательство Эти цветы у ручья? Лишнее доказательство Божьего бытия...

На закате

Что там пропоют минутки, тикая? В песне, в небе, во поле – не зря.

Незабудка ли, забудка, утка дикая, Тканью невесомою — заря...

Ах, толи кукушки слёзки пролили, Медуница ль — пьяную росу? Доли моей, воли моей, боли ли -Шалый цвет в ладонях принесу.

Принесу, оставлю ветру сонному, Над прудом развею ввечеру. Прослежу по небу подпалённому Облаков жемчужную игру.

Пробираюсь рощами-опушками, Вешнею медовою травой. А в траве – сапожки ли кукушкины, Огоньков ли отсвет зоревой?

Ах, дождусь ли звёздной, яркой зерни я? Над людской печалию горя, Под смешки русалочьи вечерняя, Ласковая мешкает заря...

Ночь

Этот ночной обвал, Звёзд серебристый хор,

Этот печальный бал, Этот прекрасный вздор.

Этот хрустальный дым, Вечности тонкий писк. Хахалем молодым Лунный крадётся диск.

Светом прошит насквозь Бархатно-чёрный рай. Брось эти тайны, брось, Звёздами не играй!

Млечной тропы изгиб, Времени тяжек ход. Слышишь Вселенной скрип, Медленный разворот?

Бешеных далей зов Слышишь ли, человек? Сонных галактик рёв За миллион парсек?

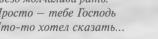
Где-то — не тронь, не тронь! Плавится Божий мир, Чёрный ревёт огонь В челюстях чёрных дыр.

Ворона страшен зрак, Вечности тонок плач. Вон - вороною мрак Тройкою мчится вскачь!

Вороном кружит высь, Кони умчались прочь... Ну же, очнись, очнись, Это всего лишь ночь...

Ночь холодит лицо, В комнате бьют часы. виоишь — твое крыльцо, Влажное от росы.

Просто – луны ломоть, Звёзд молчалива рать. Просто – тебе Господь Что-то хотел сказать...

Ассонанс грозы и ночи

.. А сердие бьётся, как упрямый кочет, Влекомый прочь хитрюгою лисой... И небо опустевшее клокочет, Рокочет августовскою грозой.

Всклокоченные вербы... Снова каркать Взялись вороны, шлёпаясь рядком, И молнии курочат дымный бархат, Как ножнички модистки под хмельком. И тёплый дождь обрушится, шалея, И землю прополощет, хохоча... И тучи — вскачь от ветра-дуралея, Что гонит их с упорством басмача.

И светом отороченные, цугом В паломничество вечное уйдут. Останутся стихи— ни сном, ни духом! И строчек развороченный редут.

И ночь придёт... И очи раскрывая, Бесчисленные, чёрного огня, Уставится— бездонная, живая, Упроча в одиночестве меня.

Не причитай! Но, душу замороча, Отточенную, светлую, как нож, Возьми себе, на время обесточа. В урочный час — натешишься, вернёшь.

И каждый недочёт, просчёт и вычет Оплачен, взвешен, высчитан до дыр. Ах, что нужды? Поёт, гремит и хнычет, Стрекочет и бормочет Божий мир.

Молочная луна глядит с испугом, Как отрок, оглушённый первачом. О, точен ход секунд, идущих кругом, Лопочущих неведомо о чём!

Короче, вздор и чушь! Сорвусь, очнусь, Почую запах ветра и цветов... Спасая Рим, во тьме гогочут гуси. Спасая мир, хлопочет Саваоф.

…Прости мне, Боже, в суете беспечной, Пророчащей неведомый исход, Покуда непорочно-безмятежной Зарёю раззолочен небосвод…

Лето ушло неизвестно куда,

На том берегу

Рябью усталою дышит вода. Что там белеет в тумане рассветном С дальнего берега, с края пруда? Вот же - поверить глазам не могу: Белая лошадь на том берегу! Бродит одна, как и я, в августовской Зелени жёсткой на том берегу... Тихого ветра вздохи легки. Никнут берёзы. Молчат тальники. Мирно машины приткнув недалече, Сонные замерли рыбаки. Белая лошадь — из детства привет... Тихого утра рассеянный свет. Синею искрой блеснул зимородок -К счастью, должно быть, А может, и нет. Тень на невышитой бледной канве Шею усталую тянет к траве. Шкура, видать, шелковиста на ощупь Лошади, к счастью, согласно молве... Перебирая за лучиком луч,

Солнце неяркое лезет из туч,
Смотрит на пруд и на белую лошадь
И на меня из заоблачных круч...
Облачком пар над прохладной водой.
Белая лошадь! О Боже ты мой!
Всё же, откуда взялась ты такая,
Что натворила с моею душой?
Ястреб засел на промокшем стогу.
Что же — всю жизнь созерцать на бегу,
Мне на ходу, на лету, шутки ради —
Светлое счастье — на том берегу...

Ночью

Видишь — запуталась в звёздах звезда, Валится вниз, звеня. Кратное вечности «никогда» Камешком — сквозь меня...

Видишь — запутался ветер в ветвях, Возится в них, шурша. В травах шёлковых крадётся впотьмах Брошеная душа.

Лоб обдавая холодным огнём, Лунный зависнет серп. Полночь подёрнута серебром Тёмных плакучих верб. Видишь — любовь растворилась, светла, В дымке, в шальной ночи Призраком, тенью... Была-не была... Лучше молчи. Молчи.

Оттиск

Носится весело пёс беспородный. Ветер сиреневый. Облак кудлатый. Крестик серебряный. Кустик смородинный. Трепет межрёберный. Мостик дощатый... Всё как-то просто и нежно, и праведно, То, что навеки останется в силе: Фото в овале, последнее, мамино, Бархатцы в ряд на отцовой могиле... Отсвет берёзовый в роще прозрачной. Оттиск на сердце. Святого касанье. Детства и юности праздник утраченный --В поле ромашковом, В лунном сияньи...

Осенний рассвет

Тишина-тетива, что натянута ветром бессонным, Зазвенит на рассвете под небом седым... молодым... И стрелою блистающей с алым

И стрелою блистающей с алым древком оперённым Сны пробиты насквозь, сожжены и развеяны в дым.

Ах, кочевье планет! Ах, созвездья мечты и печали! Вы исчезнете вновь, растворившись

в сиянии дня. Вы за тысячи лет исчезать и всходить

А уста мои, что ж, выдавать

не устали меня! Этим утром таинственным,

этим туманом примятым, Этой тихой волшбой— замани,

затяни, не оставь! В этот час на виду каждый шаг,

каждый миг, каждый атом, Полумрак, полутьма, полусвет,

полусон, полуявь. Час молитв и заклятий, рассвет, загустевший в виденьях!

засустевшии в виоеноях. Награди меня днём— ни за что, ни про что, но отдай!

В серебристых полях, в этих кронах янтарных осенних, В порыжелой траве я найду свой

загадочный рай! И пока я на грани грядущего дня и былого

Всё пытаюсь понять и сказать свой невинный вопрос, Солнце, солнце моё над землёй

загорается снова, Сплавив золото дня с золотою казною берёз.

Осеннее

Осенних утр радости невинные: Хрустальный морок, хрусткий неуют... Как эти, на серебряном рубиновые, Рябиновые ягоды поют!

Как этим призрачным, прозрачным инеем Окутан мир, прохладный, словно рай... Каким таким волшебным, тайным именем В какой глуши он назван невзначай?

Какие божества его взлелеяли Под сводом снов, в росе дурман-травы? Ах, у кого спросить? У хмурой ели ли? У этой разбелённой синевы?

Не спрашивай! Зачем? Стопою маятной Ступай и трогай хрупкие мосты Над бездной этой бесполезной, праведной, Безудержной, нетленной красоты...

Лёгкое золото осени

Скоро стерню и озими Тяжкий охватит сон. Лёгкое золото осени Примет казна времён. Лёгкое золото осени... Даль ворожит, светла. Ангел с ногами босыми В синь развернёт крыла.

Лёгкое золото осени, Жизнь оплати вперёд! Не замечая проседи, Радость в душе поёт.

Лёгкое золото осени Выгнал алхимик Рок. Вытекшими колосьями Тешится ветерок.

Лёгкое золото осени Сердце расплавит — пусть... Не растравляй вопросами Юную ведьму — грусть.

Ночь с глазами раскосыми... Звёзд колдовская вязь... Лёгкое золото осени В землю течёт, смеясь.

Совет

Вот и снег - принакрывший зданья

И халупы, и лес, и грязь. Человеческие созданья, Что ж вы мечетесь, заходясь Вечно в поисках нег, спиртного, Правды, славы, сластей, банкнот... Почему бы не вникнуть снова В переливы хрустальных нот? В пересуды сорок серьёзных, В перекрестья ветвей - хоть раз, В розоватый нездешний отблеск На снегу - в предрассветный час. В разговор этих елей дивных, В завыванья залётных вьюг... Как когда-то, в годах наивных, Детских, праведных... Помнишь, друг, Как к земле был в два раза ближе, Был неловок и глуп, и смел... Под сапожками лёд – бери же! – Словно сахар, крошась, хрустел. И Земля, голубым обвита, Погружённая в облака, Так чудесно была открыта, Так чудовищно велика...

Зимнее утро

Встала зимняя заря.
Здравствуй, солнце января!
Этот воздух белый, сонный,
От мороза раскалённый
Разбуди, взгляни сюда,
В государство сна и льда.

Оживай, борись с зимою, С адской властью ледяною, Стены мёрзлые прогрей В ветхой комнате моей.

Вот рассыпалось лучами
Понад снежными волнами,
Засиял зиме в укор
Дикий, сказочный простор.
Блеском чистым, серебристым,
Колдовским, хрустальнольдистым,
В белопенных кружевах,

В бриллиантовых слезах,
В лабиринтах нежных линий —
Блеск жемчужный, отблеск синий,
Купол дымно-голубой,
Свет прозрачно-золотой...

Как в бескрайней зале бальной, Блещет роскошью печальной, И напрасной, и немой Цепенеющей красой. Мир холодный, грозный, ясный, Полумёртвый, но прекрасный. Так, седым огнём горя, Светит солнце января, Но не греет, уплывая В стылый мрак земного края, Уходя в ночные сны Бледным призраком весны.

Призраки ночи

Призрак печали, уйми голоса, Призрак зари не гони в небеса! Что там колышется в свете Луны? Призраки памяти? Страха? Вины? Тёмный вопрос за окном — помолчи! Призраком ворона взвился в ночи.

Что замышляешь, мятежная мела? Призрак метели расправил крыла. Тает, витает безмолвная речь: Призраки замков, признаний и встреч. В отсветах призрачных чудных очей — Призраки лат и двуручных мечей...

Призрак обмана расфранчен и лих...
Призрак разлуки невзрачен и тих...
Ловит сосёнка, заснеженный ствол,
Призраки звёзд в изумрудный подол.
Призраки снов, проходя наискось,
Стены и крышу пронзают насквозь.
Не принимая страстей и обид,
Призрак забвенья фольгою хрустит.

Тяжек Шекспира истрёпанный том. Нежен любви полустёртый фантом.

Март

Пусть колышутся зимние сны -Время ускорит бег. За окошком что-то типа весны Греет сырой снег. Пусть медлит тепло, зови — не зови, И твёрд, как сталь, лёд, Под ложечкой что-то типа любви Шевелится и поёт Звенят, как сосульки, гирлянды слов На солнышке и впотьмах, И, кажется, что-то типа стихов Слагается впопыхах. Стихи и грехи рифмуются влёт, Влёгкую, вмиг, вдруг... Пиши о любви. Весна придёт, Сердце ускорит стук! Пиши о любви, покуда опять Зима не вошла в азарт. Затеет сугробы в лицо швырять Слетевший с катушек март! Затеет мороз свою канитель, Безмолвное торжество... А впрочем, пиши в жару и метель -Любовь, она стоит того.

Явилась

Терпите, граждане! Апрель кончается. Весна скоро! Из КВН

Всё-таки пришла,
Всё-таки весна,
Виноватая, запоздалая...
Над апрельской ночью
Висит луна —
Бледненькая, томная, усталая...
Ещё бы!
Пробиваться через морок облачный,
Биться насмерть
Со снежною взвесью...
Конечно, притомилась!
Вид обморочный:
Изображает
Весеннюю депрессию

Весна, голубка!
Мы так ждали тебя!
Где скиталась,
С кем водилась?
Пришла, голубой подол теребя,
Явилась, не запылилась!
По каким омутам
Русалкой плыла,
Мартовским бураном отпета?
Всё-таки пришла!
Откладывается конец света.

Олег АФАНАСЬЕВ

Я родился в Анжеро-Судженске в 1961 году. Когда мне было полгода, родители переехали в город Осинники, всю жизнь живу там. После школы пошёл в армию. Отслужив, устроился работать на шахту, где проработал 35 лет. Женат, у нас с супругой двое детей, трое внуков. Сейчас на пенсии. Стихи пишу со школы. С 2017 года являюсь членом поэтического клуба «Кедр» г. Осинники.

Жить сложнее с каждым днём!

Наверно, правду говорят: Стихи не пишут. Ходил я три часа подряд, Всё к дому ближе. И ничего не сочинил, Не лезут мысли! А с виду, вроде, не дебил, И зря отчислен. Но что-то щёлкнуло в мозгу И я взял ручку. Мне показалось, что могу! И мысли в кучку! И полилось, как из ведра, На мои нервы, Что сразу кругом голова: Я буду первым! И я записывал грехи Про что, не знаю. Тогда я понял, что стихи

Не сочиняют!

***

Через Луну пролетел самолёт, Белую строчку оставил, И разделил, что над нею и под, На половинки расплавил. Через минуту ушла полоса, Рядом с Луной растянулась. Луна посвежела, как утром роса, Мило нам всем улыбнулась.

Ничего не написал, Зря ходил. Километры намотал, Сам - без сил. Видно, нынче не судьба, Трудный день. Кто-то выгулял раба, Словно тень. Не открылся мне канал Между туч, Я сегодня потерял К рифмам ключ. Я попытку повторю Через день И чего-то натворю. Мне не лень!

Одиночество, Давай поговорим! О чём? Да мне неважно! О птицах, о судьбе, о детях, наконец! Жить долго и молчать, поверь, мне очень страшно... Ведь я не балагур, не комик

и не льстец.

Конечно же, могу! И кто-то — это знает,
А в остальные дни я попросту молчун.

Давай поговорим, а то душа скучает.

Давно уже один, и больше не хочу!
Я расскажу тебе, что не было и было,
И ты расскажешь мне,

чего тебе не жаль.

лишь бы душа не выла,

Но только попрошу мне

не читать мораль. Давай поговорим в тиши и откровенно. Я обещаю: никому не расскажу. Мне можно доверять, ведь я— обыкновенный! Я замкнутый молчун, и этим дорожу!

Заката розовый пирог
Под голубой начинкой...
Уходит солнце за порог,
Чтоб утром встать в ложбинке.
Слоёный пористый закат,
И птиц на креме — стайка.
Бросаю свой голодный взгляд,
Слюною мокнет майка.
Но тортик тает без лучей,
Лишь звёздная помада
Летит, как искры от свечей,
Как будто так и надо.

А подросли сосёнки И силу набирают. Колючие ручонки Мне машут, провожая. Я здесь гуляю часто, И мы давно знакомы. Разлапистое счастье! Под ними пахнет домом. И ёлкой новогодней, И баней, и венками. Их запах благородный Частенько рядом с нами.

Стихотворение написано в 1978 году, в 10 классе.

Живут же люди на земле, Не зная скорби и печали, И мы б с тобой их не знали, Если бы жили так, как все. Но нам не хочется покоя, Дорог прямых не надо нам. И смех, и слёзы пополам С коварной нашею судьбою. Мы побеждать хотим тайгу, Вселяться в знойные пустыни, По океану плыть на льдине. И в зной, и в холод, и в пургу Руками строить Усть-Илимск, И рельсы класть в магистрали, Чтоб люди всей планеты знали, Что мы и звёзды покорим.

Вот тебе и «здрасьте», Люди не летают. В голове — ужастик, Парень поднимает. Лёд, дорога, искры — Я уже не в теме. Что-то небо низко, С головой — проблемы. И спина не гнётся. Я давно не падал. Пусть ему икнётся, Парню, что был рядом.

Снег летит и тут же тает. Только снег-то — непростой! То подушка перьевая Порвалась над головой. Белый пух осенней птицей Вновь над городом кружит, (Он уже не растворится), И периною лежит.

Закрутили туго гайки, Даже кончилась резьба. И открыто, без утайки, Улыбается судьба. До чего мы докатились?! Жить сложнее с каждым днём! Если нынче не привились, Вроде, как и не живём. Скоро выставят капканы, Чтобы нас переловить. Церемониться не станут, Их задача: всех привить! А пока — сидите дома Все, кому за шестьдесят. Ситуация знакома, И никто не виноват. Полстраны без кью ар кода, Им до нас и дела нет. Мы для них — уже уроды, А привитым — всем привет!

Чтоб на солнышке погреться, Я на лавку сел с трудом. Замирает моё сердце - Минус десять, с ветерком. Щёки бы не отморозить, А про нос — не говорю. Солнца луч под лето косит, А подобен январю. Он ни капельки не греет, Только радуется глаз. Мне пора, а то немеют И мой профиль, и анфас.

Чтоб выбрать достойный подарок жене, Зашёл я в простой магазин.
Маску напялить предложили мне, Я был в магазине один.
— Ведь нет никого!
Зачем вы грубите?
На это ответ был простой:
— Сегодня вы первый у нас посетитель!
За эту неделю — второй!
Мы в масках сидим,
Мы должны это делать.
Наказания не избежать!
Да вы никому не должны,
Скажем смело —
Не надо себя унижать.

— Расскажи мне вкратце про свой город, Почему он стал тебе родным? Было всё: и холод был, и голод. Почему ты не расстался с ним?

Как ответить, чтобы не обидеть? Много городов на свете есть. Пусть не удалось мне все увидеть, Для меня мой город — это честь. Воздухом дышать сосново-пьяным, Чистым снегом руки растирать, Радоваться башенному крану И детишек в садик провожать. Мне знакома каждая тропинка, Всех прохожих знаю я в лицо. Здесь плелась когда-то паутинка Долгие года моим отцом. Как же не любить мне этот город? В жизни всё завязано на нём. Он красив по-своему и молод! Будет ещё краше с каждым днём!

То ли снег, то ли дождик? Хороший вопрос. Только куртка промокла насквозь, И с фуражки мне капли сползают на нос, Им меня рассмешить удалось.

Только утром, когда подморозит чуть-чуть,
Не до смеха нам будет с тобой.

Дай нам Бог ничего не сломать-подвернуть, Чтобы целым вернуться домой.

Дождик льёт, как из ведра, Это слёз поток.
Ведь не вышли на-гора
Чей-то муж, сынок.
А вернее, тридцать пять
Их осталось там!
Нет возможности спасать —
Вырвался метан.
Может, живы, может, нет?
Боль комком в груди...
Только утро даст ответ,
Что там, впереди.
Или горе в каждый дом,
Иль не в этот раз.
Тяжело быть горняком!

В трауре — КУЗБАСС.

Погибли все в огне и пыли...
Я знал, что некого спасать!
И всё равно попытки были...
Как больно друга поднимать.
Сказали: «Мы своих не бросим!»
И в ад пошли, как будто в бой.
И на плечах своих выносят
Расчёт, что жертвовал собой.
Под мирным небом гибнут люди,
Спасая экстренно других.
Их никогда мы не забудем,
В Кузбассе будут помнить их.

Ты выжил, значит богом поцелован, Теперь ты знаешь, как живут в аду. С рождения в рубашку упакован — И это на всю жизнь, имей в виду. Седая мать всё плакала с мольбою,

За жизнь твою свою бы отдала, Чтоб ещё раз увидеться с тобою, И в этом ей молитва помогла. И вот ты жив, что про других не скажешь. Святая на тебе лежит печать. И если умереть захочешь даже, То вспомни про аварию и мать.

Вот уже и девять дней, Будет сорок и полгода. Только боль ещё сильней, Так же, как и гнев народа. Ваши души вверх летят, А паскуды лица прячут. Как и девять дней назад Небеса над вами плачут. Слезами боль не усмирить И не залить её стаканом, И долго будет ещё ныть Незаживающая рана.

Пусть снег идёт как можно дольше. Уже седьмое декабря, И грязь терпеть сил нету больше. Мы ждали холода, а зря! Зима не стала торопиться. Считая, что всё впереди, Успеет снегом насладиться И заморозить до седин. Недельную дала нам фору, Всё превращая в гололёд. И мы завыли дружно хором: Когда же к нам зима придёт?! Европу снегом засыпает, Замёрз впервые Петербург, А нам в Сибири не хватает Сугробов, снежных баб и вьюг.

Ну как назвать их, если не уроды? Разбили всю скамейку в пух и прах! Сидел народ в любое время года, Все отдыхали просто впопыхах. Теперь ни сесть и не облокотиться, И сумки не поставить, отдохнуть. Поразвлекались молодые лица. Найти бы их и мордой в лавку ткнуть! Заставить всё вернуть и всё исправить, И даже крепко двинуть подлецам, Чтоб дальше их от подлости избавить. Хочу взглянуть в глаза тем пацанам. Наверно, были сильными ребята, Железо гнули, как богатыри, Но только в чём скамейка виновата? Я до сих пор не понял, хоть умри!

Шестьдесят лет – для женщины не возраст, А для мужчин — сплошная полоса. Поспорить с этим можно очень просто: Из восьмерых на пять сошла коса. Куда ни глянь — одни старушки бродят. Смирились тихо, если даже пил. А нас в расцвете сил Господь уводит, Он даже разрешенья не спро Я знаю, почему мы мрём, как мухи. Мы под землёй, как пчёлы, много лет Работали и дразнили старуху, И вот пришёл к нам от неё ответ. А наши жёны, дети, даже внуки Надеялись, что долго будем жить. Ан, нет, запахнуты все люки, Мы только в вашем сердце можем быть.

Господи, какой же он тоненький! На месяц гляжу с подоконника. Словно былинка чуть искривлённая Я поздравляю новорождённого!

Последний день на даче, Костёр из старых веток. Я жгу, а сердце плачет: Прошло как быстро лето! Из дома взял поллитра, А закусить-то нечем. Но я мужик-то хитрый, Нашёл шашлычный кетчуп. Не пропадём на даче, В гостях ведь у природы! Желаю всем удачи!

Она уж не красавица, Ему давно за семьдесят. Идут, за жизнь цепляются И рады, что на пенсии. И палочка у каждого, И крепко руки скрещены, Чтоб поддержать упавшего, Перешагнуть все трещины. Идут и не торопятся, Ведь жизнь, по сути, прожита. Любовь с годами копится И лишь теперь итожится.

Осень хвост свой распушила, Как у старого кота. Красотой заворожила, Словом, просто лепота! Заиграли разом краски От нетронутых рябин. Листья все надели маски, Даже цвет у них один. Но с листвою не расстались Ясень, клёны, тополя. Видно, просто постеснялись, Что ещё тепло продлят.

Небо цвет поменяло на серый, Облака, как свинцом, налились. Соревнуются, кто из них первый Эти капельки сбросит к нам вниз. Если честно, уже надоело Состязание то наблюдать, Мне на даче дела бы доделать, Чтобы ночью спокойнее спать. А он капает без перекура, Нас в квартире опять заперев. Плакса-осень — красивая дура! Так скажу я тебе, осмелев.

А листья и вправду летают, Не падают наземь с деревьев, Их ветер попутный срывает. И долго несёт, словно перья. Конечно, на птиц не похожи, И короток срок перелёта. Но мчатся по небу, и всё же Там чувствуют счастье полёта.

Небо затянуло, Холодом повеяло. Осень отдохнула И в себя поверила. Ей теперь всё можно, Даже снег и грозы. Нрав погоды сложный — Будут и морозы. И зиме достанется, Зря переживает! Осень снегом хвалится — Всё равно растает.

***

Вчера, когда я шёл домой, Все листья были, Берёзка с рыжей головой... И все шутили! Опали все уже давно, А наша — в блёстках, Как статуэтка из кино, Ну, этот, Оскар. А утром вышел, Не узнал: А где берёза? Стоит из веточек овал. Метаморфоза!

Иван АБИН

КРАСНАЯ Зона

«Тихий кРай» или СМЫЧКА

Сегодняшний КУЗБАСС, а ТОГДА — Кузнецкая Землица — Юго-Восточный Оборонный Рубеж Московского Царства, была привоёвана КАЗАКАМИ более 400 лет назад.

Речка детства: пескари, В красноталах берега, Поймою Урман-ТАЙГА И рыбалка до зари!.. Недалечко - озерцо, Глядь, и ваше там лицо.. Речка детства с Переходом И в дожди, и в половодь, А в Петровки прямоходом, Рядом с ним - Гусиный брод!.. ИСКОНИ там жил народ. Но задумал ГОРОД Смычку, Дескать, речку-невеличку Срок последний - уКРУПнять! С перспективными сровнять... Зарычали бульдозёры, Заскрипели скрепера... И на бывший «Тихий кРай» (Чьё-то милое Вчера) Навалили вскрыши горы Кряжами «Пустой Породы».

И, естественно, исчез Тихоречинский Окрест!..

Речка детства: с пескарями, С берегами - красноталом, С кедрачом, что за дворами, Нет её теперь, не стало... Вот и... XXI-й век.. Человек - ты, «человек», РВУЩИЙСЯ до Пьедестала!.. СКОЛЬКО их — таких вот рек (Ради ЭТОГО?) не стало... Губернаторство, - абрек*, Неужели МЗДА, ПОДЛОги Вам теперь - «и Честь, и Боги», А Кузнецкая ЗЕМЛИЦА Будто «вражья заграница»?! И Кузбасская земля -ВСЯ Забойная.

*абрек (кавказ.) — разбойник

Вспоминая о МАМЕ,

или «Надежда умирает последней» из А. Симоновой

«Вот и мамино крылечко, Тёплое её плечо».. Эх, сейчас затопим печку -Чай запарим крепачёк. Хлебца белого нарежем Сливочного маслеца, Вспомним бабушку, отца... Посидим, попьём, как прежде, Посудачим, порядим -«В будущее» поглядим... Где, кому, чему учиться, Как Отечеству служить?.. И судьба вспорхнёт, как птица, В поднебесье закружив Голубицей, как и прежде, Как в Былые Времена! И... затеплится надежда, Что, жива ещё ОНА!!?

Брату Ивану
Ты запомни сынок золотые слова:
«ХЛЕБ ВСЕМУ ГОЛОВА — ХЛЕБ всему голова!» (из песни)

Мой брат Иван Мечтал стать комбайнёром, Деревню всю чтоб вдосталь накормить: Лапшой и хлебом – каждого, подворно; И чтобы этим стал он знаменит! Отец тогда работал на сущилке*. Иван за ним тянул по этой жилке И на току колхозном пребывал, И видел — ХЛЕБ ссыпают в САМОСВАЛ В «ЗАГОТЗЕРНО» везут Под Требы* Вал.) Давно Ивана брата нет -Он утонул десяти лет... Сказали, мол, несчастный случай — Не вспоминать об этом лучше... СЕГОДНЯ за Ивана — Я, Как и его, МЕЧТА МОЯ, -Чтоб НАШИМ ХЛЕБОМ, НЕ ЧУЖИМ, Взращённым на заморской лжи Из разных «супер-ГМО», Кормить От ПРАВДЫ НАШЕГО!

Но знают пахари – без академий,

Сегодня хлебом стали... деньги. Не комбайнёром надо быть, -«БАБЛО» умеючи рубить... Мечта библейская сбылась: Чем больше денег - БОЛЬШЕ ВЛАСТЬ, Став всестяжательству кумиром, ОНИ «умело правят миром». Что им Иван-комбайнеришко, Как будто, полевая мышка, Как очень «мелконький воришка», Как в СССР «Клеймёный Мишка» -Генсек, Лауреат — не ВОР, Хотя — РАЗЗОР, Стране — ПОЗОР... РЕАЛЬНО - «бывший комбайнёр». Он так Деревню «раскормил», Что... выморил и разгромил; А погодя, и в города Пришла «программная беда»: - Чурбайс, Немчёныш и Гайдар Внедрили нагло-сакский ДАР»: Совковое - под снос, на слом. Промышленость - в металлолом!.. За наши: лес и нефть, да газ ВОЗлюбят повсеместно нас. И, хоть на небе, хоть в аду, За «бабки» ВСЁ произведут И – что нам надо, продадут! И ЗАЕМ, и КРЕДИТ дадут... Сквозь ВТО* пройдя т у д а (И – конкуренцию на рынке, Кооперацию труда) Не будем жить мы По-старинке... И, терапируясь под ШОК, Тем более, «Процесс пошёл!» ЭХ, заживём мы... хорошо! Мой брат Иван Хотел стать комбайнёром, И, если б выжил, Стал бы... КОМИ-вояжёром! Иван-мечтатель, - «утопист»... Конечно, был... СОЦИАЛист?! Чего для ближнего хотеть?

г. Прокопьевск.

Людмила ТАНКОВА

Член Союза журналистов России. Людмила Александровна ТАНКОВА родилась в 1950 году в селе Сохорево Алтайского края. Литературным творчеством занимается со школьных лет. Первыми книжками для неё были «Русские народные сказки». Сочетание правды жизни и волшебства всегда привлекали Людмилу Танкову. Большая часть её сказок и рассказок добра и поучительна. Их язык прост и доступен для ребят дошкольного и школьного возраста.

Сотрудничала с газетами «Кузнецкий рабочий», «Сельская правда», «Губернские ведомости» г. Новокузнецка, а также с газетами «Первое сентября» (г. Москва), «Сельская жизнь» (Алт. край) и газетами Хакасии, журналами «Кузбасская ярмарка» (г. Новокузнецк), «Уголь» (г. Москва)

Книга «Кипение крови» стала первым прозаическим сборником рассказов автора. Рассказы о Великой Отечественной войне и повесть «Назови имя и путь свой» были опубликованы в журнале «Огни Кузбасса».

Л. А. Танкова выпустила несколько детских книг – «Снежные лебеди», «Обиженный гребешок», «Солнечная

Её поэтические и прозаические произведения вошли в серию сборников кузбасских поэтов и писателей Прокопьевска, в литературные сборники, изданные в Новокузнецке.

Корона для одуванчика

Нина брела по глухой дорожке парка. Жить не хотелось. «Обрыдло! Всё обрыдло», - думала она бабушкиными словами. Хотя значение слова ей было непонятно с самого детства.

«Мне уже двадцать пять. Ни семьи, ни родственников. Последний дядя помер». В кармане лежал мобильник с SMS-кой, возвещающей о том, что осталась она одна на всём белом свете.

Жить не хотелось, а как с миром расстаться? Самой – грех! Подошла к озеру, заросшему ивняком.

В парке – никого. «Даже бандиты не позарятся на такое чучело. Могла же уродиной уродиться?»

Вспомнилась Леночка из бухгалтерии: такая красавица, такая беленькая. И парни за ней табуном носятся. Нина глубоко вздохнула. Или вон Наденька. Вроде, и выросли вместе, в одном классе учились, только Наденька уже второго мужа сменила, а тут...

Слёзы навернулись на глаза. Нервно дёрнула платочек из кармана. Тот порхнул и приземлился на зелёную лужайку.

- Смотри-ка, - прошептала девушка, - одуванчики расцвели. А я и не заметила, всё работа, да работа.

По светлому изумруду невысокой травы разбросала весна маленькие солнышки цветов, словно небесное светило щедро брызнуло на твердь жёлтой краски от своих животворящих лучей, и теперь земные солнца внимательно наблюдали за невысокой полноватой девушкой в светло-коричневом плаще.

Длинные полы коснулись травы. Это хозяйка присела и сорвала одуванчик. Поднесла его к носу. Одуванчик пах мёдом, бабушкиным домом, большими булками горячего хлеба, только что вынутого из русской печи. А ещё он напоминал о прогулках с родителями, вот по этому парку. Маленькой девочкой она любила плести венки из одуванчиков, надевать их на голову матери и отцу. Те смеялись, кружились вокруг неё, взявшись за руки...

Теперь никого...

На вершине длинной гибкой ножки плотно сидел ослепительно жёлтый цветок. Снизу его одевали зелёные пелёны. Сотни эфемерно нежных лепестков распахнулись от центра. Над ними весело кучерявились тонюсенькие ниточки. «Словно корона, – восторженно подумала Нина, - корона для красавцаодуванчика! Ах, если бы можно стать одуванчиком... Жаль, волшебников от-

Девушка ещё раз понюхала цветок, пытаясь запомнить запах жизни.

 Какая же ты красивая!
 услышала она за спиной приятный баритон. Подняла голову и обомлела: рядом стоял красавец-парень. На неё ласково смотрели изумительные глаза цвета начинающей спеть смородины. Светло-коричневые, с проблесками зелени глаза были добрыми и весёлыми.

Незнакомец присел рядом. Тряхнул головой в знак приветствия, при этом тщательно уложенная шевелюра даже не колыхнулась.

«Прямо с обложки журнала», - подумала Нина. В ответ на его улыбку хотела сказать что-нибудь грубое, чтобы предупредить очередное хамство мужского пола в отношении её внешности, но парень обезоруживающе посмотрел в глаза и просто сказал:

У тебе нос жёлтый от одуванчика. Протянул руку и смахнул пятно пыльцы надушенным белым платочком.

Меня зовут Борис.

Нина, наконец, опомнилась, отбросила цветок. Безбровое лицо сменило растерянность на ненависть: «Сейчас спросит, танцую лия, а потом скажет, что он только поёт. Господи, до чего же всё тупо и однообразно, хоть бы что новенькое

- Ты, действительно, очень красиво смотришься. — ослепительно улыбнулся Борис. - Роскошный луг, солнечный цветок и королева! Ты хоть знаешь, что ты похожа на английскую королеву Ели-

- Ты забыл сказать, что я красавица, резко поднялась Нина.

- Ну, Елизавету тоже никто красавицей не может назвать, только от этого она не перестала быть королевой, да и хуже не стала.

Борис прищурил глаз, помолчал.

В красавицах доброты маловато бы-

Чего тебе надо? – оборвала его рассуждения девушка.

Короткие белёсые ресницы прикрыли навернувшуюся слезу.

Что, с кем-то поспорил, - наступала она, – что я, уродина, влюблюсь в тебя слёту? Считай, что уже. Всё? Вали отсюда, пока я тебя сумкой не огрела!

По щекам пошли красные пятна.

- Узнаю наше дикое общество, - поднимаясь, проговорил парень, - кого хочешь затравят. Прости, я не хотел тебя обидеть. Увидел тебя в одуванчиках и залюбовался. Волосы кучеряшками, а от солнца кажется, что над головой корона светится.

«Что-то я на людей начинаю кидаться, – подумала про себя Нина, – может, он действительно не такой».

- Извини, сорвалась, - перекинула она сумочку через плечо.

 Да и я тоже хорош. Подошёл, и сразу с налета на «ты». Ты меня простишь? Светло-коричневые глаза смотрели

Уже не сержусь, — попыталась улыбнуться она, но от непривычки губы свело, и они вытянулись в плотную щель.

Тогда я угощаю мороженым! Стой здесь, я быстро!

Бросился бежать, но тут же вернулся.

— Тебе какое?

ясно и без обмана.

- Клубничное.

Красавец скрылся за липами.

«Вот дура, опять попалась на удочку, мысленно заругала себя Нина, – мало тебя разводили? Сейчас откуда-нибудь выскочит с рёвом толпа и будут орать, что это розыгрыш».

- Ненавижу!

В панике девушка кинулась бежать. Одуванчики под её ногами пригибали головки, оставляя жёлтые пятна на матерчатых туфлях. Споткнулась и чуть не

Отбежав немного, остановилась и спряталась в кустах: «Ну, погодите!»

Время шло, но ничего не происходило: не было ни толпы, ни Бориса.

 Вот и хорошо, — пробормотала девушка.

Одуванчиковая поляна глазела на неё пушистыми солнечными цветками. «Хорошо быть одуванчиком, все их любят и все ими любуются». Представила себя одуванчиком, который только что распустился. Ослепительно жёлтый цветок, над макушкой – корона кучеряшек.

По боковой дорожке, словно атлет на дистанции, легко бежал Борис. Он нёс мороженое. На удивление, за ним никто не следовал, никто не прятался в кустах.

Прибежав на одуванчиковую поляну, Борис растерянно оглянулся.

- Нина, - негромко позвал он.

«Выйти или не стоит? - в панике спрашивала себя девушка. — Зачем ты, уродка, ему нужна? Посмеётся только... Я только мороженое возьму... Мало тебя учили?»

Ноги сами собой вышагнули на поля-

Нина, где ты была? Я уже волновать-

- Я думала, что ты решил надо мной посмяться.

— Зачем?

Все так делают.

Маленькие светлые глазки смотрели на парня с невообразимой тоской и быстро заполнялись слезами.

Досталось тебе от людей.

Неожиданно Борис обнял её свободной рукой, прижал к себе.

- Не плачь, маленькая, я тебя никому в обиду не дам. Ты моя одуванчиковая королева.

Через три дня они вышли из загса мужем и женой, и не было на свете более счастливого человека, чем одуванчиковая королева.

Через три недели счастья она стояла на подоконнике своей трёхкомнатной квартиры в центре Москвы и, не отрываясь, смотрела на ослепительное солнце.

«Одуванчики уже отцвели», - с тоской подумала она.

Отрывками вспоминаются счастливые мгновения.

Вот перед свадьбой они в дорогом буке выбирают ей белое платье. Цены запредельные. Покрывшись красными пятнами, Нина отказывается мерять хотя бы какое-нибудь, поясняет, что копит деньги на пластическую операцию.

Борис нежно её прижимает, говорит, что любит её такую, какая она есть — настоящую, но соглашается взять платье

Расписались они очень скромно, без свидетелей, посидели в кафе-мороженом. Из общежития Борис перебрался ещё накануне и сразу же предупредил, что в доме он – мужчина. Все вопросы будет решать только он, а её дело - заниматься хозяйством.

Ночь перед свадьбой была ночью счастья. Нина не хотела, чтобы ночь заканчивалась. За это счастье – быть любимой, она была готова отдать всё и даже жизнь.

Жизнь...

Вот она её и отдаёт.

«Надо же, у неё волосёнки на голове светятся, как корона», - хмыкнул про себя Борис, а вслух сказал:

 Постояла? Спускайся, а то и впрямь разобьёшься.

«Спускаться? Зачем!»

Был звонок в дверь. Пришла одноклассница Наденька. Оттолкнула Нину. По-хозяйски прошла на кухню. Сбросила со стола чайную чашку с красными маками. Из неё когда-то любил пить отец, а теперь Нина по утрам пила из неё чай.

 Что за хлам ты наставила? Нам с Боренькой принеси-ка из германского сервиза. Да прибери осколки, я не терплю

Вышедший на шум Борис не приструнил подругу, а обнял и пожурил:

Чего расшумелась?

- Соскучилась и ревную. Ты всё с этой мартышкой, а на меня у тебя времени не находится.
- Вообще-то я женат, рассмеялся
- Ну, раньше-то ты на мне был женат, Наденька повернулась к хозяйке квартиры и пренебрежительно распорядилась:
- Что стоишь, принеси полотенца. Мне то, большое, розовое, а Борьке, какое сочтешь нужным. Он же у тебя любимый. Мы - в душ.

Нина не могла понять, о чём говорит ее подружка. Всё казалось ей какой-то игрой, фантастикой...

Принесла полотенца. Наденька раньше часто приходила к ней в гости, оставалась ночевать. Но сегодня было что-то другое.

«Бред какой-то, - летала в голове мысль, - розыгрыш... Вот именно - розыгрыш!»

Наконец Нина смогла вздохнуть. Воздух со всхлипыванием ворвался в лёгкие. «Розыгрыш! Как же я сразу не поняла этого? Жестоко, но правда! А ты думала, что тебя любят? Просто смеются».

– Эй, мартышка, очнись, – дёрнула полотенце из рук подружка, - ты всю жизнь была дурой, дурой и подохнешь. Свари нам кофе!

В ванной комнате зажурчала вода, послышался смех мужчины и женщины, потом страстные вздохи...

- Постояла? - послышался голос мужа за спиной, он вытирал мокрую голову. -Спускайся, а то и впрямь разобьёшься.

«Спускаться? Зачем! Больше нет счастья. Её муж — не её... Зачем тогда это всё

Мимо пролетел маленький белый парашютик одуванчика: треугольное семечко, а над ним на тонкой ножке белый хохолок, как корона. Летит семечко, куда ему вздумается. Летит...

Резко хлопнула дверь ванной комнаты. Молодая женщина инстинктивно оглянулась: намотав на голову розовое мамино полотенце, к дивану шла Наденька. Кроме полотенца на ней не было ничего.

Плюхнулась на колени Бориса, заиграла с ним, капризно повернулась:

- Ну и что тут за кино смотрим? Эй, мартышка, ты кофе сварила?
- Накинь на себя что-нибудь, -- проворковал Борис, - жена моя вон прыгать собралась.
- Она всегда была трусливой, захохотала Наденька, мокрые волосы рассыпались по покатым мраморным плечам, точёной груди, - она не Зоя Космодемьянская, за любимого жизнь не отдаст.

«Отдам», — безвольно подумала Нина. Последний раз глянула на яркое солнце, на родной маленький дворик, глу-

боко вздохнула перед прыжком..

– Нин, ты когда мне долг вернёшь? Тихий голос прогремел снизу словно иерихонская труба. Под окном стоял Севка-милиционер.

Эту кличку он получил ещё в школе, за то, что всегда заступался за тихую и доверчивую Нину. А сейчас так невовремя одноклассник стоял под окном и, прищурив один глаз, молчал.

– Какой долг?

- Десять рублей, на днях занимала.
- Вроде бы я не занимала денег...
- Ну, ты даёшь? Мне что, про долг забыть надо?
- «Эти дни я была так счастлива, что могла и позабыть», — подумала она.
- Мне очень нужно, настойчиво проговорил Севка. - Открой дверь, я поднимаюсь за деньгами.
- Хорошо, кивнула головой Нина и спустилась с подоконника.
- Это ещё что за приказы! вскочил Борис с дивана, столкнув с колен Наденьку, - кому это ты собралась открывать двери? И почему я ничего не знаю про твои долги?
- Это Севка-милиционер, наш с Наденькой одноклассник, - попыталась объяснить Нина.
- Шлюха, заорал Борис и хлестанул жену по щеке, - убью обоих.
- Ты с ума сошёл? оттолкнула его Наденька. - Севка - наш участковый милиционер, а ты руки распускать.

В дверь требовательно позвонили, и тут же раздался громкий стук. Севка со всей силы колотил кулаками.

- Немедленно откройте! орал он на весь подъезд. - Открывайте, иначе вызову наряд!
- Открывай, сунув в руки десять рублей, приказал Борис жене, -- отдай деньги и пусть уходит.

Однако Севка ворвался в квартиру, захлопнул окно, козырем обощёл вокруг

- Та-а-ак! заглянул он Нине в лицо. Кто это тебя так? Что здесь происходит? Ты кто такой? Документы!
- Я муж Нины, горделиво выпятив грудь, с вызовом ответил Борис. - Позвольте полюбопытствовать: а вы, собственно, кто?

Но участковый его вроде и не слышал. Остановился напротив Нины и спросил: «Это правда, или парень зря пошутил?»

Тихий кивок головой. Она не могла говорить, она не могла больше жить.

Женаты давно? — Сева остановился напротив.

- Три недели, - прошептала она. Резко повернулся к Борису.

- И лицо ты ей разбил в подарок к медовому месяцу?
- Моя жена, что хочу, то и делаю. -- Ошибся, голубец, -- засунув руки в
- карманы, пошёл на него Сева, за домашнюю тиранию можно и сесть, а за доведение до самоубийства, - участковый кивнул на окно, - можно хороший срок схлопотать.
- Слушай, ментяра, наконец пришёл в себя Борис, - ты сейчас не в форме, документы не предъявил, ворвался ко мне домой, угрожаешь, разбил лицо моей жене. Я тебя убью в самообороне.

Со всего маха он двинул Севку кулаком. Но кулак прорезал пустоту и на излёте попал в клещи Севкиных рук. Вывернув буяну руку за спину, участковый придавил мужика к полу.

Нину обижать ты не будешь, – тихо сказал он, - понял? Если не понял, я тебя сейчас сдам за сопротивление представителю власти.

- Падла, ментяра, пытался вырваться из цепких рук Борис, - отпусти, а то сам сядешь за превышение полномочий. У меня свидетели есть. Они подтвердят, что ты на меня напал.
  - Нина не в счёт.
- Надька, зараза, заорал Борис, где ты, падла?

Из кухни высунулась уже одетая Наленька.

- Я заходила к Нине чаю попить, оправдываясь, прощебетала она.
- Вот это уже интересно, участковый ещё сильнее придавил Бориса. – Как ты говорила: олигарх Боренька тебе трёхкомнатную квартиру сделает. Это и есть твой олигарх Боренька? А это, - он обвёл глазами комнату, - и есть та самая трёхкомнатная квартира?

Тихо клацнули наручники. Севка поднялся с пола, смахнул пот со лба.

 Чем плохой вариант? — Наденька кокетливо повела плечами, обдёрнула лёгкое платье так, что декольте открыло взору всё, что можно, и нельзя. - Квартирка, что надо, Нинкины родаки постарались на славу. И что, всё должно достаться этой мартышке?

Разъярённо подскочила к Севке:

Какого чёрта ты под окнами шляешься? Уже давно бы всё было закончено. У них брак-то законный.

Махнула рукой, усмехнулась:

- Зря стараешься. Ни сегодня, так завтра эта дура сиганет. И всё это станет моим по закону.
- Сука, заткнись! заорал Борис, пытаясь подняться на колени. - Ментяра, ты всё равно ничего не докажешь. Три голоса против твоего. А мы все будем говорить, что ты чинишь произвол на почве ревности. Лучше отстегни!

Упёрся лбом в диван встал на колени.

Давай разойдёмся по-хорошему. Я тебя не видел, ты меня не знаешь! Нинка против меня слова не скажет. А, Нинка, ты же меня любишь? Я муж твой законный. Скажи этому придурку, пусть меня отстегнёт и убирается. Или у тебя с ним шашни?

Оглушённая всем происходящим, Нина не двигалась. В голове стучала кровь. Молоты били по наковальне, заглушая все звуки. Из дальнего далёка вклинился между ударами молота голос Севы: «Нина, тебя нотариус искал».

- Зачем? прошептала она.
- Так хотел передать твой экземпляр завещания!
  - Какого завещания?
- Ну, что ты перед Новым годом пи-
- У тебя есть завещание, взревел Борис, - и ты, стерва, мне ничего не сказала...
- Ах ты, уродина, мартышка, подскочила к ней Наденька, - ты ещё и завещание писать вздумала. Это что, я зря корячилась? Борьку тебе в мужья отдала. Сдохла бы сегодня, и кому-то всё бы досталось... Пойдёшь к нотариусу, завещание аннулируешь и тогда подыхай!

В ярости пнула ногой Бориса:

- Идиот, не мог простого сделать.
- Нехрена было притаскиваться раньше времени, – огрызнулся Борис, – зачесалось у неё, видите ли. Я даже прописаться не успел.
- Вот я и говорю, что идиот, теперь ублажай свою уродину, пока она на тебя завещание не переделает.
- Не такая уж она и уродина. Если её наштукатурить как тебя, а тебя умыть – ещё надо посмотреть, кто из вас уродина, - захохотал мужчина.
  - Я из тебя сейчас урода сделаю!

В дверь позвонили.

- Нина, - окликнул Сева, - открой

Словно в тумане, она шла к двери, открывала замок, смотрела, как в квартиру вбегают люди в чёрных масках. Тихо ушла в кухню, вынула из шкафа маленькую бутылочку с надписью: «Уксусная эссенция», вылила содержимое в стакан...

- Не глупи, - оторвал стакан от губ Сева, — он не стоит того.

Уткнувшись в мягкое плечо одноклассника, Нина разрыдалась. Слёзы и крик шли из неё волнами. Они разрывали душу и сердце. Тело сотрясала лихорадка. Зубы стучали, словно на ураганном ветру ставни брошенного дома.

Сквозь крик к ней пробились тихие звуки.

«Всё хорошо! Всё хорошо», - говорил ей голос.

Тихое поглаживание по голове... Так мама утешала её в детстве.

- Пойдём в комнату. Ложись, по-

Забвение пришло с этими словами. Маленькая, измученная душа была не в состоянии бороться с жестоким миром. Ей нужен был покой.

Сквозь пелену сна вторгались слова: «Не в психушку же сдавать... Надо помочь... Маму предупреди, что мы поживём здесь недельку...» Слова растворились в забытьи.

Луна бессовестно заглядывала в незашторенное окно. Она улыбалась Нине. Облокотившись на стол, сидел Сева. Хотела вспомнить всё произошедшее, но образы были размыты, как акварельные краски под дождём.

Попыталась тихо подняться, чтобы не разбудить одноклассника, но тот открыл глаза.

- Подремала?
- Что же ты домой не идёшь? Твоя девушка будет беспокоиться.
  - Не будет. Она уже едет сюда.
  - Зачем?
- Нина, напои меня чаем, а то так жрать хочется, что переночевать негде, потянулся с хрустом Севка. — Правда, Нин, давай попьём чайку.

От холодильника к печке, потом к столу носилась женщина. Ставила и ставила на стол разные блюда.

- Кушай, Сева, механически говорила она, - кушай. У меня теперь естьто это некому.
- Вкуснятина какая, с набитым ртом говорил Севка, - всё-таки надо было тебе идти не в экономический, а на повара учиться. Моя Леська из этих же продуктов такое варит, что кот от нас сбежал.
- Не надо, Сева, наговаривать на невесту. Я же всё понимаю, что ты меня успокаиваешь. Не надо. Я и так спокойна. Так что ешь и отправляйся домой.
  - Не могу.
  - Ты что, меня сторожить будещь?
- Дело то не в тебе. Леся позвонила: нас из квартиры выселяют. Хозяйка собралась продавать жилье. Так что мы теперь бездомные.
  - Что же вы теперь будете делать?
- Нин, а может, ты нас приютишь дня на два, пока мы не подберём вариант.
- Живите, сколько хотите. Вон сколько места!
- Вот спасибо! Могу я сейчас Лесю привести?
- Конечно.

Чуть не перевернув стол, Севка побежал в прихожую и впустил в квартиру невысокую худенькую девушку, вта-

- Вот, Нина, знакомься это моя Леся.
- Какая красивая, выдохнула с тоской хозяйка.
- Обыкновенная, пожала плечами
   Леся.
- Ладно, девчонки, заторопился Сева, многозначительно тараща глаза в строну Леси, вы тут пощебечите, а мне на работу надо сбегать.

Через минуту во дворе зафырчала ма-

- Прости, что мы к тебе вот так навязались, проговорила Леся.
- Хочешь чаю? У меня есть вишнёвое варенье.

Молодые женщины пили чай, Леся болтала без умолку. Она рассказала, что учится на визажиста, что уже проходят практику.

— Знаешь, как трудно найти сегодня клиента, который бы согласился стать подопытным кроликом. А без этого вся теория ничего не стоит. Я уже хотела Севку взять на занятие, так он дыбом встал. Кричит, что не голубой. А мне что делать?

Веселье спало с лица гостьи.

- Представляешь, скоро зачёт, а у меня нет клиента.
- Я могу поговорить с Леночкой из бухгалтерии. Она любит всякие процедуры. Думаю, что она согласится.
- Вот спасибо! А то я уж в панику впадать начала.

За окном засветился рассвет. Лёгкие облака из серых стали бледно-сиреневыми, их бока позолотились от лучей

поднимающегося солнца.

- Может быть, приляжешь? спросила Нина.
- Нет, что ты! Мне ещё поучить надо. В чемодане будущего визажиста оказалось много всяких интересных вещиц. На столе оказалась коробочка, в которой строем стояли тюбики крема. В другой помада всех цветов и оттенков, тени, румяна, щипчики, пинцетики...
  - Сколько всего, восхитилась Нина.
- Это ещё мало, небрежно махнула рукой Леся. У нас с Севой пока финансы не позволяют приобрести больше. Визаж это искусство. Искусство подчеркнуть в женщине природную красоту, исправить некоторые изъяны.
- А как исправить вот такие изъяны?– горестно показала на себя Нина.

Леся взяла новую подружку за подбородок, осмотрела справа, слева.

— Я коплю деньги на пластическую операцию, — нахмурилась Нина, в глазах блеснули слёзы. — Если бы успела сделать операцию, то Боря от меня бы не ушёл.

По щекам потекли горючие ручьи.

- Дурак твой Боря, пристально разглядывала будущий визажист молодую женщину, и ты дура.
  - Плечи Нины опустились ещё ниже.
- Ты когда-нибудь косметикой пользовалась?
  - Зачем?
- Чтобы красоту, данную тебе богом, не похоронить. Вот, смотри, Леся бесцеремонно приподняла голову Нины, у тебя красивый овал лица. Не каждому такой достаётся. Благородный высокий лоб. Чего ты его тифозной челкой зак-

рываешь? Поди, сама стригла?

- Сама.
- Вот и видно. Не чёлка, а на море была качка. Ладно, отрастёт. А сейчас заколем. Здесь затянем... Здесь распушим... О, какой одуван получился! Это потом в парикмахерской поправят.
  - Зачем в парикмахерской?
- Ну, я, конечно, могу что-нибудь тебе на голове соорудить, Но тут нужен специалист. Я тебе лучше лицо нарисую.
  - Зачем?
- Чтобы ты себя наконец-то увидела и поняла, что косметика это великая вещь для женщины. Вот умой любую красавицу что от красоты останется? Меня Севка однажды увидел ненакрашенную, так мимо прошёл не узнал. Ну что, рисуем лицо?
  - Не надо, резко поднялась Нина.Ладно, легко согласилась Леся.

Хозяйка квартиры хотела выйти в другую комнату, но задержалась, мельком глянув на стол, где раскладывала Леся коробочки, читала что-то в конспекте и трещала обо всем на свете, сообщая Нине о тайнах визажа.

- Нет, ну так нельзя, расстроенно протянула она, я ничего не могу запомнить. Нина, можно я на тебе потренируюсь, а то зачёт завалю.
- Хуже не будет, обречённо бросила хозяйка, тренируйся.
- Так... брови... Чуть пощиплем, чуть подкрасим... Нина, тебе как брови сделать: удивленные или дугой?..

Под Лесин голосок «клиентка» впала в забытье. Образы сменялись рывками, не связывались воедино. Мамины глаза

почему-то принадлежали черноволосому мужчине. Чехарда звуков билась в черепной коробке, безуспешно слова пытались выбраться наружу.

№19 апрель 2022 г.

Двое свились в клубок: у них была одна голова на двоих. Они просили их разъелинить

 Нина, сделай губки бантиком, я посмотрю, что получилось.

Перед ней стояла Леся с кисточкой в руке. Было ощущение, что с лица сняли кожу и надели новую.

Вот почему сегодня нет зачета?
 воскликнула Леся.
 Я точно бы получила пятак.
 Хоть ты оцени мою работу.

Звонок в дверь остановил поток её речей.

Подойдя к двери, Нина по инерции открыла дверь.

На пороге стоял Сева. Хотел шагнуть вперёд, но остановился и тревожно спросил:

- Простите, вы кто? Где Нина, Леся?
   Нина, Леся, вы где?
- Здорово! захлопала в ладоши подбежавшая Леся. — Ниночка, он тебя не узнал. Не узнал!!!
- Нина? оторопело переспросил участковый. – Ничего себе! Что же ты молчишь?
- Да она ещё себя не видела, затрещала Леся, подхватила клиентку и потащила к зеркалу.

Из зазеркалья на мир смотрела очаровательная молодая женщина. Ясные лучи поднявшегося солнца вызолотили русые волосы. Легкий ветер, ворвавшись в окно одуванчиком, распушил кучеряшки, короной вздыбил прядку над головой...

Жизнь такая пошла

Прямая стрела автострады послушно стелилась под колёса коричневой «ВМW». Ровные, словно постриженные поля пшеницы и овса начинали отливать желтизной. Колосья от дуновения ветра прогибались, потом поднимали грузные головы, создавая впечатление морских волн.

— Чёрное море моё... — пропел Глеб, усмехнулся и снова запел: — Жёлтое море моё...

А жёлтое море поля мерно покачивалось, проплывая мимо окон несущейся из пункта «А» в пункт «Б» машины, покачивалось и усыпляло. Глеб тряхнул головой, чтобы разогнать сон. Густая русая волна волос послушно качнулась. Включил кондиционер на полную мощность. Холодный воздух быстро заполнил машину, проскользнул по спине, прикрытой тонкой тканью рубашки.

—Да, хорошая дорога—это хорошо,—заговорил сам с собой водитель,— но опасно, особенно если с тобой в машине нет никого. Великое дело—попутчик, ещё лучше наши разбитые российские дороги. На них уж точно не заснёшь, не сможешь. А вообще-то отец умудрился уснуть и на колдобинах. Вот тихоход, всю жизнь ездит «два пирожка в час».

Беседовать со своей персоной — тоже занятие скучное, оппонент возразить не может, нет у него возможности и высказать своё мнение, потому что его мысли хорошо знакомы до мелочей. Глеб замолчал, включил радио. Из автомагнитолы потекла симфоническая музыка. Поискал что-нибудь повеселее. «Веселее» все-

го оказались «Новости часа». Бодрый юношеский голос вещал о взрыве на Котляровском кладбище в Москве.

— Бандитизм растёт и ширится, есть о чём поговорить в радиоэфире, — пробурчал Глеб себе под нос.

Далее эфир наполнили сведения об очередных расправах и разборках в криминальном мире.

— Не новости, а «Катастрофы недели», — горько усмехнулся Глеб, — вообще-то, это не катастрофы... Назвать надо передачу «Бандиты недели» или «Разборки часа». Правильнее было бы.

Бурчание самому себе — тоже дело скучное, и Глеб занялся созерцанием окрестностей. Привычный сибирский пейзаж был там и сям подёрнут осенью. Порыжевшие некошеные луга плешинами лежали меж берёзовыми и осиновыми колками.

«В лесу уже грузди пошли», — с грустью подумал молодой мужчина. Вспомнилось, как школьником он почти каждый день бегал за грибами. Мать ворчала на него, но грибы старалась переработать все. Учительница сельской школы, она не могла себе позволить выбросить то, что принёс сын. Потому на кухне далеко за полночь ещё гремели кастрюли.

С детства знакомые запахи далёкого и недостижимого дома пролетели тихой тенью

Видения прошлого были прерваны появлением новенькой девяносто девятой. Машина летела, как на крыльях, казалось, что ещё немного, и она оторвётся от шоссе. Тонированные стёкла придавали машине безглазый вид.

«Братки быкуют, — хмыкнул про себя Глеб, хотел прибавить скорость, но азарт догонялок не появился, — старею».

Девяносто девятая пошла на обгон. - Опустилось боковое стекло, и кто-то из пассажиров показал ему руку, собранную в горсть с выдвинутым средним пальцем.

Два года назад это не прошло бы браткам безнаказанно, но сейчас Глебу было ровным счётом плевать на тех, у кого все мысли в этом жесте. Успел увидеть через открытое окно пассажиров и среди них Дэна, которого несколько раз встречал в компании своего одноклассника Сегора. «Шестерки, для дела нужны», — пояснил тогда Сегор.

«Лада», обогнав «ВМW», резко ушла влево, едва вписавшись в поворот. Из-под колёс полетел гравий.

 Дураков не сеют, не жнут, они сами родятся, — ругнулся Глеб, сбрасывая скорость.

Под дорожной насыпью промелькнул железный штырь с наваренным на него автомобильным рулём, у подножья — яркий букет цветов.

— Что-то в последнее время слишком много стало памятников вдоль дороги, пожалуй, надо где-нибудь остановиться, да кофейку попить.

Прикинул, что скоро будет деревенька с новодельными придорожными харчевнями. «В Журавлях остановлюсь, — подумал он. — Девчонок проведаю, и поесть надо, а то в Новосибе будет некогда».

После крутого поворота заканчивалась лесополоса и открывалась абсолютная

равнина. «Ровная, как стол. Жить здесь — тоска, глаз положить некуда. Не-е! Лучше наших гор и тайги ничего нет», — ухмыльнулся водитель.

Далеко впереди на обочине стояла белая иномарка. «В наше-то время, да на обочине в одиночку... Или браток, или дурак».

Девяносто девятая притормозила, встала впереди. Из неё вышли бритоголовые парни, обступили машину, один из них открыл дверцу и заглянул в салон... Между сильными накачанными телами заметалась женская фигура.

 Ну, беспредельщики! С бабами только воевать могут...

Глеб сбросил скорость и тихо подкатил к группе людей на дороге. Открыл бардачок, достал из него травматический пистолет. «Н-да-а-а! Не сильно. А что делать?» Посожалел про себя о том, что не оформил ещё разрешение на боевое оружие. «Травматика хороша только ворон путать, а против братков и пушки мало. Ну, да ладно! Господь не выдаст, эти свиньи не съелят».

- Что, братаны, забавляемся? спросил он, выходя из машины.
- Ты чё, крутой такой? повернулся к нему здоровенный парень с золотой цепью на шее, Катись, а то щас здесь и положим.

Худощавый Глеб против пяти «кач-ков». Он представил себе картину боя, счёт получался не в его пользу.

Из салона белой машины выбрался парень в синей олимпийке, в руках — тяжёлая спортивная сумка.

«Вот курица, – разозлился Глеб, –

деньги в сумке, да ещё и без охраны».

 Девушку оставили в покое, — спокойно сказал Глеб.

Да, внешне он был спокоен, и только руки, заложенные за спину, выдавали напряжение: бугры мускулов напряглись и натянули дорогую ткань рубашки.

Ты чё, безбашенный? Те чё надо, пошёл на Глеба браток с золотой цепью, те она кто?..

На землю, суки, всех покрошу, дрыгнуться не успеете, – тихо произнёс Глеб.

... На братков смотрело воронёное дуло пистолета. Аргумент увесистый, и потому парни покорно уткнулись носом в зем-

Хозяйка машины, прихрамывая, кинулась к Глебу, нырнула за его спину и затаилась, словно мышь.

- Руки на голову, стреляю без предупреждения.

Ты, козёл, знаешь, на кого пошёл? запыхтел владелец золотой цепи, попытавшись встать. - Ты теперь не жилец, мы тебя уроем, на куски порвём!

Лежать, шестёрка, – рявкнул Глеб и через плечо обратился к спасённой, - а ты с седушки телефон мне дай!

Трясущимися руками девушка открыла переднюю дверцу «ВМW», схватила телефон. Большая «труба» крутнулась в тонких ладонях, но Глеб успел подхватить её. Нашёл нужный номер, в «трубе» пищали долгие гудки. «Возьми трубу, возьми трубу!», — как заклинанье повторял про себя Глеб. На том конце раздался слегка осипший голос: «Але».

- Здорово, Сегор, это Глеб.
- A-a.
- Дело у меня к тебе интересное.
- Говори, не тяни резину.
- Не твои ли братки тут на дороге озоруют? Девушку мою обидели.
  - -- Знаешь, что мои?
  - Хочешь перетолковать?
  - Дай трубу...

Глеб подал мобильный девушке: «Отнеси им». Та, припадая на ногу, осторожно приблизилась к лежащим людям, положила телефон на землю и стала ногой подталкивать его к руке одного из них. Здоровенный «качок», лёжа на животе, держал «трубу» около уха, и время от времени что-то буркал в неё, потом встал с поднятыми руками, оставив телефон на

 Ладно, всё, замяли, — сказал он миролюбиво, - ну, ошиблись, чё сразу-то не сказал. Опусти ствол. Пошли, братва!

Нехотя парни поднимались с земли, с опаской поглядывая на противника, попятились.

...Девяносто девятая, резко развернувшись, выскочила на противоположную полосу. С ходу начала набирать скорость, быстро удаляясь.

Ілеб подошел к машине, бросил пистолет в бардачок, достал пластмассовую бутылку с водой и стал с жадностью пить. По спине текли холодные ручьи пота.

- Спасибо вам, робко заговорила девушка, – я не знаю, чтобы со мной было... я вам заплачу...
- Зачем на трассе остановилась? Машина заглохла? – не слушая её, спросил
- Почему заглохла? У меня машина новая.
  - А чего тогда встала?
  - Кофе попить.

Глеб поднял валяющуюся на обочине сумку, прикинул на руке её вес и спросил:

- Кирпичи везёшь что ли, миллион-
- Какие кирпичи деньги…
- Курица мокрая, взорвался Глеб, это кто тебя учил таскать с собой деньги?

- Я за товаром еду.
- Она за товаром едет... Ты знаешь, сколько вас не доехало?
  - Только слышала...
- Почему одна?
- Муж заболел, а больше не с кем.
- Что, при смерти лежал и не мог поехать?
- Почти... Что вы на меня кричите? Я же сказала, что заплачу вам за услуги...
- Вот дуру на мою голову послала судьба, - потишал Глеб, глядя на челночницу. – А чего хромаешь? Ногу покалечили?
  - Каблук сломался.
- У неё ещё и каблук сломался, ну ты даёшь, - прыснул парень.

Между двух машин на пустой трассе хохотали два человека: складываясь пополам, обнимаясь и толкаясь, они начинали осознавать: только что судьба протянула им спасительный волосок, отделивший их от небытия.

- Тебя как зовут, бескаблучница? всхлипывая от смеха, спросил Глеб.
  - Наташа.
  - Хороша Наташа, да не наша.
  - Почему не наша?
- Так моя тётка говорит. А у неё на все случаи жизни свои присказки. Ладно, Натали, собирай свои деньги, да поеха-
  - Мне бы себя в порядок привести.
- До «Журавлей» доедем, там разберёмся. Кстати, ты куда едешь?
- В Новосибирск, на Гусинобродский.
- По дороге, значит. Поедем, сильно на хвост не садись, но и не отставай.

Коричневая «ВМW» и белая «Toyota» медленно двинулись на запад. Водитель «ВМW» старался не газовать, чтобы спасённая не влетела ещё в какую-нибудь дорожную передрягу.

Ему нравилось, что «Тоуоtа» не прижимается к его «хвосту» и не отстаёт. Чувствовалось, что Наташа не первый год за рулём и не относится к разряду «баба за рулём - страшнее динамита».

Потянулись серые избы перестроечного посёлка со звучным названием – Журавлёво. Нескончаемой лентой одной улицы, вытянутой вдоль автомобильной трассы, вилось поселение человеческое. Жители когда-то зажиточного села сегодня выживали тем, что кормили челночников, несущихся за дешёвым товаром в богатый город Новосибирск.

«До Журавлей с божьей помощью добрались», - подумал Глеб.

Он свернул к одному из ярко раскрашенных вагончиков, стоящих в конце посёлка. Вышел из машины и, облокотившись на открытую дверцу, наблюдал, как паркуется новая знакомая.

«Лучше бы на швейной машинке брюки мужу шила, да носы детям вытирала, – оеззлооно подумал он. – Эх, девчонки, девчонки... А туда же, в дорогу дальнюю,

Наталья сидела в машине, закрыв гла-

Чтобы не тревожить женщину, Глеб пошёл к маленькому базарчику с деревенской продукцией: молоко, сметана, творог, малосольные огурцы, выпечка...

- Покупай, мил человек, заговорила с ним старушка-продавец, - молоко своё, хорошее, а огурчики только вчера посолила
- Что ж ты, бабушка, сидишь на солнцепёке? - расстроено взъерошил Глеб светлую копну волос. – Неужто дети или внуки не могут тебя заменить?
- Эх, сынок, запечалилась старушка, - дочка-то моя учительницей работает. А в школе денег не плотют. Вот и подалась она, горемычная, в Ленинск. На

рынке там торгует. Детишек с собой взяла на помочь. Ну и зять то на работе, а то к ей в Ленинск с Новосибирска товар везёт. Замотались вовсе уж.

Махнула горестно рукой.

- Ты бери, сынок, бери огурчики. Свои, доморощенные. Я же детям помочь хочу. Зятю-то тоже не плотют, а работу справляют. Вот мы и живём на мою пензию. Когда зять кого подвезет, где дочка на-

Сложила огурцы в полиэтиленовый пакет а, увидев синюю купюру, вздохну-

- Где же, сынок, с миллиона я тебе сдачу-то наберу?
- Я здесь часто езжу, засмеялся Глеб, - вот и буду у вас брать продукты на эту
- Дай Бог тебе здоровья! запричитала бабушка. - Не всех ещё жизнь-то покорёжила. Дай Бог твоей семье счастия...

Старушка осеклась. Она смотрела куда-то за Глеба. Тот мгновенно сгруппировался, резко повернулся: кулаки сжаты, руки согнуты в локтях...

В двух шагах от него стояла Наташа. Глаз почти закрылся под наливающимся громадным синяком. Исцарапанные лицо и руки покрыты грязью. Порванная блузка завязана сбоку узлом. Женщина расстроено прятала лицо.

 Переодеться-то не во что? — спросил Глеб.

В ответ виноватое потряхивание голо-

Ладно, пойдём в трактир. Умоешь-

ся. А то вон бабушку напугала. Молодая женщина брезгливо глянула в сторону неровно выкрашенного вагончика с крикливым названием «Успех».

Глеб перехватил взгляд.

- Неказисто? Это правда, зато готовят вкусно. Проверил на себе.

Тяжело вздохнув, Наташа покорно последовала за ним.

Придорожное заведение общепита сумасшедших девяностых было разделено на две части. На одной половине располагалась тесная и жаркая кухонька. На другой, рассчитанной на посетителей, стояли четыре столика, к каждому из них прилагались по четыре пластмассовых стула. На столе салфетки, бутылка кетчупа, солонка и блюдо с хлебом. К стене прибит простой деревенский умывальник, а рядом электросушилка для рук.

- Девчонки, привет! заулыбался поварам Глеб. - Кто у нас сегодня на смене? Надюшка-красавица, что-то я тебя давно не видел. Где пропадала? Поди, влюбилась? А я уж хотел тебя замуж взять.
- Прям уж, замуж взять, зарделась пышная молодайка в белом поварском колпаке. – Кушать-то что будете? У нас сегодня пельмешки вкуснячие. Сами де-
- Давай твои пельмешки. Но на двоих. Я сегодня с подругой. Ты же меня не ревнуешь?
- Тоже, Глеб, скажете. Чё я вас ревновать-то стану?

Пока парень трепал язык с поварихой, Наташа, как смогла, привела себя в порядок: умылась, причесалась, подмазала сливу синяка кремом. Глеб по-хозяйски взял женщину за подбородок, рассмотрел лицо, покачал головой.

- Надюшенька, у тебя в морозилке лёд есть?
- Я вам в лимонад уже кинула, отозвалась повариха.
- Аты мне ещё в тарелку насыпь. Примочки будем делать, видишь, я своей подружайке фингал под глаз посадил.
- Нечего врать, резко отдёрнулась

Наталья, - и никакая я тебе не подружайка... Раскомандовался...

- Что, с синяком поедешь?
- Поеду! Какое тебе дело?
- Да никакого. Твой фингал, тебе и

От мешочка со льдом она всё-таки не отказалась. Морщилась от боли, прикладывала и ненавидела себя за то, что какая-то повариха из задрипанной деревни по-матерински жалеет её, а русоволосый — толи бандит, толи балабол, беспардонно распоряжается её жизнью.

Пельмени оказались на удивление по-домашнему вкусными, чай необыкновенно душистым и сладким.

Стало жалко себя. Вместо того, чтобы сидеть сейчас дома, читать книжку сыну, лепить пельмени (и чего они дались), она торчит в забегаловке с синя-

Слёзы потекли в тарелку, добавляя соли в наваристый бульон.

- Ну, не расстраивайся, погладил её по плечу Глеб, - всё пройдёт и забудется. Может, тебе сто грамм налить?
- Ты что раскомандовался? слёзы мгновенно просохли. - Надо будет, я сама решу: выпить мне или нет.

Серые глаза спасителя с жалостью смотрели на неё, и вновь захотелось плакать.

- Что же тебя, такую красавицу муж одну отпустил? Опасно ведь.
- Работает, коротко бросила вновь обретённая спутница, уткнувшись в тарелку.
  - День и ночь и без выходных?
- Не все же такие свободные, как ты... Женщина говорила скороговоркой и не поднимала глаз.
- Поня-я-ятно. Сидит, бугаина, на твоей хлипкой шее, а ты его, урода, кормишь. Да ещё, поди, и на пиво даёшь. Тебе какое дело? Хочу и кормлю...
- Глеб бросил вилку, откинулся на стуле и с грустью посмотрел на Наташу. — Эх, девчонки, девчонки, как же вас жизнь-то побила. Тянете жилы, чтобы денег заработать, детей поднять, мужика напоить. Денег заработаете и сгорба-
- рые и больные. - Жалельщик нашёлся. Ты что ли другой, вон какую пушку с собой таскаешь? Такой же бандит, как и те!

титесь. Никому не нужны будете, ста-

Спутница смотрела зло. Хотелось прибить этого нахала. У самого, поди, в каждой избе по жене, а туда же - в добрые. Трепач, бабник...

Обида рвалась из души.

- Вы все одним миром мазаны. Только бы диван давить, да водку жрать. Помочь некому, а как о доходах речь, так всё поделить надо, - криком исходила женщина, выплескивая на незнакомца все свои думы и обиды.

И вдруг осеклась... Глеб смотрел на неё с таким состраданием, что сердце заще-

Наташа вскочила и побежала к выходу и даже на прощание не кивнула голо-

 Да и лешак с тобой, — пробурчал Глеб и двинулся следом.

Сел в машину, включил зажигание. Таких гневных в базарный день пу-

чок - пятачок. Коричневая иномарка медленно двинулась по дороге. В зеркало заднего вида маячила неподвижная «Tovota». Рядом

с ней, сгорбившись, стояла хозяйка. - Тьфуты, канитель! - ругнулся Глеб. -Навязалась на шею!

Он остановил машину и начал сдавать назад.

- Ты чего стоишь? - рявкнул он, выскакивая из машины.

Наташа обернулась и подняла на него глаза, полные слёз.

- Я свои ключи тебе в барсетку кинула.
- Зачем? оторопел Глеб.
- Напугалась. А с тобой не страшно.
- Глупенькая ты моя. А если б я не вернулся?

Он сгрёб худенькое плачущее создание, прижал к себе.

Мотаясь по делам фирмы по городам и весям, Глеб не позволял себе даже думать о встрече на дороге. Женщина со сломанным каблуком и подбитым глазом пришла к нему во сне. Она плакала на дороге, протягивала к нему тонкие, с синими прожилками, руки и беззвучно звала. Проснулся, долго курил у окна, разгоняя табачным дымом светлый образ.

Глубокая городская ночь была подсвечена огнями фонарей. Улицы безмолвны и пусты. Ни шороха, ни движения. Не видно даже бездомных кошек и собак. Жизнь притаилась в страхе перед наступающей волной разбоев. Беспредел уголовщины загонял народ в квартиры ещё засветло. Но даже там, за железными дверями и коваными решётками, человек не чувствовал себя в безопасности.

- За что боролись... – пробурчал Глеб. Вспомнилось, как после занятий в техникуме они с ребятами до полуночи бродили по улицам, до хрипоты орали песни под гитару. Встречные компании старались их перепеть, а правильнее - переорать. Где сейчас друзья-товарищи? Груня бесследно пропал в армии. Сегор правая рука у Седого, держат половину города. Белый и Вондарь - пропащие наркоманы. Пашка рыжий... Да-а-а! Пашка забурел, на драной козе не подъедешь. Он теперь власть, правда, дорожная – ГАИ. Дружбаны с Сегором - не разлей вода. Только кто кого крышует, неясно.

- Десять лет, как целый век.

Прилёг на диван, вспомнился сон.

- Опять во что-то влипла, - подумал он о дорожной знакомой. - Позвонить что ли? - Посмотрел на часы - маленькая стрелка стояла на цифре три.

- Скоро осень. Три часа ночи, а за окном темень. Спит, наверное, королева.

Ладно, утром позвоню.

Поудобнее устроился на диване, но уснуть не смог. Крутился с боку на бок, считал то баранов, то слонов – сна не было. Подушка давила голову, диван оказался слишком жёстким, одеяло – тяжёлым.

Вот зараза! Спичка-невеличка, а жить мешает. Баба замужем, и чего тебе от неё надо? Вон за тобой Лизка из парфюмерного бегает. Ну и пригрей горемычную, чтобы не спать в одиночку.

Где-то вдалеке заурчала машина. Вместе с рассветом пришёл и шум, загалдели вороны на соседнем тополе, зашуршали сына покалечить

шины по дорогам. Люди отправились по своим делам.

Холодный душ освежил голову и тело, смыл воспоминания и желания. Одеваясь, посмотрелся в зеркало.

- Красавец, отвернёшься - не насмотришься, - улыбнулся он сам себе. - Все девки мои, только не все встретились.

Уже в машине Глеб разрешил себе взять телефон, найти абонента по имени Натали. Нажал кнопку...

- Спит, наверное. Если сейчас не возьмёт, звонить не буду.

На том конце отозвались сразу. Наташа будто ждала звонка.

- Глеб, здравствуй! Мне с тобой посоветоваться надо.

Голос твердый, властный.

- Советуйся, буркнул Глеб и усмехнулся про себя: «Очухалась бабонька, ишь, как защебетала. Ну-ну...»
  - Сможешь приехать ко мне в магазин?
- Говори адрес. Справлю свои дела и приеду. Не поздно будет?
  - Хорошо бы до закрытия.

Конечно, можно было послать эту королеву куда подальше. Но ощущение тревоги, навеянное сновидением, не давало покоя. До Заводского района доехал без особых приключений. Вот и небольшой магазинчик с картонной вывеской «Женская одежда». У крыльца аккуратная урна, крыльцо выметено.

Не растяпайка, это хорошо!

Новая алюминиевая дверь легко подалась, дилинькнул входной колокольчик, и Глеба обняла волна прохладного воздуха. Пространство магазина, заполненное сарафанами, платьями и прочими атрибутами женского туалета, было раскроено похозяйски чётко и рационально.

Пожилая продавец поднялась со стула и двинулась навстречу.

Мне нужна Наталья, — сказал Глеб.

Пойдёмте, я вас провожу.

Через тесно забитый коробками коридор они прошли к светлому кабинету. Наталья сидела вполоборота и что-то читала в компьютере. Вскочила навстречу, засуетилась, махнула рукой продавцу.

- Присядешь? Может чаю?

От властного тона не осталось следа. Растерянная, напуганная женщина искала у гостя поддержки, но сказать об этом боялась. Глеб подошёл, взял её за запястья рук, слегка тряхнул.

- Успокойся и толком расскажи, что приключилось на этот раз.

- Прости, наверное, не надо было тебя впутывать, - всхлипнула она.

Уже впутала, — отпустил руки Глеб. — Налей-ка кофейку, да потолкуем.

Наташа отхлёбывала горячий кофе и дёргала себя за светлые пряди волос.

- Муж вывел на меня каких-то бандитов, они обложили данью и пообещали

- Что же он так рассердился-то?
- От пьянки гуси полетели. Пили с соседом, и, похоже, денег на выпивку не хватило, так они у какого-то бандита заняли. Сказали, что я отдам, сколько ему захочется. Доходы у меня небольшие, кручусь, как
- Чем же я помочь могу? Убить твоего мужа, да сесть за него в тюрягу?

Женщина отшатнулась, прикрыла рот ладонью.

- Что ты? И в мыслях не было. У тебя есть кто-то знакомый, прошлый раз нас спас. Может, он поговорит.
- Дуры вы бабы, рыкнул Глеб, всё сами с усами. Сделали из мужиков лохов, посадили их, как баб, по домам. Потом рыдаете кровавыми слезами.

Глеб, не ругай, и так тошно.

- Прошлый раз я звонил однокласснику, а он ничего даром не делает. Ему будет нужно всё: и ты, и я, и твой бизнес. С его крючка не сорвёшься.
  - A прошлый раз?
  - Был мне немного должен, вот и помог.
  - Что же делать?

В глазах Наташи стоял ужас.

- Давай думать, что мы можем сделать? Глеб заходил по кабинету.
  Сколько их было?
  - Кого?
  - Бандитов.
  - Один.
  - Это уже лучше, повеселел Глеб.
  - Чем же лучше?
- Да тем, что это не бандиты. Те ходят толпой. Да для устрашения разнесли бы половину магазина. Тебя разводят по полной программе лохотрона.
- Я не понимаю, развела руками Наташа.
- Твой муж с собутыльниками, похоже, решили тебя потрясти, чтобы рубить «капусту» без особых трудов. Захотели выпить, пришли, тряхнули — и потекла река бобла в карман. Просить не надо.
- У него и так деньги не переводятся. Зачем меня трясти?
  - Игра в плохих мальчиков.
- Что же делать? - Разведись.
- Я как-то заикнулась, а он начал с меня требовать раздел имущества. За сына хочет всю квартиру, а мы где будем жить?
- Тут уж или пан, или пропал. Сама решай, что тебе важнее.
- Я столько лет корячилась, чтобы приобрести квартиру, машину, расширить производство. И вот так всё отдать!?

- Я тебе плохой советчик. Решай сама. Да я вот думаю, он пьёт сильно, может, сопьётся, да богу душу отдаст.

- Ну, ну! Жалко с добром расставаться это я понимаю, - усмехнулся Глеб. - А если он по пьяни ребёнка из окна выбросит или хряпнет тебя по голове чем-нибудь?
- С этим я разберусь, а что мне с бандитом делать? Глеб, может, ты его пугнёшь?

- Когда за деньгами обещались?
- Каждый день приходит перед закрытием и всю выручку забирает.
  - Ладно, подождём.

Перед закрытием хозяйка отпустила продавца и сама вышла в салон. Глеб стал рассматривать платья. Пришелец запаздывал.

- Может быть, отстали от меня? с надеждой в голосе проговорила Наташа.
  - Не думаю.
  - Давай, я пораньше закроюсь.
- Стёкла побьёт, тебе это надо?

Тихо дилинькнул колокольчик, и на пороге возникла тёмная фигура в надвинутой на глаза кепке, вместе с ним появился тошнотворный запах пропастины.

Здорово, хозяйка, — прогундосила фигура, - гони бобы.

Наталья замерла на месте. Она готова была ринуться к кассе, чтобы отдать всё, что там имелось.

- Не спеши, кореш, - повернулся к нему Глеб, — что-то я тебя не припомню у Сегора, или ты от Ерёмы?

Вымогатель дернулся назад, но путь к побегу уже был отрезан.

 Так я... это... от Михи, — заикаясь, заговорил мужичок, снимая кепку.

Пропитое лицо было изборождено шрамами и шрамчиками. Лысый череп слегка прикрывал клочковатый пух волос.

- Кто такой Миха, и зачем залез на мою территорию?

Глеб хотел взять горе-вымогателя за шкирку, но передумал, слишком уж от него разило падалью.

- Не... я больше... не беспокойтесь, частил пришелец, пытаясь обогнуть крепкую фигуру Глеба. Наконец протиснулся между витриной и кронштейном, ломанулся вперёд, но поспешил и врезался в дверной косяк. Отскочил, как ошалелый, и налетел на другой косяк. В окно было видно, как он бежит через дорогу, петляя между несущихся машин.
- Вот идиот, не дай бог под машину по-
- Да и пусть, наконец-то смогла говорить Наташа, - меньше дряни будет.
- Дряни меньше не станет, покачал головой Глеб, -- а вот грех на мою душу ляжет. Зачем мне это?
- Странный ты, Глеб, пожала плечами женщина, -- то разбираешься с бандюками, то жалеешь их. - Жизнь такая пошла. Ладно, закрывай

свою лавку, а то мне домой надо. Уже на крылечке Наталья тихо тронула его за руку.

- Спасибо, Глебушка, что бы я без тебя делала...
- Не проблема.
- Может, в кафешке посидим? День тяжёлый был.

Глеб шагнул по ступеньке вниз, потом вдруг вернулся и обнял нежные женские плечи. Наташа доверчиво утк-

Ну, тестюшко...

Старому Пахому умирать ой как не хотелось. Всё как-то случилось невовремя и вообще ни к чему. Спокойно уйти в мир иной мешали два незавершённых дела: продажа кабанчика и хаты. Умри он сейчас, и достанется всё оглоедам детям и их прожорливым семействам.

А во всем виноватой была младшая

Принесла её нелёгкая навестить. Мало того, что приехала в неурочное время (к Пахому в это время пришёл покупатель на кабанчика), так ещё вздумала русскую печь топить, чтобы булочек попечь. Кто их есть-то будет? Кому они нужны?

Кинулся было на неё Пахом, да от гнева ему в голову что-то стукнуло, будто огнём обожгло. Вот теперь и лежит хозяин дома, как чурка: ни ноги, ни руки не движутся, как следует.

 В мать вся, дура, — зло думал Пахом, ёрзая на затрапезном матраце, - ишь, приволокла чистую простыню, растратчица. Мне, может, и на старой хорошо.

Больше всего мучила мужика страшная тайна, схороненная от любопытных глаз и чужих рук в давно не топленной русской печи. Там аккуратненькая пачка ассигнаций, завёрнутая в холстину, вожделенно ждала возможности прибавить в весе за счёт продажи того злосчастного кабанчика и хаты.

- Не успел... надо же, не успел, - страдал Пахом, время от времени прислушиваясь к тому, что происходило в соседней комнате. – Ничего, вот встану на ноги, разгоню всю ораву нахлебников. А то все припасы съедят - оглоеды.

Держали Пахома на грешной земле и те с чистейшим перваком две стеклянные четверти, которые он физически ощущал до сих пор. Толстые, лобастые бутыли давно хранили хозяйское добро, ожидая, когда все страждущие и жаждущие дядья и зятья перемрут.

Ну разве от таких дел уходят?

Парализованный человек мучился от тоски. Хотелось скорее выздороветь, встать на ноги, выставить из хаты всех захребетников, которые всю жизнь тянули с него деньги то на хлеб, то на валенки.

Сморщенное, чёрное тело Пахома пыталось подняться с кровати, крюковатые пальцы в ярости рвали рубаху. Старый сквалыга метался день и ночь, чувствуя,

как холодеет тело и слабеет голова. К вечеру второго дня на горизонте у него замаячила старуха с косой.

Скоро, очень скоро покинет Пахом земную юдоль.

Конечно, можно просто закрыть глаза и помереть, чтобы благословенные заначки, накопленные за всю жизнь, достались зятевьям-голодранцам.

Но не таков был тестюшко. Хотелось ему при жизни посмотреть, как бьются и землю носом роют эти голозадики, чтобы найти его богатства.

 Кольша, — первым позвал умирающий самого подлого из зятевьёв.

Этот дурак водки не пил, по бабам не ходил, а как только деньги в руках заводились, так сразу обновок семье набирал, а остатошние ассигнации жене отдавал. Противно думать, не только иметь с ним дело.

Зять, конечно, тут же появился на пороге. Здоровенный бугаина. На нём надёвана модная такая олимпийка... Тьфуты, растратчики. Когда не знают, куда ассигнации девать, несли бы тестю. Ужон-то знает, куда их положить.

— Вот Кольша, — просипел из последних сил старик, — хочу тебе одному открыться. Закопаны у меня в саду аж триста тыщ и две бутыли самогона. Умру, так пусть тебе с Клавкой достанутся.

Сказал, будто приговор себе подписал. Откинулся на подушку, ни дать, ни взять — сушёный фараон, только глаза ещё живые на мумифицированном вечными воздержаниями лице. Как мыши, попавшие в мышеловку и учуявшие близость кошачьей пасти, глаза суетились меж воспаленных красных век и выдавали безумное желание уходящего насладиться скандалом.

Кольша молча кивнул головой, хрястнув мышцами, встал со стула. Уже выходя их горницы, так и брякнул с порога:

 Тесть, язви его душу, триста тыщ закопал в саду и две четверти с самогоном.

Звать остатошних отпала нужда. Другие зятевья оказались ещё дурнее.

Хорошо, – говорят они, – вот схороним деда, тогда, может, и поищем.

У Пахома от бешенства даже зубы застучали. Уже сквозь зубовное клацанье он услыхал, как в кухне засуетились бабы.

 Поискать бы надо, — заговорила бойкая Клашка, — похороны-то недёшевы нынче.

Беззубый рот умирающего ощерился. Вытянув шею, старик пытался выглянуть в приоткрытую дверь.

 Дед ещё не помер, — грохнул по столу растяпай Кольша, — схороните сначала... Ишь, зашевелились, курьи мозги.

Кольша немного помолчал, потом добавил:

— От его наследства проку всё равно не будет, уйдет всё по ветру, потому как добром оно не нажито. Так что не суетитесь, вон лучше русскую печь затопите, да пирогов напеките.

— Как её топить, с материных похорон к ней не подходили, может, лучше камелёк, — начали было бабы, но, видя бесполезность споров, принялись за дело. Споро обмели обвисшую паутину, подожгли бумагу... Труба легко потянула дым. И уже через минуту в печи бушевал весёлый огонь, раздаривая людям дух берёзовых поленьев. Правда, в какой-то момент потянуло чёрным дымом и смрадом, да это что-то быстро выгорело.

...Рванулся было Пахом с постели встать, да только захрипел и брякнулся навзничь.

Упал меж подушек, пропахнувших затхлостью жизни старого скряги, задыхается от вони давно истлевшего пуха, а поудобнее лечь или позвать на помощь не может: руки, ноги совсем отнялись и язык не слушается. Лежит, выпученными глазами ворочает, будто что-то сказать хочет. Всё на печь смотрит.

Так к утру и помер, освободив детей своих и землю от коросты гнусной жадности.

Схоронили дети старика, не проклиная, но и не убиваясь, всё чин по чину: в тапочках, белой рубашке и костюме. Он такого-то при жизни не имел никогда и не нашивал из-за своей непомерной скаредности.

...После сорочин засвербело у баб «поискать клад». Как-никак, триста тыщ на дороге никто не обронил, а в семьях всегда есть в них надобность.

Давай бабы к мужикам приставать: «Поищите, да поищите...» Те, конечно, не выдержали.

А кто же выдержит бабскую брехню? Коль уж кому из этого слабого пола что войдёт в голову, в эти курьи мозги, то уже ничем не вышибешь. А тут не одна, а целый батальон. Как заведут песню с утра: то плачут, то ругаются, то уговаривают, то разводятся. За что ни возьмутся, а всё к одному сводится: «Поищите...». Посуда гремит, картошка горит, покоя мужской половине ни секунды: «Поищите...»

Сдались мужики быстро. А что с бабами спорить, только нервы себе тратить. Вышли они в сад, а тот гектара два по площади. Где искать-то? Почесали кладоискатели загривки, выпили поллитровку и решили, что копать — сад загубить и время потерять. Изготовили они палку с железным прутом на конце и прошарили всю территорию по сантиметру. Петро-то в сапёрах служил.

Месяц целый меж яблонь и груш шарили, ведро самогона выпили, и ничего, как у нищего в кармане. Пустёхонько.

 Надул нас тесть, — ржёт старший зять Никитушка, — может, в другом месте спрятал. Скряга-то ещё тот был, чтобы вот так просто рассказать о деньгах.

Может, у него ничего и не было, –
 вторит ему Петро, мужик со всех сторон обстоятельный, – пошутковал перед смертью или пригрезилось.

— Было, — качают головами дочери, — всю жизнь деньги в холстину складывал, лишней копейки не потратил. Мамку этим загубил, а нас ребятишками из дома выжил. Спасибо, соседи не дали пропасть.

— Ну, и леший с ним, и с его деньгами, — заключил месячные поиски громила Кольша, — мы, касатки вы наши, без его денег доселе жили и дальше проживём. Давайте лучше решать, что с хатой делать?

— Пускай стоит, — предложил Петро, — место доброе, ясное, ещё тещиных родителей дом-то. С любовью ставили. Кто же знал, какая у него судьба будет. У Никитушкиной Люськи уже своя семья образовалась, а жить негде. В двухкомнатной вшестером ютятся. Люськ, — обернулся он к дочери Никиты и Марии, — пойдёшь сюда жить?

Бабёночка и рада от родителей съехать с мужем, да своим домом зажить.

На том и порешили.

На четвертый год после этих собы-

тий собрались родственники на «помощь» этой самой Люське. Вроде, всё по мелочам надо сделать, а рук на всё не хватает, да и ребятёшки уже народились. Оно, конечно, помочь родне — святое дело, а другое — самим хотелось на вольном воздухе побывать, да пообщаться. Детей-внуков вывезти из душного города, чтобы по саду побегали, яблок погрызли.

Бабы обед готовят, баньку ладят, а мужики кто чем занят. К осени крышу бы надо починить у двора, дровишек наготовить, да мало ли дел в своём хозяйстве.

Петру с отпрысками досталось самое тошное дело — чистить нужник. Гребут работнички «добро» молча, сжав зубы. Уж и бросить бы можно было чистку, но Петро привык всё делать обстоятельно, доводить работу до конца, потому и пацаны его помалкивают. Знают отцов характер.

Вдруг слышат чистильщики скрежет. Вроде черпак за что-то задевает.

Мужики, – кричит Петр, – тут что-то задевает!

Ничего, ничего, – хохочет Никитушка с крыши двора, – не отлынивай!
 Потом в бане отмоешься.

Настёна, а ты его сёдня на постель к себе не пускай,
вторит ему Кольша,
а то он тебя ароматами задушит.

 Да ну вас, – обиделся Пётр, – тут правда что-то задевает. Вроде, как стекло.

Мужиков с крыши будто ветром сдуло. Они мигом дочистили яму и извлекли со дна две громадных бутыли с прозрачной жидкостью.

Вот бандюган, — ругнулся Никитушка, — это ж надо куда снадобье засунуть...

— Вражина, — помянул недобрым словом тестя и Кольша, — я два дня горбатился, помогал строить нужник. Он мне тогда капли не налил. Ну, вражина!

С великими предосторожностями бутыли были вымыты и прополосканы. Всё совершеннолетнее население усадьбы собралось у летнего стола под яблоней.

 Неужто будете пить? – ахнула рассудительная Настёна, – погань же.

Почему пить? — зашмыгали носами мужики, — просто посмотрим.

С полчаса сильная половина рода человеческого обсуждала проблему: вскрыть и понюхать или, не открывая, выбросить. Но воск на пробке был целехонек, а прозрачная жидкость так призывно булькала, что сосуды всётаки распечатали.

В ноздри ударил благоуханный запах первака, будто только что из-под аппарата. Намочив кусок хлеба, Петро бросил его псу.

— Отравите мне собаку, — ворчала Люська на дядьёв и отца. — Я вам и так бутылочку-то приготовила. Накой вам с дерьмом возиться! Дед-то, почитай, лет тридцать, как захоронил бутыли.

 Поменьше будет, — призадумалась Настёна, — тебе уже три годика было, когда нужник строили.

Вражина, он и есть вражина, –
 плюнул Кольша, – и сам не выпил, и людей не уважил.

 Во, дед даёт, — гоготали молодые отпрыски, — как он его доставать собирался?.

 Ну-ка, кыш на крышу, — прикрикнул на молодняк Никитушка, — без вас разберёмся!

Пёс бестолково крутился на цепи, по-щенячьи скулил, подпрыгивал и, по-хоже, подыхать не собирался.

Налили мужики жидкость в стакан,

а решиться, кто первым хлебнёт, не могут. Сидят в задумчивости, на стакан смотрят.

— Здорово, братаны, — раздался недалёко голос Мишки Плетня.

От неожиданности страдальцы аж подпрыгнули. Суховатый, востроносый и с глубокого похмелья Мишка выдвинулся из-за куста.

Что за нерабочий галдёж?

Хотят травануться, да не знают,
 кто первый, – съязвила Клавдия.

Мужики наперебой кинулись объяснять Плетню про тестя-бандю-гана, про нужник с самогоном, про пса и про то, что самогон им и даром не нужон, просто очень интересно: живой или нет...

Сосед враз уразумел суть происходящего и стал активно двигать тощеньким задом по скамейке, которая жалобно попискивала под ним.

 Так это...предлагаю себя испытательным полигоном... Я сам ядовитей ядовитого.

- А загнёшься?

— Хык... Кто с самогона-то загибался? Разве что по дурости, — зачастил Мишка, — а у меня со вчерашнего башка трещит. Проверим? И опять же польза — человека спасёте.

И не по-деревенски отставив мизинчик, двумя пальцами он аккуратно подхватывает стакан. В немом страхе и восторге Пахомовы наследники созерцали, как исчезает хрустальная жидкость в Мишкиной глотке. Торопливо ходил кадык, хыкала сухонькая утроба, пустел стакан... но больше ничего не происходило.

Плетень уважительно поставил стакан, смачно вытер узенькие полоски губ и, сорвав с ветки яблоко, блаженно втянул его запах.

— X-хык, — выдохнул он воздух, — ядрёна зараза! Ох, ядрёна... даже слезу прошибает. Хороша-а! На славу делал покойничек.

Просветлевшим взором Мишка обвёл вопросительно вытянутые лица и заулыбался:

Наливайте ещё, што ли... Чё ротто поганить одним стаканом.

Очнувшиеся от наваждения, мужики заговорили, засуетились. Никитушка расставлял стаканы, Петро побежал за закуской, Кольша—за бабами.

 Ты глянь, сколько стояла, а не пропала, – весело похохатывал Никитушка.

 Щас мы помянем грешную душу деда-то, – говорил Петр, расставляя тарелки с огурцами и помидорами.

Совсем из ума выжили, — ворчапи бабы, рассаживаясь за столом.

 Напирай иё такешь — потирая

 Наливай, чё тянешь, — потирая руки, проговорил Мишка.

Никитушка протянул руки к четверти...

А в это время из-за курятника вылетел клубок детворы, от которого отделился стоптанный, растрёпанный башмак. Переворачиваясь и кувыркаясь в воздухе, он пролетел над головой Плетня и на излёте задел бутыль с самогоном.

Плетень нервно дёрнулся и повалил уже распочатую четверть. Вскочил Кольша, протянул руки, чтобы поймать бутыль и рукавом зацепил вторую...

Дзинь... Дзинь...

Заворожено хлопая глазами, люди созерцали, как прозрачная жидкость исчезает в пересохшей земле...

- Ну, тестюшко, ну, зараза...

50 лет со дня окончания АВАТУ, 1972-й - 2022 годы

Продолжение. Начало на стр. 3.

Н.Е. Жуковского проходили службу десятки выпускников АВАТУ, ставшие кандидатами и докторами технических наук, доцентами и профессорами академии. Среди них полковники: Локтев Борис Ефимович – доктор технических наук, доцент, старший преподаватель, выпускник АВАТУ 1954 года; Кузнецов Владимир Васильевич - к.т.н., доцент, старший преподаватель - выпускник АВАТУ 1959 года; Телятьев Николай Николаевич - к.т.н., доцент, зам. начальника кафедры, выпускник АВАТУ 1961 года; Избеков Иван Михайлович - к.т.н., преподаватель, выпускник АВАТУ 1969 года; Акимов Александр Николаевич - д.т.н., профессор, выпускник АВАТУ 1972 года и другие.

Выпускником АВАТУ 1959 года являлся бывший начальник Васильковского ВАТУ -- генерал-майор авиации Коснырёв Леонид Павлович, кавалер двух орденов Красной Звезды, ордена «За службу Родине в ВС СССР» 3й степени и многих медалей.

Гордостью АВАТУ являются полковники Никаноров Юрий Семёнович, выпускник училища 1958 года, и Сапрыкник Владимир Тимофеевич - выпускник училища 1966 года, бывшие главные инженеры ВВС ЗабВО.

На командных должностях, от заместителя командира авиационного полка по ИАС и выше, проходили службу многие бывшие выпускники АВАТУ, среди них: Зайковский В.А., Манин Ю.К., Тетерятник Ю.М., Лобов В.К. Гуляев А.Н., Толмачёв В.Ф. – выпускники 1972 года и многие другие.

Выпускником АВАТУ ДА 1954 года является Кочемасов Станислав Григорьевич, советский и российский военачальник, генерал-полковник РВСН (Ракетных войск стратегического назначения) с 1988 года, начальник штаба РВСН (с июля 1987-го по 03.09.1992 годы), первый заместитель Главнокомандующего РВСН, доктор военных наук, более 40 лет прослуживший в Вооружённых Силах.

Родился Станислав Григорьевич 25 июля 1934 года в городе русских оружейников Туле. Умер 3 декабря 2003 года в Москве, похоронен на Троекуровском кладбище. Его награды - орден Красной Звезды, орден Октябрьской революции, орден Красного Знамени и многие медали.

В 1954 году Кочемасов Станислав Григорьевич окончил Ачинское ВАТУ ДА, в 1961-м — Харьковское (Киевское - А.Г.) высшее авиационно-инженерное военное училище, в 1970 году - командный факультет военной академии имени Ф.Э. Дзержинского, в 1978 году - Военную академию Генерального штаба.

В 1954 году, после окончания Ачинского ВАТУ ДА, техник-лейтенант Кочемасов С.Г. проходил воинскую службу в одной из воинских частей

ВВС МО СССР в качестве авиатехника по регламентным работам и ремонту авиационных двигателей самолётов. С января 1955 года — он техник по учёту и планированию 1096-го ОБАП (Отдельного бомбардировочного авиационного полка) 201-й ТБАД (Тяжёлой бомбардировочной авиационной дивизии) ДА, с января 1956 года – техник авиационной группы по регламентным работам и ремонту силовых установок (авиационных двигателей - А.Г.) самолётов в той же воинской части.

В 1961 году, после окончания Харьковского (Киевского – А.Г.) ВАИВУ, в связи с большим сокращением в ВВС, был распределён в Ракетные войска МО СССР, где проходил воинскую службу на командно-инженерных дол-

С 1970-го по 1980 годы являлся командиром ракетного полка, заместителем и командиром Йошкар-Олинской ракетной дивизии. С 1980-го по 1984 годы - первый заместитель, затем — командующий Омской ракетной армией. В 1984 году был назначен начальником Главного Оперативного Управления Генерального Штаба ВС

С июля 1987-го по сентябрь 1992 года являлся начальником Главного штаба Ракетных войск, затем, до 1994 года, начальником Главного Штаба РВСН СССР, первым заместителем Главкома РВСН СССР.

Генерал-полковник Кочемасов сделал очень много для совершенствования системы боевого дежурства группировок РВСН, разработал и внедрил в практику принципы боевого примене-

Генерал-полковник Кочемасов С.Г.

ния мобильных ракетных комплексов и подвижных пунктов управления ими.

Темами военно-научных диссертаций генерал-полковника Кочемасова С.Г. стали актуальные проблемы и перспективы Ракетных войск СССР. С начала 1990 годов и ныне развитие РВСН ВС РФ идёт по одному из путей, предложенному в докторской диссертации генерал-полковника С.Г. Кочемасова.

Очерёдность присвоения воинских званий Кочемасову С.Г.:

- 04.10.1954 года техник-лейтенант, — 18.02.1958 года — старший техник-
- 07.07.1961 года инженер-капитан,
- 06.08.1965 года инженер-майор, — 06.09.1969 года — инженер-подпол-
- -07.03.1973 года подполковник,
- 19.04.1973 года полковник,
- 13.02.1976 года генерал-майор,
- -01.11.1980 года генерал-лейтенант, 16.02.1988 года — генерал-полковник.

...После ознакомления с очень краткой исторической информацией о городе у меня появилась мысль рассказать о времени зарождения военного городка АВАТУ в городе Ачинске. В годы моей учёбы в училище мне не единожды приходилось слышать от различных людей, что казармы, в которых мы жили (следовательно, и весь военный городок/гарнизон), были построены в Екатерининские времена.

В краткой исторической справке города сказано, что Ачинский кирзавод, расположенный в непосредственной близости от бывшего военного училища, действует в городе с 1914 года. Думается, что этот кирзавод был построен неспроста, а для военных нужд – для строительства кирпичных зданий этого военного объекта.

На мой взгляд, интересным является архитектурный стиль построенных кирпичных зданий будущего военного училища, до этого Кавалерийской дивизии царских времён (как сообщают первоустроители училища) – с разными строительно-архитектурными изяществами.

Поэтому вызывают интерес непраздные вопросы: когда и с какой целью было возведено много кирпичных зданий различной величины, но одинакового архитектурного стиля будущего ABATY?

При этом, видимо, нужно иметь в виду и то, что 1914 год – год начала Первой мировой войны. А с 1893-го по 1899 годы была построена Средне-Сибирская железная дорога («Обь – Иркутск») - «Транссиб», у которой был немалый воинский контингент. Или была ещё какая-то необходимость для строительства военного объекта в сибирской глухомани?

При этом хочется сказать о высоком качестве кирпичной кладки зданий АВАТУ. Мне и моим товарищам по учёбе не единожды приходилось пробивать отверстия в кирпичной кладке нашей казармы. Нам казалось, что кирпичи и цементная связка их монолит, единый камень, не отделяемый друг от друга. Знатоки говорили, что кирпичи, прежде чем положить их в стены, вымачивали в воде, а в раствор, которым связывались кирпичи. для крепости вносили яичный желток. Оттого эти кирпичные кладки и до сих пор стоят как непосильные людям каменные глыбы, пусть уже и мёртвые...

Можно также предположить, с боль-

шой долей вероятности, что выбор места расположения военного Ачинского гарнизона (будущего АВАТУ) произошёл, когда был организован Ачинский военный острог в районе середины 1680 годов (1683-1685 годы) на крутом берегу немалой сибирской реки Чулым. То есть, именно там, где и располагалось АВАТУ в годы моей учёбы в нём (1969-1972 годы).

Из истории моей семьи я знаю, что в начале июля 1941 года, когда отец повторно был призван (мобилизован) на службу в Красную Армию, то его сразу же отправили в город Ачинск для прохождения первичной военной подготовки. На свиданку с отцом, готовящимся к отправке на фронт, тогда ездила моя мама. По её описаниям, мес-

Генерал-майор ИТС Редька И.Т.

то расположения воинской части, где проходила воинская служба и первичная военная подготовка отца, находилось именно там, где и размещалось АВАТУ в годы моей учёбы в нём, на крутом берегу реки Чулым.

При моём поступлении на учёбу в АВАТУ его начальником был генералмайор ИТС авиации Редька Иван Трофимович. Начальниками учебных батальонов училища являлись: 1-го полковник Ржавин Иван Яковлевич, 2-го — полковник Алексеев В.И., 3-го подполковник Дьяченко Василий Иосифович (позднее получивший воинское звание полковника), командир моего учебного батальона.

Если сегодня кратко, по памяти, описать план расположения училища (встав спиной к ограждению со стороны реки в месте расположения приёмника), то картина получается такая: прямо передо мной и вокруг меня территория палаточного городка приёмника и его подсобных служб. Приблизительно - квадратной территории, с длиной стороны в 500-700 метров, за которой слева – ещё метров на 500, располагался курсантский берёзовый парк с аллеями, вдоль которых стояло много скамеек для отдыха. По периметру курсантский парк был огорожен невысоким деревянным заборчиком. В

центре курсантского парка размещалась открытая танцевальная площадка с отдельным специальным местом (под навесом) для оркестра или одиночных исполнителей (артистов).

За курсантским парком следовал жилой фонд офицерского состава училиша, вместе с курсантским парком он занимал примерно половину всей территории училища, которая ограждалась ещё и массивным кирпичным забором, делившим всю территорию на жилую и служебные зоны, вход в которые ограничивался: членам семей офицеров (жёнам и детям) не разрешалось посещать служебную территорию, приходить в расположение курсантских казарм и учебных корпусов. Курсантам, наоборот, не разрешалось посещать жилую зону офицерского состава.

Кроме забора, разделявшего служебную и жилую зоны училища, жилая зона, или «ДОС» (дома офицерского состава), отделялась высоким кирпичным забором и от города. Училище особняком стояло на высоком берегу Чулыма. При этом город вплотную подступал к нему с двух сторон, на которых размещались 1-й и 2-й КПП (контрольно-пропускные пункты). А городская автодорога огибала училище своими центральными улицами.

В служебную территорию АВАТУ входили: автопарк с закрытыми боксами для автомобилей, продовольственные склады и хранилища, курсантская баня, часть которой была отгорожена и использовалась как отдельная баня для помывки членов семей офицеров и иных гражданских лиц, живших на территории училища.

Далее находилась санчасть, за которой следовали (три или четыре) больших кирпичных двухэтажных учебных корпуса, крайним из которых являлась казарма 1-го учебного батальона.

В левом крыле этого блока зданий находились: штаб училища, здание учебного отдела, двухэтажное здание политотдела и караульного помещения, одноэтажное кирпичное здание оружейного склада, старый спортивный зал и здание второй курсантской столовой, в котором питались курсанты второго и третьего курсов.

В середине на квадратной площади располагался плац с асфальтированной круговой прямоугольной дорожкой шириной 15-20 метров.

За казармой первого батальона располагалось одноэтажное кирпичное здание курсантского клуба и кинозала, следом за которым шло здание курсантской и солдатской столовой №11, в которой питались курсанты первого курса и солдаты расквартированного на территории училища ракетного полка или дивизиона. За левой боковой линией плаца размещался старый спортивный зал и здание курсантской столовой № 24.

Параллельно к учебным корпусам и казарме первого учебного батальона стояли кирпичные толстостенные двухэтажные казармы второго и третьего учебных батальонов.

Далее располагался старый стадион с футбольной площадкой. Рядом с ним, справа, был построен большой спортзал училища с новой футбольной площадкой, он граничил с территорией учебного аэродрома училища, за территорией которого располагался городской кирпичный завод.

За территорией аэродрома размещались обвалованный учебный тир и тактический городок с полнопрофильными пехотными окопами, оборудованными местами для пулемётных гнёзд и метания учебных и боевых гранат.

Задав некоторые вопросы из истории АВАТУ в Интернете, я получил ответ от бывшего комсорга нашего учебного батальона, в прошлом - подполковника Чикильдика В.К.:

«Я занимаюсь и историей училища, и историей военного городка. Кратко: здания военного гарнизона были построены на окраине города ещё до 1-й мировой войны, в 1912 году, для расквартирования в них 29-го Восточно -Сибирского полка.

Во время Великой Отечественной войны в стенах военного городка были развёрнуты несколько военных училищ. В частности, Киевское пехотное училище, Сумское артиллерийское училище. Краткосрочные военные курсы по подготовке артиллеристов, снайперов и других военных специалистов. За годы войны в них прошли подготовку более 20 тысяч человек среднего и младшего командного состава Красной Армии.

С уважением, член Союза писателей России, член Союза журналистов России Чикильдик В.К.

27.01.2022 года

г. Ачинск Красноярского края».

Прощание с прошлой жизнью

Перед выпускными экзаменами в вечерней школе Иван Грачёв отгулял положенный ему очередной отпуск, потом ушёл в экзаменационный...

Дней за пять до окончания выпускных школьных экзаменов ему принесли повестку из Рудничного горвоенкомата Прокопьевска, в которой говорилось, что после завершения школьной экзаменационной сессии ему необходимо рассчитаться с работы, сдать всё необходимое и 2 августа, к десяти часам утра, явиться с вещами в райвоенкомат для последующей отправки пассажирским поездом в военное училище, в город Ачинск Красноярского края.

Повестку Иван показал своему старшему брату, работавшему тогда механиком одного из участков той же шахты, где работал и Иван. Посоветовавшись, приняли решение, что рассчитываться с работы пока Ивану не

 Поступление на учёбу дело такое, всякое может быть, бывает, и обратно возвращаются, - многозначительно заявил брат, умудрённый жизненным

Правильность такой позиции поддержали и участковые начальники Ивана, Оттого военкоматовскую повестку Иван отдал в отдел кадров шахты, с оговоркой, что если он поступит на учёбу, то расчёт его сделает старший брат, если вернётся обратно — то будет работать на прежнем рабочем месте до тех пор, пока его не призовут на службу в армию.

Как медленно ни тянулось последнее предотъездное время из дома, всё же выпускной вечер прошёл, свой аттестат зрелости Иван получил и начал потихоньку готовиться к отъезду.

2 августа, почти сразу же после того, как он поднялся с постели и умылся, к нему прибежала Марья. Последнее время она приходила к нему домой часто и сдружилась с Ивановой матерью. При первом же взгляде на свою подругу Иван понял, что она волнуется: щёки у неё горели румянцем, под носом и на лбу выступила испарина.

Но волнения своего она старалась не показывать.

Ты всё ещё спишь, засоня? — улыбаясь, произнесла она, войдя в дом.

Да нет, как видишь, поднялся! нарочно напуская на себя леность, ответил ей Иван. - Куда мне торопиться?

- Как куда, в военкомате нужно быть в десять часов, времени уже семь часов, а ты ещё только встал! Из дома выходить пора, а у тебя, наверное, ещё ничего не собрано?

- Не собрано! - тем же тоном проговорил Иван, разведя руками, и с досадой качнул головой.

- Вырос уже до потолка, а в голове ветер, всё как маленький ребёнок, честное слово! - заругалась Марья и, «нырнув» под растопыренные в разные стороны руки своего возлюбленного, вошла в прихожую его жилища, где стояла Иванова мать.

 Тётя Вера, здравствуйте, что это такое? - возмущаясь от порога и размахивая руками, продолжала ругаться Марья.

– Да вот ведь, моих сил уже не хватает, без тебя не обойтись, - улыбаясь, ответила ей мать.

- Я быстренько его сейчас: вжиквжик, как на стиральной доске, и на ноги поставлю.

 А зачем вжик-вжик, я уже собран, - заявил из-за её спины Иван. Марья оглянулась и с удивлением увидела, что он действительно уже собран и стоял перед ней в рубашке и брюках.

Ну, ты и фокусник? Смотри у меня! - произнесла она и строго погрозила пальчиком.

Тем временем мать начала накрывать на стол. Больших проводин Иван решил не делать, об отъезде сообщил лишь своим братьям, да Лёху Усова, своего друга детства, пригласил. Остальных друзей уже не было дома, все служили в армий.

Кроме Марьи никто больше на его проводы не пришёл.

- Всё, ждать некогда, садимся за стол, - сказал Иван, взглянув на часы.

Позавтракали, и только поднялись из-за стола, как в дом вошла почта-

Вам телеграмма! - сообщила она.

Что там? – спросила мать.

- Родился сын, Дмитрий! Подпись Борис, – прочитал Иван.

- Ну вот, видишь, как в жизни получается: одного солдата в армию провожаю, другой родился! - заплакав, произнесла мать.

- Ну и хорошо, жизнь продолжается, а солдаты Родине всегда были нужны! – с напускным восторгом произнёс Иван. - Так что радуемся, родная! У тебя родился внук, у меня племянник.

Подойдя к матери, поцеловал её в щёку, как бы и по поводу своего прощания с ней. После этого подхватил стоявшую у порога и собранную ещё с вечера, дорожную сумку и вышел на крыльцо.

- Ну всё, мы пошли, если кто придёт, пусть подъезжает на железнодорожный вокзал, к поезду! – сказал он на прощание матери.

Медленно спускаясь по ступенькам крылечка, незаметно смахнул навернувшуюся на глаза слезу. Не оборачиваясь, пошёл от родного дома в новую

«День сегодня хороший будет!» - подумалось Ивану, когда он вышел за калитку. Марья отчего-то задержалась и догнала его быстрым шагом почти у самого моста через Абушку.

В военкомате всех абитуриентов, отправляемых на учёбу, собрали в отдельном классе, пересчитали, проинструктировали, как вести себя в дороге, выписали воинские проездные документы на всю группу, назначили старшего - из отбывающих, вручили ему пакет с документами на всех и отправили на железнодорожный вокзал на общественном транспорте.

Приехав на вокзал, Иван увидел целую толпу ожидающих его родственников и друзей. Провожать приехали оба старших брата и все оставшиеся в городе одноклассники и одноклассницы.

Пока абитуриенты получали в кас се свои посадочные билеты и выходили на перрон, поезд был уже на подходе. Старший брат торопливо разливал в пластмассовые стаканчики вино присутствующим на перроне друзьям и родственникам, выпили даже дев-

Когда поезд подошёл к перрону и остановился, Иван пошёл к своему вагону, провожающие гуськом спешили за ним.

- Назад чтоб не возвращался, срывающимся голосом произнёс на прощание старший брат.

- Буду стараться, - ответил Иван. По селектору объявили об отправлении поезда, машинист дал длинный сигнал. Иван по очереди быстро обнимал и прощался со всеми провожающими, последней поцеловал Марью.

- Ну, смотри тут у меня, не забывай! - шутя сказал он и направился к начавшему движение вагону.

– Да ладно уж, ты там сам не забывай меня, за меня не беспокойся, ответила Марья и заплакала.

Поезд начал увеличивать скорость, Иван вскочил на подножку вагона и вошёл в тамбур. Родные и друзья поплыли мимо него, все махали руками и что-то кричали.

– Хорошо, хорошо, хорошо... – отвечал Иван провожающим, помахивая рукой и согласно кивая в ответ

Встреча с новой жизнью

В Ачинск приехали рано утром. Вокзал показался Ивану маленьким и мрачным: небольшое деревянное одноэтажное здание, покрашенное выцветшей старой зелёной краской.

Городской транспорт ещё не ходил, и, чтобы не сидеть без толку в вокзале, решили добираться до училища пешком. Уточнили у дежурного по вокзалу, где находится военное училище.

- Не так далеко, прямо по дороге, ответил он и показал рукой направление их движения.

– Заодно и город посмотрим своими глазами, не торопясь, - косо улыбнувшись, сказал старший группы.

- Посмотрим, - поддакнул старшому кто-то из толпы.

Всего приехавших в Ачинск прокопчан оказалось одиннадцать человек: десять по разнарядке и один сверх наряда, приехавщий вместе со всеми самостоятельно, в сопровождении отца.

Окончательно определившись, двинулись толпой в указанном направлении. Иван шёл с удовольствием и с интересом рассматривал дома частного сектора, сплошняком стоявшие вдоль дороги по пути их следования. Все дома были деревянные, одноэтажные и двухэтажные, рубленные из толстых брёвен. Окна были украшены всевозможными резными наличниками. Почти все дома были огорожены высокими деревянными заборами.

- Купцы, наверное, какие-то жили,
   высказал своё мнение об увиденном идущий впереди всех старший группы (фамилия которого была Артёмов), и показал рукой на двухэтажный дом, украшенный ярче других всевозможными деревянными вырезками и узорами.
- Наверное, ответил кто-то Артёмову

Первое впечатление о городе Ачинске у Ивана сложилось не очень хорошее: старинный, деревянный, как Усяты. Хотя, в общем, об этом он уже знал из рассказов матери, ездившей сюда осенью 1941-го года на свидание с отцом, отправлявшимся на фронт после прохождения им краткосрочной военной подготовки.

Выйдя из очередного поворота дороги, прямо по пути своего следования, все увидели явно военное КПП с большими двухстворчатыми открывающимися железными воротами с большой авиационной эмблемой. Над воротами красовалась надпись большими буквами «Ачинское военное авиационно-техническое училище».

Не дойдя метров 100 до КПП, старшой остановился и, повернувшись лицом к движущейся за ним по дороге бесформенной толпе пацанов, заговоршически произнёс:

— Мужики, ещё рано, может, сразу сейчас в училище не пойдём, а рванём на речку, здесь где-то Чулым рядом. Покупаемся и отдохнём ещё денёк на свободе? А то ведь «засадят» нас всех там, за железными воротами! И всё! Когда в следующий раз в город выберемся, неизвестно.

Пацаны, остановившись, переглянулись. Явного желания купаться в местной реке никто не высказал, но и возражать никто не попытался, в том числе и отец сверхнарядника, следовавший вместе со своим сыном в общей толпе. Получив одобрение, старшой изменил направление своего движения, повернул на улицу, идущую не в сторону училищного КПП, а вправо от него.

Но за остановившейся посередине дороги бесформенной группой молодых людей, видимо, уже следили. Как только явно обозначилось, что толпа пошла в другую сторону, из КПП вышел офицер и громко крикнул:

- Эй, ребята, вы куда приехали?
- В училище, сообщил в ответ кто-то из идущих.
- Так идите сюда, зачем вы пошли в другую сторону? – доброжелательно, по-панибратски, ответил офицер.

 Ну, всё, попались! Поворачиваем назад! — недовольно пробурчал старшой.

Изменив направление движения, вновь оказался впереди всех. Подойдя к ожидавшему его офицеру и доложив, что за люди следуют за ним, протянул ему пакет с документами на всю группу. Офицер, повертев в руках пакет и заглянув в него, не вынимая документов, вернул обратно старшому.

- Открывайте ворота, - подал команду курсанту, стоявшему недалеко от него. - Проходите, товарищи абитуриенты. Вы пришли в свой новый дом! - с улыбкой сообщил он, когда двухстворчатые ворота разошлись в разные стороны. Все вошли, после этого курсант вновь закрыл ворота.

 А теперь идите прямо по этой аллейке до самого её конца. Потом повернёте направо, увидите палаточный городок, называется он «Приёмник». Вам туда. Там будете жить, пока не поступите на учёбу в училище. Вопросы есть? Нет! Ну, тогда — вперёд! — офицер махнул рукой и, убедившись, что группа начала движение в заданном направлении, вновь вошёл в здание КПП.

В палаточный городок вошли, когда там все ещё спали. Старшой вновь доложил о прибытии, но теперь уже — дежурному офицеру по приёмнику. Тот, приняв документы, предложил вновь прибывшим посидеть пока на скамейках возле большой палатки.

— Сейчас будет подъём. После подъёма придут офицеры и распределят вас в роты. Разместитесь, сходите на завтрак. А далее всё по общему распорядку. Понятно? — закончил вводные слова дежурный офицер.

— Понятно! — ответил за всех старшой. После этого, с опаской озираясь по сторонам, вновь прибывшие начали рассаживаться на указанные им места. Некоторые с явным интересом начали читать размещённую информацию на доске объявлений. В это время заиграла труба.

Подъём! – крикнул в мегафон де-

Курсант Гуляев А.Н.

журный по приёмнику. Вторя ему, со всех концов приёмника начали раздаваться те же команды.

 На зарядку становись! – некоторое время спустя подал новую команду дежурный офицер.

Со всех сторон начали вылезать из палаток заспанные, такие же, как Иван, пацаны. Шатаясь из стороны в сторону, позёвывая и продирая кулаками глаза, становились в строй.

— Приёмник, смирно! — громко выкрикнул вдруг дежурный офицер и, приложив к козырьку фуражки правую руку, пошёл строевым шагом навстречу вошедшему в приёмник пожилому офицеру.

— Товарищ полковник, за время вашего отсутствия в приёмнике происществий не произошло. Тридцать минут тому назад прибыла новая группа абитуриентов в количестве десяти человек из города Прокопьевска Кемеровской области.

— Вольно! — подал команду полковник, как позднее выяснилось, исполняющий обязанности начальника приёмника.

— Вольно! — повторил полученную команду дежурный офицер. По этой команде все, стоявшие до этого навытяжку (в том числе и вновь прибывшие прокопчане), вновь зашевелились и забегали в разные стороны, как

муравьи. Тем не менее, в центральном проходе быстро начал формироваться общий солдатский строй. После того как построившиеся в общий строй пацаны убежали на зарядку, в приёмник вошёл высокий и немолодой офицер. Подойдя к полковнику, отдал ему честь, тот подал ему руку. При этом, кивнув головой в сторону вновь прибывшей группы прокопчан, сказал:

 Пополнение – в вашу роту, товарищ лейтенант, принимайте и размешайте!

– Есть! – ответил лейтенант и, отдав честь полковнику, развернулся на месте в обратную сторону, пошёл в направлении сидевшей на лавке группы прокопчан.

— Здравствуйте! Я — лейтенант Леонтьев, буду командиром вашей роты на время сдачи вступительных экзаменов. Вот наши палатки, — сказал он и показал рукой на второй ряд, — все встали и пошли за мной, я расселю вас.

По его команде прокопчане поднялись и пошли в сторону указанных палаток. Лейтенант зашёл в большую палатку (как выяснилось позднее, штабную) и тут же вышел со списком, который Артёмов передал дежурному офицеру. Взглянув на ходу в список, сказал: «Та-а-к, прокопчане — посланцы славного угольного Кузбасса, десять человек — как раз на одну палатку. Хорошо!» — сказал он и заглянул в первую палатку.

— Места свободные есть, но я делить вас не буду, жить будете все вместе в следующей палатке. Кстати, кто у вас старший? — спросил он, оглянувшись на понуро плетущихся за ним посланцев славного Кузбасса.

- Я! — ответил тут же старшой.

— Фамилия?

– Артёмов, – ответил старшой.

– Хорошо Артёмов, продолжайте командовать группой, по-военному – строевым отделением! Понятно?

— Понятно! — заулыбавшись, ответил Артёмов. С вверенной ему в прокопьевском военкомате «властью» он уже сросся и расставаться с ней, вероятно, ему уже не хотелось.

 А сейчас заходите в свой новый дом и размещайтесь, — выдал очередную команду лейтенант и указал рукой на вход во вторую палатку.

Первым в палатку вошёл Артёмов, за ним гуськом, не толкаясь, но по очереди, друг за другом, кто как стоял, полезли в палатку и все остальные.

Когда дошла очередь до Грачёва, он просунул под палаточный полог вначале голову, осмотрелся. Снаружи палатка выглядела не очень большой квадратной, с заострённым, как у шатра, верхом, а изнутри она была внушительной. В самом центре стояла большая деревянная подпорка, держащая на себе всю палатку. В центре, прямо от входа, был небольшой центральный проход, примерно метровой ширины, в обе стороны от которого на деревянном настиле лежало по пять матрацев. На каждом матраце лежало по одной подушке, вчетверо свёрнутые байковые одеяла, под ними виднелись свёрнутые же белые простыни и наволочки.

Каждый из ранее вошедших в палатку пацанов копошился возле своей постели, выбранной им по какому-то, только ему известному, признаку.

Артёмов выбрал себе среднее место в правой стороне палатки.

Повертев головой, Иван понял, что свободными остались лишь крайние места от входа с обеих сторон палатки.

— Так, моё — левое! — сказал он сам себе, перешагнув через порожек, вошёл и поставил дорожную сумку, подаренную ему Марьей, на крайнюю левую кровать.

Последним в палатку вошёл самый маленький пацан из их группы (которого звали Витька Панов, как потом выяснилось, парень с прокопьевской Берёзовой рощи), он последним плёлся всю дорогу и тогда, когда они шли с вокзала в училище, и в палатку вошёл последним. Кровать ему досталась самая последняя — с правой стороны, у входа в палатку. Напротив Ванькиной.

— Чемоданы и сумки подсуньте под кровати, матрацы застелите простынями и одеялами. На подушки наденьте наволочки, — приказал лейтенант, просунув голову в палатку.

А где лёг старший?

Я здесь! — подал голос Артёмов.

— О, милок! Ты не туда забрался, твоё место вот здесь! — сказал лейтенант и указал на крайнее правое место, которое начал обживать «малыш».

Поменяйтесь местами! — приказал он.

В палатке все захихикали.

 А почему? – не то выражая своё неудовольствие, не то просто интересуясь, спросил Артёмов.

— Потому что все старшие палаток спят на этом месте, для удобства дежурному по приёмнику, на случай непреднамеренного подъёма его при какой-то экстренной необходимости или возникшей задачи.

Ясно! — ответил Артёмов и достал из-под кровати чемодан.

— Эй ты, слышал, меняемся местами, — почти прокричал Артёмов оторопевшему и стоявшему с выпученными глазами «малышу».

Закончив вынужденные перемещения в палатке, затолкав чемоданы и сумки, все начали заправлять кровати, кто как умел. Когда и эта работа была закончена, лейтенант внимательно осмотрел проделанную новыми подчинёнными работу.

— Э, братцы, так дело не пойдёт! И чему вас только учили дома ваши матери и отцы? — засмеявшись, сообщил подчинённым лейтенант. — Выходите из палатки все на улицу!

Ванька, только что аккуратно заправивший свою кровать, как ему казалось, посмотрел на все остальные. И тоже заулыбался, поскольку в общей картине получилась какая-то белиберда: неаккуратно и у всех по-разному.

— Всем показываю, но, чур, только один раз! — торжественно сообщил лейтенант, когда все поселенцы армейской палатки вышли из неё. Пацаны, кто смог, просунули в палатку головы и внимательно следили за действиями командира.

Порядок наводить он начал с кровати старшего: туда-сюда поддёрнул одеяло, провёл по нему руками — как утюжком, подогнул с обеих сторон края одеяла, потряс подушку, взяв её руками за два угла, качнув, плашмя положил на край кровати с противоположной стороны от прохода.

Потом так же прошёлся по остальным кроватям, последней поправил Ванькину. Закончив заправку кроватей, распрямился и оценил качество своей работы — наклоном головы вначале вправо, затем влево.

 Ну вот, примерно так должно быть всегда, – промолвил он, выйдя из палатки. Пацаны внимательно начали рассматривать работу, только что про-

POCCHINA

деланную лейтенантом, восхищались и удивлялись, как это у него так быстро и ловко получилось. Все кровати были заправлены аккуратно и одинаково, все подушки лежали ровненько.

 Ну что, запомнили? – спросил лейтенант, вновь просунув в палатку голову.

Запомнили! – ответил за всех Артёмов.

 Хорошо, тогда выходите на улицу,
 я проведу вас по всему лагерю, всё покажу, обо всём расскажу.

Пацаны загалдели и по одному начали выходить из палатки.

— Прежде всего, запомните первое армейское правило, — продолжил лейтенант, — в армии всё начинается с построения. Место вашего построения — вот здесь, напротив вашей палатки. А посему — по росту и ранжиру, в одну шеренгу становись! — Он сделал несколько шагов в сторону и показал рукой направление построения, после чего сам вышел вперёд.

Пацаны, оглядываясь друг на друга, построились.

— Так, почти что хорошо — командир выше всех, и в строю — первый. И это хорошо, — сообщил он всем своё мнение, тем не менее, обведя строй взглядом, он поменял нескольких человек местами.

— Вот теперь совсем чудненько! Запомните каждый своё место в строю, впредь и всегда строиться будете только так! Ясно?

 Ясно! – опять же, за всех, ответил Артёмов.

— Все воинские передвижения в армии также производятся строем, что мы сейчас и будем делать. Налево! Шагом, марш! Раз-два, раз-два, — командовал лейтенант.

Пацаны, улыбаясь друг другу, шагали по палаточному лагерю как вновь испечённые вояки. Лейтенант останавливал строй на каждом углу и давал пояснения:

Это Центральная линейка, здесь проводятся общие построения лагеря: на зарядку, перед отправкой в столовую (утром, в обед, на ужин), а также вечером – перед отбоем, на вечернюю поверку. Здесь, как вы уже знаете палатка дежурного по приёмнику. Здесь - штабная палатка. А это чтото вроде Ленкомнаты, - сообщил он, показав рукой на несколько рядов скамеек, прибитых гвоздями к вкопанным в землю деревянным столбам. Перед которыми стоял такой же деревянный стол и два фанерных щита, один как классная доска, второй — для наглядной агитации.

— Вот это большое деревянное здание...

Сарай, — невпопад сказал Ванька.
 Лейтенант, смерив его недовольным взглядом, произнёс:

— Никак нет, это столовая, здесь вас кормить будут до конца сдачи вступительных экзаменов, в общем, до самого поступления в училище. В столовой садиться будете подряд, по десять человек за каждый стол. То есть — вы, все вместе, кушать садиться будете за один стол, по пять человек с каждой стороны стола, на лавки.

Пошли дальше! Здесь, почти на откосе берега реки, умывальник и душ, а чуть подальше — вон то побелённое деревянное здание, догадываетесь, что это такое?

— Догадываемся, — почти хором загалдели пацаны, а когда все уже почти затихли и ждали, что дальше будет говорить лейтенант, Артёмов прогудел: «А я не понял, что это такое?».

После чего все вновь загалдели и засмеялись.

 Туалет! – с серьёзным видом произнёс лейтенант.

 А-а, – выдавил из себя старшой и, засмеявшись вместе со всеми, начал чесать затылок.

Прогулка по приёмнику длилась минут пятнадцать или двадцать. Когда вернулись на исходную позицию и прекратили передвижение, лейтенант развернул строй.

— Ну, вот и всё, если будут какие вопросы, подходите ко мне, всё объясню. А теперь — всем почиститься, умыться и быть готовыми идти на завтрак. Даю вам полчаса, — сообщил он, посмотрев на часы.

Через два дня пребывания в приёмнике Иван Грачёв полностью освоился и был уже как заправский вояка. Ему нравились все армейские особенности: ранние утренние подъёмы под звуки армейского горна, зарядка с пробежкой и всё остальное, напоминавшее его детские игры в войну. Он выполнял всё легко и даже с каким-то внутренним задором. Хотя в это же время некоторые пацаны, в том числе и из его палатки, начали ныть и время от времени высказывать сожаления и разочарования по неверности принятого ими когда-то решения о поступлении на учёбу в военное училище. Их начало раздражать всё, чем стала наполняться их каждодневная жизнь.

Во время одной из первых самоподготовок к предстоящим экзаменам, рас-

Курсант Толмачёв Василий

писание которых стало известно буквально на следующий день после расквартирования прокопчан в училищном приёмнике, Иван написал первые письма матери и Марье. Сообщил, что добрался до места нормально, немного рассказал им об Ачинске, о своей жизни и жизни товарищей в палаточном городке приёмника АВАТУ. Написал, что в первую неделю они будут проходить медицинскую комиссию и все остальные обязательные процедуры, необходимые при поступлении в военное училище. После этого начнутся экзамены: две математики, физика и сочинение по русскому языку. В конце письма приписал: «Если завалю что, то сразу же приеду домой, если не приеду, значит, сдаю, поэтому не волнуйтесь и не расстраивайтесь, ругайте меня!».

Прошло время, остался позади приёмник. Из десяти прокопьевских аби-

Курсант Урсаки Пётр

туриентов, направленных военкоматом, поступили на учёбу только трое: Вася Толмачёв, Володя Головачёв и он — Иван Грачёв. Четвёртым стал Пётр Урсаки, приехавший в училище самостоятельно, сверх наряда.

Первым завалил очередной экзамен старшой Артёмов, и сразу же начал готовиться к отъезду домой. Его отговаривали от этого, в том числе и ротный, лейтенант, сказавший ему, что в случае недобора начальник училища генерал Редька И.Т. разрешает один экзамен пересдать. Тем не менее, Артёмов демонстративно уехал, с таким видом, словно обиделся на кого-то.

Последним завалился «малыш», Витька Панов, который сходил на приём к начальнику училища и попросил разрешения на пересдачу. Ему разрешили. Но и вторичный заход его оказался неудачным. После этого он долго не уезжал домой и ошивался в районе опустевшего приёмника. Но и эта затея успехов ему не принесла. С наступлением холодов он всё же вынужден был убыть на свою малую родину.

Все прокопчане были зачислены мандатной комиссией в 11-ю учебную роту. После прохождения курсов молодого бойца их начнут учить на авиатехников по технической эксплуатации самолётов и авиационных двигателей. Что это значит, никто из зачисленных толком пока ещё не знал. Все знали лишь то, что с этого момента их начали называть «маслопупами», электриков — «кулонами» и «щелчками», вооруженцев — «пушкарями».

11-я учебная рота 3-го учебного батальона

3-й учебный батальон состоял из трёх учебных рот: 9-й, 10-й и 11-й.

В 9-й роте учили на техников-электриков по эксплуатации электро- и приборного оборудования самолётов, располагалась она на первом этаже батальонной казармы с фасадной (центральной) стороны. Набрано было в 9-ю роту около 150 курсантов.

В 10-й роте учили на техников-электриков по эксплуатации стрелковопушечного и бомбардировочного вооружения и оборудования самолётов, располагалась она на втором этаже батальонной казармы, с тыльной её стороны. Набрано было в 10-ю роту тоже около 150 курсантов.

В 11-й роте учили на техников-механиков по эксплуатации самолётов и авиационных двигателей, располагалась она на втором этаже батальонной казармы с фасадной (центральной) её стороны. Набрано было в 11-ю роту около 220 курсантов.

Командиром 3-го учебного батальона АВАТУ был моложавый подполковник Дьяченко Василий Иосифович. Как-то так получилось, что все поступившие на учёбу в училище прокопчане были зачислены в 11-ю учебную роту, правда, в разные взводы.

Командиром 11-й роты являлся майор Новиков Николай Феоктистович, участник Великой Отечественной войны, старый уже и ворчливый мужик (как казалось его подчинённым курсантам). За что, с незапамятных времён, курсанты присвоили емукличку Телега. Кличка накрепко прилипла к ротному командиру и передавалась из поколения в поколение. Ротный, вероятно, знал об этом, но вида не показывал и не возмущался.

Командиром 1-го учебного взвода 11-й роты являлся лейтенант Валентин Вагнер, выпускник предыдущего выпуска этой же роты, учившийся в 1-м взводе и являвшийся в его строю правофланговым по причине своего большого роста

большого роста. Командиром 2-го взвода 11-й роты первоначально был назначен выпускник предыдущего ротного курса с фамилией, именем и отчеством мэтра русской словесности - Пушкин Александр Сергеевич. Прожив всю жизнь в отблесках славы того Пушкина, наш Пушкин А.С. тоже был склонен к лирике: немного увлекался поэзией и художественной самодеятельностью, хорошо играл на баяне и пел. Свой взвод он принял сразу же после формирования его в приёмнике. С первой же встречи со своими курсантами он начал вдалбливать им в голову навязчивую мысль, что первые год-полтора каждый из курсантов должен «зарабатывать» свой авторитет. Потом этот заработанный авторитет будет работать на них. Курсанты в это поверили и каждое поручение взводного или другого какого-

Своего взводного курсанты 2-го взвода полюбили с первой встречи, смотрели ему буквально в рот, не упуская ни малейшего его слова и распоряжения. С первого же дня все начали называть его между собой — Саша: «Саша пришёл! Саша сказал! Саша, Саша, Саша».

то начальника стремились выполнить

стремглав, сломя голову.

Но необъятная любовь курсантов 2го взвода к своему взводному командиру оказалась очень короткой: в училище пришёл какой-то и чей-то приказ, по которому лейтенанта Пушкина А.С. велено было отправить в строевой полк. Вместо него взводным был назначен лейтенант Кондратов, тоже Александр, но – Геннадьевич. Полная противоположность прежнего взводного, к тому же ещё – бывший старшина 9-й роты предыдущего выпуска. Отчего у всех курсантов 2-го взвода (без исключения) появилось чувство какой-то тревоги. «Ой, что со мной теперь будет?» – думал каждый.

3-м взводом в 11-й роте командовал бывший её выпускник, сокурсник лейтенанта Вагнера — лейтенант Батаков, которого звали Валерием. На строевых занятиях с оружием Батаков показывал своим подчинённым буквально цирковые трюки обращения с карабином «СКС». Оттого в 3-м взводе курсанты своего взводного полюбили. Между собой назы-

вали его Валера или Батачёк.

4-м взводом в 11-й роте командовал капитан Шавердашвили Малхаз Михайлович: старый, лысый, красномордый грузин, от которого постоянно несло водочным перегаром. Порусски говорил он с акцентом, при этом сильно искривлял рот. На заре своей молодости Шавердашвили заканчивал военное пехотно-пулемётное училище. Этим гордился, и всегда, когда разговор заходил о стрельбе, говорил: «Эх, мне бы пулемёт сейчас. Я бы вам показал: та, та, та, та!». Курсанты хором смеялись.

В роте к капитану Шавердашвили многие относились иронически: между собой называли его Швили, а то и Швилька.

Комсомольская строгость и курсантские будни

Ещё в приёмнике, присматриваясь к абитуриентскому окружению, Грачёв понял, что ребята приехали в училище со всех концов страны, и кого только среди них нет. Многие до приезда сюда об авиации и не помышляли: одни за компанию приехали, другие вообще непонятно как. И кого только не было среди абитуриентов: и хорошие музыканты, и сложившиеся спортсмены, и

художники, и разгильдяи.

Особенно запомнил Грачёв двух музыкантов-гитаристов, которые играли на своих инструментах разные музыкальные произведения и пели песни. Они играли дуэтом и порознь, подыгрывая друг другу. Сильно в музыке Иван не разбирался, но чтобы увидеть высокий класс игры этих ребят, музыкальных знаний и не требовалось. Нравилось ему, как они исполняли дуэтом «Полёт шмеля». Уже тогда, слушая их, многие абитуриенты говорили: «Ну, эти ребята уже поступили на учёбу, генерал Редька любит таких!». Но после своего зачисления на учёбу музыкантов этих в курсантских рядах Иван почему-то не увидел. «Может, завалили экзамены, может сами уехали, разонравилось!», - думал он.

Поступал на учёбу один гимнаст, приехавший откуда-то с Украины, по фамилии Евва, звали которого Дмитрием. Так вот, этот самый Евва запросто крутил на перекладине «солнце», при этом делал всевозможные перевороты и сальто, запросто стоял на руках вверх ногами и даже на одной руке.

Был среди поступающих хороший художник – Генка Косоротов, который привёз с собой кличку Кашек. Так вот, Кашек, запросто, взяв в руки карандаш и чистый лист бумаги, рисовал любого, кто просил его об этом. Портрет получался как на фотографии.

И вот эту разношёрстную массу собрали под одной крышей в одной казарме и начали ковать из них единый воинский коллектив. А он не набирает силу, поскольку у многих из них ещё не отпущен тормоз прошлого. К концу курса молодого бойца, когда до принятия присяги оставались считанные дни, в 11-й роте, во 2-м взводе, в котором учился Грачёв, случилось два ЧП.

К курсанту Юрке Любину приехала из дома невеста, с виду очень симпатичная девчонка, которая несколько дней подряд простояла возле казармы, ожидая, когда её возлюбленный выйдет к ней для встречи и разговора. Но Юрка категорично и принципиально не выходил. Многие курсанты

11-й роты душевно встали на сторону девицы и почти в открытую ругали Любина. Она сходила на приём к начальнику политотдела училища и сообщила, что беременна от Любина, а он такой-сякой. Начальник политотдела взял полученную информацию под контроль, вызвал к себе комбата и ротного.

Ротный, майор Новиков, придя после приёма начпо к себе в роту, тут же вызвал в канцелярию командира 2-го взвода лейтенанта Кондратова, немногим позднее и курсанта Любина.

- Женись, сукин сын! - сурово рявкнул ротный, гневно глядя на курсанта. Но курсант Любин и тут отрицательно закачал головой. И как ротный ни обламывал его, курсант непоколебимо стоял на своём.

Рота бурлила, но Любин не обращал на это внимания. Тогда комсомольские активисты взвода решили собрать по этому поводу комсомольское собрание и на нём пропесочить позорящего их звание. Но и этого кое-кому показалось мало: вечером, перед отбоем, Витька Корнилов, курсант 1-го взвода, подговорив нескольких дружков, решил устроить Любину «тёмную». После отбоя и ухода из роты дежурных офицеров «заговорщики», выключив дежурное освещение в казарме, накинули Любину на голову одеяло и начали бить его: кто кулаками, кто курсантским ремнём.

Юрка, нехилый по своему телосложению парняга, особо, видимо, не сопротивлялся, но громко закричал на всю казарму.

- Эй, вы там, кончайте ерундой заниматься! - завозмущались остальные курсанты, не принимавшие участия в экзекуции, со всех концов казармы. Что, вероятно, и охладило пыл заговорщиков, которые тут же разбежались в разные стороны, как ночные тараканы.

Сильно или нет досталось Любину от своих обидчиков, непонятно, вероятнее всего, нет, но Юрка плакал после этого долго, никого не проклиная и никому не угрожая. При этом никто из его товарищей не подошёл к нему и не начал успокаивать. В душе, возможно, многие и жалели его, хотя и не понимали причины его упрямства.

На следующее утро не только «заговорщики-мстители», но и все остальные курсанты думали, что Любин подаст жалобу по инстанции за ночное избиение, и в роте начнутся разбирательства. Но Любин поднялся утром как обычно, вместе со всеми: сбегал на зарядку, заправил постель, но прежде чем идти в туалет и в умывальник, взял несколько чистых листов бумаги и ушёл в Ленкомнату. Оттуда вернулся быстро и положил на свою кровать, вверх текстом, рапорт - с просьбой своего отчисления из училища «за аморальное поведение».

Первым взял в руки рапорт Любина и прочитал написанное в нём Мишка Сазонов, штангист из Горького, недавно избранный секретарём комсомольской организации 2-го взвода.

Ну и катись к чёртовой матери, туда тебе и дорога, - сказал Мишка, прочитав Юркин рапорт, и положил его на прежнее место.

Рапорт Любина подписали все командиры, и ровно через неделю он был отчислен из училища и уехал домой.

Сразу же после того, как не стало во 2-м взводе курсанта Любина, подал рапорт на своё отчисление с учёбы курсант Евва. Он указал в своём рапорте, что просит отчислить себя по той причине, что наконец-таки понял, что в своё время принял неправильное решение о выборе будущей профессии. Сообщил о том, что его место - в спорте.

Такого повторного удара «под дых» командир 2-го взвода 11-й роты лейтенант Кондратов А.Г. и комсомольская организация взвода спокойно вынести уже не могли.

- Нужно срочно проводить комсомольское собрание, - взволнованно сообщил своё предложение командиру взвода секретарь первички.

В тот же день, перед обедом, комсомольцы взвода ушли в Ленкомнату на собрание. Грачёв остался в своём кубрике, поскольку не являлся членом ВЛКСМ. На собрание был приглашён и взводный, который до начала комсомольского собрания проверил в Ленкомнате расход личного состава взвода. Выяснил, что Грачёва не хватает.

 Что за ерунда, ещё, что ли, один отступник? - произнёс взводный и отправил на поиски отсутствующего своего заместителя - сержанта Первушкина Ю.П.

- Грачёв, ты почему не в Ленкомнате? - гневно спросил подчинённого

- А я беспартийный и комсомольцем не являюсь, товарищ сержант! тихим голосом и невозмутимо ответил ему Иван.

- Все там, и комсомольцы, и беспартийная молодёжь, марш туда же, прокричал отчаянно сержант.

- Есть! – ответил Грачёв и трусцой побежал в Ленкомнату. Когда он вошёл, то увидел устремлённые на себя четыре испепеляющих глаза, два из которых принадлежали командиру взвода, два других - секретарю комсомольской организации взвода.

Я беспартийный! — не дожидаясь вопросов, сообщил Грачёв и развёл с удивлением руки.

Да-а? — прорычал взводный и гневно смерил его взглядом.

Иван увидел, что у взводного нервно дёргается веко левого глаза, потому отвёл свой взгляд в сторону. Взводный же продолжал буравить его взглядом ещё некоторое время.

Садись! – ответил ему Сазонов, – собрание очень важное, и на нём должны присутствовать все: и комсомольцы, и беспартийные.

Иван передёрнул плечами и прошёл на свободное место. Евва сидел один, за первым столом, с высоко поднятой головой, остальные все потупились.

Разрешите начинать собрание? произнёс Сазонов, посмотрев на своего взводного командира. Тот согласно кивнул головой.

 Товарищи комсомольцы! В нашей комсомольской организации насчитывается 32 комсомольца, ой, 31, ой, отставить - 30 комсомольцев.

Присутствующие на собрании заулыбались и подняли на Мишку глаза.

 Присутствует, – произнёс он и после некоторой паузы начал считать всех присутствовавших, - двадцать пять, минус один. Остальные отсутствуют по уважительным причинам, сообщил он и начал рыться в бумагах, лежащих перед ним на столе. Найдя, что искал, пробежал по листку глазами и поднял вверх голову.

- Какое будет мнение по открытию собрания?

Открыть! - подал голос с места Вовка Киселёв, самый старый курсант

взвода. После чего Сазонов вновь опустил голову и прочитал по листку, что делать дальше.

Поступило одно предложение открыть! Кто за это предложение, прошу голосовать, - произнёс Сазонов, после чего курсанты один за другим начали поднимать руки. Глядя на товарищей, поднял вверх руку и Иван.

- Грачёв, да опусти ты руку, ты – минус один, без права голоса, - с раздражением сообщил ему Сазонов. Иван исполнил и эту команду, сложил на столешне руки, как прилежный ученик в школе. - Так, единогласно, открываем! Предлагаю избрать президиум из трёх человек: коммунист Кондратов, комсомольцы Киселёв и Сазонов. Кто – «за», прошу поднять руки. Единогласно! Президиум прошу занять свои места, - бойчее повёл собрание Сазонов.

Кондратов и Киселёв заняли указанные им места за рабочим столом.

- На повестке дня нашего комсомольского собрания стоит один вопрос: рапорт на отчисление из училища курсанта Евва, - продолжил Сазонов и, не делая паузы, сразу же перешёл к выступлению по обсуждаемому вопросу. -Товарищи комсомольцы! Это предательство! Он занял чужое место, место того, кто хотел учиться, но не был зачислен. Кто хотел учиться, но - уехал! В войну за такое к стенке ставили!
- Подожди, подожди! Надо послушать комсомольца Евву и дать возможность высказаться другим, - одёрнул загоревшегося комсомольского вожака командир взвода. Сазонов, не высказав до конца своё мнение, сел на место. После этого поднялся Евва.

- Мне говорить нечего, в рапорте всё изложено, учиться здесь я не хочу. Это не моё, я это только теперь понял. К сожалению, - бойко произнёс он и вновь сел на своё место.

Кто хочет выступить ещё? — продолжил собрание Вовка Киселёв. Желающих выступать не было. - Ну, тогда я выскажу своё мнение, - сообщил он и, одёрнув гимнастёрку, пригладил подрастающую щетину на голове.

- Товарищи комсомольцы! Ну, может быть, ставить к стенке комсомольца Евву и не надо? Это, наверное, очень большая и суровая кара для нашего товарища, — начал своё выступление Киселёв, жестикулируя руками и потряхивая головой. – Но призвать к порядку его необходимо, может быть, необходимо поставить нам здесь вопрос об исключении комсомольца Евву из комсомола? - пафосно произнёс оратор и потряс в воздухе сжатыми кулаками.

– Да вы что, оборзели тут совсем, что ли? — подал голос курсант хулиганистого вида Вовка Савин, или просто Сава, как звали его все курсанты.

- А вы, комсомолец Савин, помолчите! Выскажетесь, когда слово вам дадут и сюда выйдете, - одёрнул Кондратов нарушителя правил ведения собрания.
- Ба-а-а, да тут демократию пытаются зажимать! - вновь забузил с места Савин. Но на него со всех сторон зашикали сидящие рядом курсанты, после чего он успокоился и замолчал.
- Я высказал своё мнение, на этом и заканчиваю, - продолжил выступление Киселёв, стоявший у края стола.
- Кто ещё желает выступить? объявил Сазонов, вновь взявший в свои руки ведение собрания.

Ещё выступило несколько человек, которые осуждали решение, принятое

ENTITION DE LA POCCHINA

курсантом Евва. Когда в Ленкомнате вновь нависло тягостное молчание, Грачёв посмотрел по сторонам и поднял вверх руку, попросив предоставить слово и ему.

- Беспартийному дадим слово? спросил Сазонов, обратившись к присутствовавшим на собрании.
- Дадим, дадим! прозвучало несколько голосов с места.
- Ну, иди выступай! повелительным голосом проговорил Сазонов.

Грачёв поднялся с места и вышел вперёд, к столу президиума, развернулся лицом к сидящим.

— Товарищи комсомольцы! Я где-то читал или слышал от кого-то мысль, высказанную когда-то каким-то мудрым и умным человеком, — загадочно сообщил своим товарищам Грачёв и обвёл взглядом присутствовавших, увидев, что все подняли свои взоры на него и внимательно слушают. — Самое страшное в жизни — это предвзятость и безразличие людей к поступку отдельно взятой личности.

Когда уезжал курсант Любин, я считал это неправильным, он был здесь на своём месте. Уйти от нас вынудила его какая-то особая обстановка и ситуация, вникнуть в которую никто из нас

Курсант Другов Николай

не пожелал. Наоборот, поспособствовали его уходу, спустив на него всех псов.

Сегодня мы вновь пытаемся разорвать на куски очередную жертву. Но Димка — не Юрка, вы ведь все видели, как он на одной руке в классе на парте стоит. Кто-нибудь из нас сможет такое же сделать? Нет!

Вот то-то и оно: не для него — то дело, которому большинство из нас сознательно приехало сюда учиться. Ему нужно в физкультурный институт поступать, учить детей тому, что он сам так хорошо умеет делать. Плохо, конечно, что осознал он это только сейчас, уже после зачисления на учёбу. Но всё же это лучше, если бы он принял это решение после окончания учёбы, когда станет офицером. Поэтому, пусть уходит сейчас!

— Ну, ты и даёшь, Грачёв! Так завтра все разбегутся?! — возмутился со своего места взводный командир.

— Все не разбегутся! — возразил лейтенанту Иван. — Людей, которые не случайно оказались тут, достаточно. А что касаемо талантов в каких-то других областях, зачем их силой держать здесь? Пусть они ищут себя на какомто другом поприще, если желают этого.

Правильно говорит, правильно, – послышались голоса с мест.

Недовольный командир взвода поднялся со своего места и ушёл из Ленкомнаты.

Через неделю бывший курсант Евва уехал домой. Через два месяца после начала учёбы в 114-м классном отделении 2-го взвода 11-й роты из 32 набранных на учёбу курсантов осталось тридцать. А учебный процесс вновь набранного курсантского состава учебного батальона, можно сказать, ещё и не начинался.

День принятия присяги курсантами 3-го учебного батальона АВАТУ выдался ненастный: с неба непрерывно лился дождь вперемешку со снегом. Оттого командование училища приняло решение — принятие присяги проводить в казармах, повзводно.

Местом принятия присяги 2-го взвода оказалась бытовая комната казармы. Курсантов выстроили буквой «П» вдоль стен. Руководил процессом принятия присяги командир взвода лейтенант Кондратов А.Г. Взводный по списку, по одному, вызывал из строя курсантов. Каждый из присягавших Родине и Отечеству читал весь текст присяги. В тексте, как известно, слов много. Процесс затянулся, а бытовую комнату не проветривали, потому было сильно душно. При этом все стояли по стойке «смирно», навытяжку.

Часа через два, стоя в строю, потерял сознание курсант Николай Другов. К этому моменту сам он присягу уже принял, стоял в первом ряду и, борясь с одолевавшей его тошнотой, слушал остальных. И когда вышел вперёд курсант Савин и начал громогласно читать текст, у Другова выпал из рук карабин, вслед за которым плашмя упал на пол и он сам.

Произошла заминка, Савин, прекратив читать текст, выпучив глаза, смотрел на лежавшего без памяти на полу Другова.

Взводный, видимо, вначале тоже растерялся, но потом подбежал к лежащему курсанту, перевернул его на спину и, подхватив под руки, волоком, бороздя по полу Колькиными ногами, потащил его в спальное помещение (в кубрик), положил на кровать. Снял с него галстук, расстегнул тужурку и рубашку, начал приводить в чувства похлопывая руками по щекам и массируя грудину в сердечной области. Через некоторое время Другов заморгал глазами и хрипло начал дышать.

— Двадцать девять! — громогласно

провозгласил курсант Савин и развернул на голове фуражку кокардой и козырьком на затылок.

— Никаких 29, — произнёс взводный, вновь встав на своё место, — лёгкий обморок от недостаточности кислорода в бытовой комнате, я привёл его в чувство, пусть полежит немного на кровати, придёт в себя, поднимется!

Подняв карабин Другова, взводный передал его дежурному по роте, чтобы тот поставил в «ружпарк» на место.

 Продолжайте, курсант Савин, но вначале наденьте, как положено, свой головной убор.

Савин заулыбался и развернул на голове, как положено, фуражку.

— И всё равно, 29 — не к добру, всё это произошло не к добру, — проговорил курсант Савин и, как пономарь, скороговоркой, без знаков препинания начал читать оставшуюся часть присяги. Взводный наморщил лоб, но делать курсанту замечание, чтобы он перешёл на нормальное чтение текста, не стал.

После принятия присяги курсанты 3-го учебного батальона стали настоящими военнослужащими: им выдали табельное оружие и военные билеты, они начали ходить в караулы, начался плановый учебный процесс.

В скором времени после начала учебного процесса курсант Савин начал тяготиться посещением лекций и практических занятий, сам начал напрашиваться в наряды у сержанта.

Отстанешь ведь, материал сложный дают, не школьный.

— Я способный, в школе, бывало, по три месяца на занятия не ходил, а за контрольные учителя пятёрки мне ставили, — бравировал заместителю командира второго учебного взвода сержанту Первушкину Юрию Петровичу «трудолюбивый» курсант второго взвода Володя Савин. Он приехал в Ачинск из соседнего Алтайского края, из славного города Славгорода, в котором базировался один из лётных учебных полков Барнаульского ВВАУЛ.

— А почему ты не стал поступать учиться в своё лётное училище? — както, находясь в бытовой комнате, спросил Грачёв у Савина. Тот почесал затылок и, подумав, ответил:

— Бьются они часто, а я жить хочу. Представь, сижу я дома, смотрю в небо — вижу, взлетели четыре самолёта, а через некоторое время обратно возвращаются три, а то и два. Остальные разбились. И так почти каждый день!

– Брось ерунду говорить, – возразил Иван. – Они, наверное, разошлись и возвращались на аэродром тройками или парами, а то и по одному. Что же, каждый день лётчики разбиваются, что ли, такого быть не может!

— Ты что, не веришь мне? Да у нас в городе похоронные марши каждый день играют. Только одного схоронят, второй — готов! И так каждый день. Не веришь мне — не верь, твоё дело, приезжай к нам в Славгород, сам увидишь, — возмущённо произнёс Савин и взял со стула баян.

Через некоторое время начал растягивать меха на полный размах рук. Отчего из баяна полилась такая музыка, что стоять рядом с ним стало невозможно. Тем не менее, на звуки музыки Савина в бытовку сбежались почти все находившиеся в роте курсанты. Вовка сидел на стуле с закрытыми глазами с блаженной улыбкой, в уголке губ торчала полуистлевшая сигарета. Сава явно балдел! Баян летал в его руках как тульская гармошка или хромка в руках заправского сельского гармониста.

Курсанты смеялись, Иван слышал легенды о Вовкином музыкальном искусстве, но сам видел его впервые. На гром раздиравшей казарму музыки из ротной канцелярии прибежал командир 1-го взвода лейтенант Вагнер.

— Савин, прекрати это безобразие, сейчас же положи баян на место, выведешь его из строя! — прокричал Вагнер.

Сава открыл глаза и, увидев перед собой офицера, прекратил игру:

— Не выведу, товарищ лейтенант, он на это рассчитан! Кстати, я ещё и не так могу, — улыбаясь, сообщил он, пытаясь вновь растянуть меха инструмента. Но лейтенант забрал из его рук баян и понёс в ротную канцелярию.

И не кури здесь, в курилку иди,
 по ходу дела сделал замечание непутёвому курсанту.

Буквально дня через два после этого, когда Грачёв стоял дневальным на посту при входе в казарму, в роту к ним прибежал запыхавшийся заведующий курсантской столовой № 11 и, не остановившись возле дневального, побежал дальше, в ротную канцелярию:

 Товарищ майор, уберегите меня от вашего бандита! – прокричал он ротному буквально с порога канцелярии.

Что случилось, товарищ старшина? — спросил майор Новиков.

- Ваш бандит — курсант Савин, работник кухонного наряда, фактически остановил производственную деятельность курсантской столовой, под угрозой срыва оказалось своевременное приготовление пищи на ужин.

Он разогнал всех гражданских поваров со своих рабочих мест, повтыкал ножи в потолок варочного цеха столовой, притащил откуда-то баян, играет душераздирающую музыку. В столовой, наверное, стены развалятся и потолок рухнет.

Ротный, несмотря на свой приличный возраст, не дослушав до конца информацию старшины сверхсрочной службы, стремглав сорвался со стула и, на ходу схватив с сейфа фуражку, пулей вылетел из канцелярии в коридор казармы.

Кондратов! — закричал он от дверей канцелярии.

Я слушаю вас, товарищ майор! —

АВАТУ. 114 классное отделение. 1972 год

Yangkan Poccini

послышался голос командира второго взвода из кубрика, где он проверял порядок в тумбочках у подчинённого личного состава.

За мной-ой! – прокричал на бегу ротный, даже не посмотрев в сторону ответившего ему лейтенанта, который, видя нестандартность происходящих событий, пулей вылетел в центральный ротный проход. При резком повороте влево его занесло и, поскользнувшись на паркетном полу, он чуть было не упал. Удержался на ногах, вовремя схватившись за двухъярусные кровати соседнего третьего взвода, побежал

за ротным командиром.

Прибежав на место события, оба увидели, что весь кухонный наряд столовой угрюмо сидит без работы на лавках первого разделочного стола, а из варочного цеха несётся громоподобная и душераздирающая музыка. Заглянув в кухню, командиры увидели курсанта Савина, сидящего на перевёрнутой набок табуретке с умилённо закрытыми глазами и дымящей сигаретой в углу рта. Он с силой и во весь размах растягивал баян, затем с силой же сжимал его обратно. Баян ревел, как гром небесный.

Встать! - что было мочи закричал ротный.

Сава вздрогнул от неожиданного окрика и открыл глаза. Увидев перед собой ротного командира не то испугался, не то удивился его присутствию здесь. Подскочил на ноги и ловким движением ноги поставил табуретку в нормальное положение, положил на неё баян. Затем, изобразив нечто вроде стойки смирно, приложил правую руку к виску, доложил стоявшему перед ним начальству: «Товарищ, майор! Рабочий по курсантской столовой курсант Савин, - сказав это, сделал небольшую паузу и добавил, - в свободное от работы время занимаюсь музыкой!».

Ротный, подойдя к нему вплотную, обошёл вокруг, внимательно осматривая его сверху донизу острым взглядом. Зайдя спереди, внимательно посмотрел ему в глаза и неожиданно резко сказал:

 К пустой голове руку не прикладывают! Вольно!

Ой, извините, товарищ майор! ответил ротному курсант, после этого пощупал голову рукой и, убедившись, что голова у него действительно не прикрыта пилоткой, опустил руку и расслабился. До этого он стоял по стойке смирно и лишь поворачивал голову в направлении движущегося перед его глазами ротного.

- Курсант Савин, я не пойму, ты действительно дурак или прикидываешься оным? – наконец-то задал свой вопрос майор. На что Савин ничего не ответил, пожал плечами, как бы сказав: «Не знаю, товарищ майор!».

- Кондратов, возьмите баян и вместе с этим удальцом ко мне в канцелярию, - распорядился майор Новиков, повернувшись к взводному.

Из столовой увели виновника беспорядка, и майор вышел из кухни. Подошёл к праздно сидевшему на лавке кухонному наряду.

А вы почему не работаете?

 Так нечем! — ответил за всех один из курсантов-первокурсников.

- Как, нечем? - не поняв ответа, потряс головой ротный, как бы пытаясь освободиться от только что виденного кошмара.

- Мы чистили картошку, а он отобрал у всех нас ножи и начал метать

их в потолок варочного цеха, а когда начала возмущаться гражданская повариха, он хотел метнуть один из ножей в неё. Она испугалась и убежала, - вновь ответил за всех тот же самый курсант.

Ротный вернулся к окну раздачи, заглянув внутрь кухни, посмотрел на потолок: вокруг лампочки, почти на одинаковом расстоянии друг от друга, по кругу были воткнуты штук пятнадцать ножей, в том числе и большие мясоразделочные и поварские.

Вернувшись к сидящиму без дела кухонному наряду, распорядился:

 Быстро сходите в пожарку, возьмите у них раздвижную лестницу, выдерните из потолка все ножи. Лестницу отнесёте назад. Понятно?

Понятно, – ответили те.

- Ну и дела. Многое в жизни видывал, но - такое, впервые! - проговорил он сам себе. Сняв фуражку, вытер платком вспотевший лоб и голову. С прищуром глаз посмотрел на небо.

Затем, как бы вспомнив ещё что-то, быстро пошёл в сторону 11-й роты.

Прошло более часа, личный состав начал стягиваться в роту после самоподготовки к завтрашнему учебному дню, время подходило к ужину. Курсант Савин в канцелярии ротного командира ещё не появился. Майор Новиков вышел в центральный проход казармы и позвал к себе командира 2го взвода.

- А где курсант Савин? спросил ротный, когда лейтенант Кондратов появился в поле его зрения.
  - В туалете! ответил взводный.
- Целый час? удивился ротный.
- Так точно! Говорит, что кишки завернулись, опорожниться не может.

Понятно, дурака включил. Веди его ко мне, как есть, хоть без штанов.

- Понял! ответил взводный и, развернувшись, быстрым шагом пошёл по центральному проходу в сторону туалета и почти сразу же увидел вышедшего оттуда подчинённого.
- Курсант Савин! крикнул ему взводный.
- Слушаю вас, товарищ лейтенант! ответил Савин.
  - Ко мне! прокричал взводный.
- Есть! ответил Савин и пошёл к взводному странным строевым шагом: правая нога Савина шла строевым шагом, левая - вольным.
- Стой! остановил его взводный.

- Кругом! Шагом марш!

Савин, беспрекословно выполнив команды командира, пошёл в обратную сторону. При этом движения его ног поменялись: левая нога пошла строевым шагом, правая - вольным.

вновь остановил его Стой! взводный. – Кругом, шагом марш!

Савин вновь выполнил все поступившие ему команды, движение его ног вновь поменялось. При этом действия курсанта Савина были настолько комичны, что находившиеся в проходе казармы курсанты смеялись, как над цирковой клоунадой.

 Ясно! При разворотах меняется полярность фаз, - улыбнувшись, произнёс и лейтенант Кондратов. Он был выпускником 9-й учебной роты и по своему образованию являлся техникомэлектромехаником, поэтому в электроцепях и их полярности соображал.

В тот же день курсанта Савина отвели в санчасть, а на следующий день увезли в окружной военный госпиталь. В роте курсант Савин не появлялся более полугода, никаких вестей от него не было, никто не знал, где он и что с ним.

Давно прошла зимняя учебная курсантская сессия, приближалась летняя. И вот, однажды, поднимаясь в казарму по широкой бетонной лестнице на второй этаж, Грачёв вновь услышал мотивы знакомой ему Савинской игры на баяне. Правда, звуки её были уже не столь громкими, как ранее. Поднявшись в казарму и подойдя к бытовой комнате, Иван остановился: Сава сидел на своём излюбленном месте с закрытыми глазами играл и улыбался. Всё было почти так же, как и прежде, за исключением лишь того, что тональность звучания его баяна была значительно снижена, и в углу рта отсутствовал сигаретный бычок.

Вовка Савин! Привет! Ну как ты? громко прокричал Грачёв.

Услышав окрик, Савин прекратил игру на музыкальном инструменте и открыл глаза. Поднявшись с места, положил баян на стул и, выйдя навстречу Грачёву, произнёс:

 Я же говорил вам — двадцать девять! Списали, подчистую! А вы не верили, сообщил он. Собрав вещи, в тот же день бывший курсант Савин уехал домой.

Из приёмника Иван написал по одному письму матери и Марье. Рассказал, как доехал, как устроился. Кратко сообщил первые впечатления о начавшейся военной службе. Когда сдал вступительные экзамены и был зачислен в училище, телеграммой сообщил в оба адреса: «Экзамены сдал, зачислен курсантом, Ваня». Так и повелось с тех пор — писать письма в два адреса стало для него нормой!

В процессе прохождения курса молодого бойца, несмотря на то, что времени для писем почти не было, Марье он начал отправлять по два, а то и по три письма в неделю. От неё получал ответы на все письма. Порою Марья писала ему каждый день, иногда отправляла даже по два письма в день, утром и вечером.

«Милый, здравствуй! - начиналось каждое её письмо. – Люблю тебя очень, очень, даже сильнее чем раньше».

Весёлые ребята

После списания по состоянию здоровья курсанта Савина и ухода его из 11-й роты кое-кому подумалось, что дальше жизнь пойдёт, как по маслу.

 Фу-у-у, — выдохнули с облегчением командир 11-й роты майор Новиков Н.Ф. и командир 2-го взвода лейтенант Кондратов А.Г.

Возможно, что нечто подобное ощутил в себе и ещё кто-то, как в роте, так и в батальоне. Поскольку отважиться на подобные выкрутасы в их рядах, как им казалось, уже никто не решится.

Тем не менее, нечто подобное стало случаться в братском третьем взводе, где командиром являлся лейтенант Батаков Валерий, а его заместителем был очень требовательный к себе и своим подчинённым сержант Иван Пивоваров.

Первыми предвестниками грядущих изменений и потрясений в третьем взводе являлись два баламута, два закадычных дружка и спорщика между собой – Мишка Бига и Сашка Чепурнов. Оба невысокие, оба коренастые, оба с гонором. Чепурнов ростом был немного пониже Биги, но горло у него было лужёное, а рык и рёв, как у дикого медведя в сибирской тайге.

В АВАТУ с незапамятных времён между курсантами ходила байка, в которой этапы учёбы в училище они характеризовали так:

- Первый курс «Без вины виноватые!»
- Второй курс «Весёлые ребята!»

— Третий курс — «Богатые женихи!» По приезду в училище после летнего отпуска «Без вины виноватые» (бывшие первокурсники) приняли из рук своих старшекурсников очередную эстафетную палочку и тут же почувствовали качество перемен в самих себе.

В конце сентября, когда на улице стало уже холодно, особенно по ночам, заспорили между собой Миша с Сашей. Чепурнов утверждал, что в такую погоду под душем, на улице, более пяти минут простоять невозможно.

– Десять минут простою, спорим на червонец! - заявил другу Бига.

Месячная получка рядового солдата срочной службы была тогда 3 рубля, рядового курсанта – 11 рублей.

Спор есть спор: ударили по рукам, нашли разбивальщика-секунданта и пошли на улицу, в летний самодельный душ, находившийся рядом с казармой батальона. Бига, раздевшись догола, внимательно наблюдал за процедурой подготовки объекта спора: проверкой наличия достаточного объёма воды в водонакопительных ёмкостях летнего курсантского душа и открытием водонапорного крана. Когда вода пошла полной струёй из лейки крана, секундант подал команду Биге — встать под холодную воду с одновременным включением секундомера и началом отсчёта: десять секунд, двадцать, тридцать, две, три, пять минут.

Мишка, встав под холодный душ, вначале почувствовал себя ошпаренным, как лёд холодной водой. Спустя некоторое время, он начал делать резкие дыхательные упражнения: резкие выдохи задерживаемого воздуха - «Ха, ха, ха!». Наблюдавшим за ним болельщикам показалось, что он хочет прекратить спор и выйти из-под холодной струи воды. Но через некоторое время Мишка сжался, плотно стиснул скулы, мужественно замер и закрыл глаза. При этом губы его начали синеть, как у покойника. Несмотря на состояние друга, Чепурнов смеялся и издевался над ним:

Миша, да брось ты, я тебя прощаю, выходи, простынешь и заболеешь!..

-- Уйди прочь, подлюга! - проговорил Бига, открыв левый глаз и выпучив его, как циклоп, на ненавистника.

Семь минут, восемь, девять, девять с половиной, - продолжал отсчитывать время секундант, - десять!

Мужественно простояв под холодным душем выспоренные десять минут, Мишка почти выпал из струи, леленящей всё живое. Болельшики и секундант буквально перенесли его (как казалось, бесчувственного) в сторону и, посадив на лавку, начали растирать большим полотенцем спину, грудь, ноги и руки.

Вначале пальцы рук у Мишки были скрючены и не разгибались. Он весь трясся, зуб на зуб не попадал. Но как только начал понемногу отходить и приходить в себя, он тут же протянул к Чепурнову трясущуюся руку: «Де-деньги-и да-да-вай-й, сво-ло-о-чь!»

Чепурнов достал из кармана десятку и вложил её в трясущуюся руку друга, после этого добавил: «Ну, ты и дурак! За червонец готов жизни лишиться».

Шло время, чудачества весёлых ребят продолжались.

В один из дней, буквально перед встречей Нового, 1971 года, друзья ре-

POCCHINA POCCHINA

шили вновь повеселить товарищей. После обеда, когда вся рота готовилась идти на самоподготовку к следующему учебному дню, Бига во все услышание объявил всей роте: «Мужики, Чепурнов сегодня вечером побежит по Ачинскому «центрштрассе» — в кальсонах до кинотеатра «Октябрь», делает там «круг почёта», после чего возвращается обратно».

У-у-у, — загудели любители подобных шоу и сенсаций.

Вечером, после самоподготовки и ужина, когда вся рота вновь собралась в казарме, обещанное начало осуществляться. Чепурнов, сняв с себя обмундирование, разделся до кальсон, надел на ноги яловые сапоги и, набросив на широкие плечи курсантскую шинелешку да зимнюю шапку-ушанку, направился в сторону выхода из казармы, на улицу.

Мишка Бига и остальные толпой двинулись за ними по прямой — от казармы, через стадион. Дойдя до училищного ограждения, Сашка вызывающе сбросил с себя шинель и шапку, без проблем перемахнул через ограду и, очутившись на городской территории, сразу же, не торопясь, побежал по одной из центральной улиц города Ачинска, хорошо освещённой и людной в это вечернее время.

Оставшиеся на училищной территории «подельники» Чепурнова, затаив дыхание, внимательно следили как за ним самим, так и за обстановкой вокруг проводимого ими «мероприятия».

Тем временем, с каждым мгновением, Чепурнов удалялся от товарищей всё дальше и дальше. Некоторые встречавшиеся ему люди останавливались и с изумлением смотрели на невесть откуда взявшегося «спортсмена» в странной спортивной одежде. Так и не поняв ничего, шли своей дорогой дальше. Некоторые вообще не обращали на него внимания, видимо, воспринимали его внешний вид как спортивный костюм какого-то особого вида.

Добежав до кинотеатра, Чепурнов, как ему и полагалось, сделал круг почёта на площади перед ним, после чего побежал в обратную сторону.

Метров за двести до финиша навстречу ему попалась группа молодых девчат. Сашка поприветствовал их, не останавливаясь, помахал рукой. Девчата остановились и дружно, хором, начали скандировать ему: «Быстрей, быстрей!». Чепурнов увеличил скорость бега, девчата засмеялись и вдогон захлопали ему в ладоши.

Как ни оглядывалось по сторонам Сашкино охранение, всё же не заметило, как подошёл с тыла капитан Шавердашвили. Никому ничего не сказав, он остановился возле толпы курсантов и молча начал смотреть туда же, куда смотрели и они.

— А это что за марсианин движется в нашу сторону? Ба-а, да это же, никак, курсант Чепурнов? Точно, он! — проговорил капитан, когда военному спортсмену оставалось до финишной черты всего лишь несколько метров.

— Здравия желаю, товарищ капитан! — учащённо дыша, произнёс Чепурнов, ловко перемахнувший через высокую ограду и неожиданно увидевший среди встречавших и командира 4-го взвода своей роты.

— Здравствуй, здравствуй! — произнёс Шавердашвили, обходя вокруг Сашки и с удивлением разглядывая его с ног до головы. — А что на эти твои выходки скажет сегодня или завтра

гражданская часть населения города?

— А им нравится, в ладоши хлопали, — отдышавшись немного, ответил Чепурнов. — Я недавно прочитал книгу об атамане Платове, герое войны с Наполеоном, так у него один офицер, по спору, голым разъезжал на коне перед праздно гулявшим населением города, в том числе и перед дамами. И вы думаете, они были оскорблены выходкой? Ничего подобного, в ладоши хлопали и чепчики в воздух подбрасывали.

— Да, им понравилось?! Так ты что, завтра голым здесь побежишь? — удивлённо и вполне серьёзно спросил старый капитан курсанта-весельчака.

— Не-е-ет, у меня дело до этого не дойдёт — духа не хватит, да и майор Новиков сильно разгневается! — смеясь, ответил Сашка.

— Ну, тогда ладно! А то сбегал бы — повеселил нашу публику! Заодно проверил бы реакцию современников на свой внешний вид и облик. Современниц, прежде всего! — явно шутя, сообщил собеседнику своё мнение капитан Шавердашвили и покачивающейся походкой пошёл в сторону 2-го КПП.

Вслед за капитаном двинулась в сторону казармы и толпа курсантов, громко обсуждавшая детали экспериментального пробега товарища по городской улице.

В 1971 году в Советской Армии были введены в штаты рот освобождённые солдатско-курсантские должности секретарей комсомольских организаций рот (категории сержант-старший сержант).

В 11-й роте это событие не осталось незамеченным, комсомольские активисты «зашевелились», и на очередном комсомольском собрании вначале началось выдвижение кандидатур, затем и выборы штатного секретаря.

В итоге, с большим отрывом голосов, победил сержант Иван Пивоваров, заместитель командира 3-го взвода (замок, как говорили курсанты). Он сразу попросил комсомольскую организацию и командование роты освободить его от исполнения должности заместителя командира взвода, поскольку, по его мнению, одновременное исполнение двух, столь ответственных и трудоёмких должностей, ему не по силам.

Не по силам, так не по силам — от замкомвзводства сержанта Пивоварова освободили.

А поскольку сержант Пивоваров был на виду и считался одним из лучших замков 11-й роты, то почти сразу

Курсант Иванов Вячеслав

же его ввели в состав батальонного и училищного комитетов комсомола. В связи с чем сержант Пивоваров начал посещать и участвовать в работе и мероприятиях не только общеучилищной комсомольской организации, но и в общегородских комсомольских форумах. По завершении которых, как правило, комсомольский актив позволял некоторые послабления в виде фуршетов и прочего с употреблением горячительных напитков, после которых секретарь комсомольской организации 11-й роты начал заявляться в родную свою роту, как правило, «под шафе». Если не сказать, изрядно пьяным.

Когда сержанта Пивоварова освободили от исполнения им должности заместителя командира 3-го взвода, его подчинённые, закадычные дружки Саша Чепурнов и Миша Бига, радостно поздравили друг друга.

Ну, теперь пороть нас некому. Ура!
заявил во всеуслышание Чепурнов.

— заявил во всеуслышание чепурнов. И действительно, в скором времени сержант Пивоваров изменился на глазах. Из принципиального и требовательного к подчинённым и к себе сержант превратился в главного ротного разгильдяя: начал бегать в самоволки и употреблять спиртное не только во время комсомольских форумов, но и в обычные дни.

Курсант Киселёв Владимир

В очередную субботу, взяв у своего командира взвода увольнительную записку до вечера, отсутствовал в казарме не только всю ночь, но и весь следующий воскресный день, до нового вечера.

В воскресенье командир 11-й роты майор Новиков весь день пробыл в роте, ожидая прибытия сержанта Пивоварова. Не дождавшись, вечером вызвал в роту всех командиров взводов. Собрав их в своей канцелярии, долго распекал и промывал им головы.

После совещания командир 3-го взвода лейтенант Батаков вышел из ротной канцелярии красный, как из парилки в жаркой бане. Торопливо вдевая руки в шинель, крикнул новому заместителю: «Малышев — одевайся, со мной пойдёшь!»

ся, со мнои поидешы»
Сержант Сергей Малышев, новый заместитель командира 3-го взвода, атлетически развитый и крупный курсант, поступивший на учёбу в АВАТУ не из армейской молодёжи, а из школьников, не в пример своему командиру, быстро исполнил приказание, и пока тот возился с шинелью, предстал перед ним в пол-

ном зимнем обмундировании.

Менее чем за два часа посланцы командира 11-й роты не только нашли в готовящемся ко сну городе Ачинске загулявшего и непутёвого курсанта, но и привели его по месту «прописки».

Ванька-Пиф, как звали его теперь в роте все курсанты, следуя в плотном оцеплении своих сопровождающих, был изрядно помят, но голову нёс гордо. Словно пойманный белыми врагами красный партизан, ведомый ими — на расстрел.

Не дав нарушителю ротного спокойствия даже передохнуть после дальней и изнурительной дороги, Батачок сразу же повёл его в ротную канцелярию, где мучавшийся с самого утра сомнениями и всевозможными думами ротный командир майор Новиков Н.Ф. наконец-то дождался его появления перед очами.

Серёга Малышев, на этот раз не спеша, снял с себя шинель и повесил её на место на взводной вешалке.

Как всегда в таких случаях, любопытные курсанты обступили его и начали расспрашивать, где и как нашли поисковики Пивоварова.

— Где, где? — сердито передразнил их Серёга, — у бабы, из постели — чуть тёпленького вытащили.

Услышав сказанное сержантом Малышевым, Сашка Чепурнов, засунув руки в карманы чуть ли не до локтей, выпятив вперёд грудь, павлиньей походкой пошёл по центральному проходу казармы и во всю лужёную глотку, заорал: «Где-где, у — бабы! Ну и Ванька, ну и Пиф, ну и даёт! Ха-ха-ха, ха-ха-ха».

Глядя на всё происходящее в соседнем кубрике, Грачёву вспомнилось, как чуть ли не до драки довёл Чепурнов своим идиотским смехом курсанта 2-го взвода «муромца» - Вовку Киселёва, когда тот прибыл несвоевременно в училище после летнего отпуска вместе с земляком Славкой Ивановым. Командование роты и батальона начало тогда уже беспокоиться по поводу неприбытия из отпуска курсантов: родителям и в военкомат телеграммы отправили. Получили ответные, с сообщением, что курсанты Киселёв и Иванов убыли из отпуска своевременно.

Когда накал страстей по поиску отсутствующих в роте курсантов достиг своего апогея, они сами заявились в роту. Вид их был угнетающим: лысые, оборванные, в очень грязных рубашках и очень грязных парадных мундирах. Вовка Киселёв и так - сам по себе, был худым человеком, а тут на него и вообще смотреть было невыносимо без содрогания: лицо осунулось, лысый, страшный, уши торчат лопухами в разные стороны, парадная форма грязная и замусоленная. Последнее для Киселёва вообще было не характерно, он всегда выделялся среди других курсантов взвода своей опрятностью, даже какой-то щеголеватостью. А тут, боже мой, мама мия!

Курсант Грачёв в тот день был в наряде, стоял на тумбочке — дневальным. Все были на занятиях, рота была пуста.

Муромцы поднялись в свою роту потихоньку, дико озираясь по сторонам, как курицы, попавшие в чужой курятник. Вначале Иван не узнал их и хотел спросить: кто такие и какова цель прибытия их в 11-ю роту?

 Ну что, старик, не признал да? – угрюмо улыбнувшись, произнёс Вовка.

Курсант Первушкин Юрий

Он был самый старый во 2-м взводе курсант, на учёбу поступил по верхней возрастной границе, поэтому сам себя называл дедом. Так же начали называть его и все курсанты их учебного классного отделения.

Грачёв до поступления на учёбу в АВАТУ параллельно с учёбой в школе рабочей молодёжи отработал на производстве на протяжении двух с половиной лет. Вовка Киселёв считался с этим фактом в биографии Ивана, поэтому называл Грачёва стариком.

- Дед это ты, что ли? справившись со своими чувствами, произнёс Грачёв.
- Я, я старик! угрюмо подтвердил Вовка.
- Что с вами случилось и куда вы пропали?

Вовка подошёл к нему, поставил на пол чемодан, обнял его и, не выпуская из своих объятий, грустно произнёс: «Ой, страшно вспомнить, временами думалось, что не увижусь больше с вами»

— Так, всё же, что произошло с вами? — вновь спросил Иван, когда Вовка выпустил его из своих объятий. Вовка, не торопясь, снял фуражку, протёр её внутренность какой-то грязной тряпкой, затем этой же тряпкой вытер вспотевший лоб и голову. После этого, вновь подняв глаза на собеселника, произнёс:

— Уехали мы со Славкой из Мурома в срок. Чуть выпивши. Славка взял с собой бутылку вина, которую выпил в дороге один, я категорически отказался пить с ним. Приехали в Москву, он вышел из вагона первым. Ну, Славу ты знаешь: тужурка расстёгнута, без фуражки, глаза блестят, на роже — идиотская улыбка. Не сделал он и одного шага, как был замечен военным патрулём.

— Товарищ курсант, приведите себя в порядок! — сурово крикнул ему начальник патруля. Слава, естественно, на замечания в свой адрес даже и не прореагировал. За что тут же и был схвачен патрульными солдатами. Когда я вышел из вагона ему уже закручивали назад руки, — продолжал Вовка. — Ну я, естественно, бросился выручать друга, начал уговаривать начальника патруля, сообщил ему, что мы возвращаемся из отпуска в училище.

Да они ещё и пьяные?! – недо-

вольно произнёс он. – Взять и этого!

Через два часа мы были доставлены в Центральную московскую гауптвахту с названием Алёшинские казармы, Лаврентий Павлович Берия сидел там в пятой камере перед расстрелом.

В общем, объявил там нам начальник по 10 суток ареста, потом добавил ещё по 5 суток. Не единожды в парадной форме по-пластунски на брюхе ползал я там по центральному коридору гауптвахты. Думал, что свидеться с вами уже не суждено, поскольку порой мерещилось, что подохну там! Особо тяжело было, когда заступала в наряд рота почётного караула (РПК). Я никогда не думал, что служат в ней не люди, а звери: зеками называли всех тамошних сидельцев и за людей никого не считали. Представь, помыл я пол в коридоре гауптвахты, несу шайку с грязными помоями в туалет выливать, а выводной подаёт мне команду: «Вспышка слева!». Это значит, что слева от меня произошёл ядерный взрыв, и я немедленно должен упасть на пол. В противоположную от «взрыва» сторону. То есть, вначале я бросаю на пол шайку со всем её содержимым, после этого сам падаю во всю эту муть.

Убедившись, что я качественно выполнил полученную команду, выводной кричит: «Вспышка справа!». По этой команде я вскакиваю со своего места и падаю так же, навзничь, в другую сторону. Не люди, а звери, каких видеть мне ещё не приходилось.

 А если не подчиняться им? — спросил Грачёв.

— Тогда, наверное, они убили бы меня там, меня же и обвинили бы в этом! — завершил свой рассказ Вовка и, безнадёжно махнув рукой, поднял с пола отпускной чемоданчик и устало пошёл в кубрик, к долгожданной своей кровати.

Прославившись в 11-й роте этой арестантской историей, Вовка Киселёв сообщил кому-то, что влюбился в девочку по имени Ира из Ачинского медицинского училища. Желая жениться на ней, Вовка предложил избраннице поехать с ним в летний отпуск в Муром для знакомства с родителями. При этом мечтательно произнёс: «Иду я по Мурому — сам, парень — ничего! И — Ира, красавица!»

Ира не приняла Вовкино предложение и в муромский отпуск с ним не поехала. После этого отношения между ней и Вовкой Киселёвым как-то не стали складываться. И вот, каким-то образом, эта история стала известна Сашке Чепурнову и воодушевила его. Как-то гуляя по центральному проходу казармы, он выдавил из себя, как бы ни к кому не обращаясь: «Мужики, да что тут Муром! Иду я как-то по Ачинску, возле кинотеатра «Сибирь», навстречу мне Ирка выплывает! Пачинька — не идёт, а пишет!»

Вовка от услышанного подскочил со своего места чуть ли не выше второго яруса казарменных кроватей, схватил табуретку и, высоко подняв её над головой, выскочил в центральный проход казармы. Бросился на своего обидчика в драку, намереваясь разбить об его голову стул.

Но Чепурнов, умело маневрируя, не позволял ударить себя пролетавшим над ним стулом.

Неизвестно, чем бы закончилась очередная казарменная шутка, не схвати в объятия Вовку сержант Первушкин, его замок.

 Убью, сволота! Если ещё хоть раз коснёшься меня своим поганым языком! — яростно кричал Вовка, пока не успокоился.

Чепурнов же не то что бы испугался тогда Киселёва, но больше не позволял себе шутить так со своим психованным сокурсником.

И вот имевшее уже место давнее казарменное «представление» начало свершаться вновь: Сашка, войдя в раж, начал громогласно восторгаться «любимым» своим ротным комсоргом, сержантом Пивоваровым: «Ой, да Ванька, ой, да пиф-паф?! Ха-ха-ха...».

Остановившись недалеко от входной двери в ротную канцелярию, он с нетерпением начал ожидать выхода оттуда сержанта Пивоварова. Как кот способен ожидать бесконечно большое время появления из норки желаемой мышки, так и Чепурнов способен был ожидать сколько угодно своего вновь обретённого друга у врат его заточения. И как только красный как рак сержант Пивоваров наконец-то выпал из ротной канцелярии, Чепурнов буквально подхватил его на руки и понёс в кубрик, на кровать, приговаривая: «Ванюша, ну что там с тобой произошло, поведай нам пустоголовым?!».

Пивоваров, обескураженный таким уважительным обхождением со своей персоной со стороны товарищей, поудобнее уселся на кровать и, тряся головой, с недовольством произнёс:

— Что-что? Десять суток Телега от имени комбата объявил! Приговор велено исполнить немедленно!

Богатые женихи

Приближался Новый 1972 год. По

Курсант Акимов Алексанар

традиции с незапамятных времён, неофициально, выпускники устраивали его с большой помпой. Им выделялось под это мероприятие приличное помещение старого спортивного зала. Месяца за два до наступления Нового года во всех ротах выпускного учебного батальона формировались курсантские спецкоманды всевозможных специалистов широкого профиля, в которые входили и простые рабочие-умельцы, и музыканты, и художники, и электрики, и радисты, которые из подручного строительно-аэродромного хлама начинали делать своими руками произведения искусства, представлявшие собой сборные конструкции бутафорных сооружений, музыкальной и прочей свето- и шумотехники.

Команды эти по максимуму освобождались от внутрибатальонных на-

рядов. Зачастую, по возможности, и от плановых учебных занятий. Командование выпускного батальона и училища знало об этом и закрывало на это глаза, поскольку мероприятие это было давней традицией, и все ждали и использовали его не только для торжества курсантов выпускного курса, но и всего общеучилищного населения.

В 11-й роте руководство всеми делами взвалили на себя два ротных дедка и умельца: Александр Стеклов (по прозвищу Батя) и Виктор Корнилов (по прозвищу Корнилыч) из первого взвода.

Иван Грачёв занимался в ротной бригаде по части строительно-плотницких дел: отпиливал, стругал всевозможные рейки и крепил их, куда требовалось.

По «генеральному» плану планировалось соорудить музыкальную сцену в виде большой и открытой пасти крокодила, завесить панно с рисунками новогодних сказочных персонажей все стены физкультурного зала и вмонтировать во всю сооружаемую бутафорию всевозможную свето- и шумотехнику.

В роли главного художника-оформителя и бутафора выступал курсант 11-й роты Генка Косоротов (по прозвищу Кашек), которому помогали все остальные.

Грачёв пригласил в Ачинск на новогодние торжества Марью Тишину, свою подругу и невесту, которая приняла его предложение и пообещала приехать в Ачинск дня за два до встречи Нового года. О чём Иван предупредил и своего командира взвода лейтенанта Кондратова А.Г., который не выразил особого восторга по поводу приезда Марьи к Ивану, но пообещал, что препятствовать этому не будет. Сказал, что поспособствует Ивану по найму съёмной комнаты для Марьи у его знакомой, одинокой бабульки, живущей в училищном ДОСе.

– Если будешь вести себя хорошо, то на два-три дня отпущу тебя в новогоднее увольнение, думаю, что ротный по этому поводу возражать не будет, — шутливо сообщил Ивану взводный командир.

Последние дни перед Новым годом казались Ивану очень долгими, и это несмотря на то, что всё это время он был очень занят: минуты тянулись как часы, часы как дни, дни как недели. Тем не менее, долгожданный день прибытия к нему невесты настал. Иван напомнил об этом своему взводному, тот, выписав ему увольнительную записку на сутки (до следующего утра), отвёл его на съёмную квартиру. За два часа до прибытия поезда Иван отправился на городской железнодорожный вокзал. Поезд пришёл вовремя. Марья вышла из вагона вся раскрасневшаяся, выглядела, как показалось Ивану, ещё лучше, чем во время их прощания при его отъезде из летнего отпуска. Она привезла с собой два огромных чемодана и ещё какие-то сумки и сумочки. Как только она сошла на перрон, Иван обнял её и несколько раз поцеловал: в губы, щёки, нос. Так обычно отмечал он свою встречу с ней. А когда выносил из вагона всё привезённое ею, удивлялся: «Ты что, привезла с собой весь свой гардероб?»

— Да нет, всего шесть мест, впервые так далеко уезжала из дома, вот и набралось! К тому же мама наложила ещё всякой всячины, на все жизненные случаи, — звонко рассмеявшись ответила она. — Да и твоя мать добавила,

на вокзал на такси везли всё с папой.

 Фу-у-у, — шутя, выдохнул из себя Иван застоявшийся воздух и вытер кулаком выступивший на лбу пот, когда закончил выносить из вагона всё привезённое подругой. - Ну что, придётся и здесь такси нанимать! Пока же перенесём все вещи на край перрона, а потом я пойду на Привокзальную площадь такси ловить. А ты пока здесь постоишь. С сегодняшнего дня и на всю оставшуюся жизнь у нас так и будет! Согласна?

Согласна! – серьёзно ответила Марья, сердито махнув рукой, как бы сказав своему избраннику: «Чего стоишь, иди, лови такси!»

Когда все привезённые ею вещи были сложены в такси, и они сели в салон машины, она взяла его под руку и, положив голову на плечо, тихо прошептала на ухо: «Ванечка, я так соскучилась по тебе, что словами это передать даже невозможно».

- Я тоже, - ответил ей Иван и, замолчав, почувствовал, как сильно Марья обхватила его руками и прижалась к нему. - А вот, кстати, и училище наше. От вокзала совсем близко, тем более, на машине. Прямо по пути нашего следования - КПП № 1, сюда три года тому назад я и пришёл. Слева от него, по ту сторону ограды – ДОС. Куда мы и путь держим, повернём влево по дороге и въедем туда через второе КПП, так удобнее.

По ДОСу и близлежащей училищной территории гулять беспрепятственно можешь и одна, такое разрешается. Но в город не выходи, обратно без специального пропуска и без меня одну тебя не впустят! Поняла? - заодно и проинструктировав, сообщил ей Иван.

 Поняла, в армию приехала, — смеясь, ответила она.

Слева, от второго КПП, наш стадион, прямо за ним – вон те два больших двухэтажных кирпичных здания, это курсантские казармы второго и третьего учебных батальонов. Дальняя - моя. Правее, за стадионом и курсантскими казармами, училищный учебный аэродром. На служебную территорию ходить тебе запрещается, тем более - одной! Поняла? - добавил он к ранее сказанному.

 Поняла! Всё так строго! А что, на губу меня посадят, да? Если невзначай

я забреду не туда?

- На губу, может, тебя и не посадят, а головомойку мне устроят приличную, строго ответил ей Иван.

- Вот и приехали по указанному адресу! Может, прямо на второй этаж доставить молодую чету? - оглянувшись, шутливо спросил у пассажиров таксист.

 Нет, не нужно! Дальше я сам, – ответил ему Иван и, рассчитавшись, быстро вышел из такси, открыл дверь и галантно подал Марье руку:

Вашу ручку, сударыня!

Марья неторопливо вышла на улицу. - Это ваш новый дом, а это ваша новая квартира, - сообщил он ей, показав рукой на окна квартиры на вто-

ром этаже, где светились ёлочные огни. Выйдя из машины и улыбаясь, она посмотрела по сторонам.

- Мне здесь нравится, - сообщила она первое впечатление от увиденного вокруг себя.

Прежде чем привести свою подругу к месту всеучилищного торжества, Иван провёл её по праздничному ледяному городку с огромным ледяным Дедом Морозом, Снегурочкой и прочими сказочными персонажами, затем -

вдоль портретной аллеи современных военачальников, нарисованных на холстах курсантом Геннадием Косоротовым.

- Неужели всё это сделали вы сами, курсанты? – удивлялась она.

- Сами! - твёрдо и однозначно ответил ей он.

- Мне здесь у вас очень нравится! Сама бы с удовольствием пошла учиться в ваше училище, - искренне сообщила она ему своё впечатление от увиденного.

- Увы, девчонок на учёбу не принимают!

- Очень жаль! Но такова уж моя женская участь.

К старому училищному спортивному залу, месту новогоднего торжества, они пришли, когда новогодний балмаскарад уже начался, и из постоянно открывающихся и закрывающихся дверей слышалась музыка электрогитар и других музыкальных инструментов. У самого входа в спортзал невесть откуда нарисовался перед Иваном явно подвыпивший капитан Шавер-

Курсант Грачоф, это ты, что ли? заплетающимся языком проговорил Швили.

- Я, товарищ капитан! - ответил

— А с тобой кто?

- Снегурочка, товарищ капитан, невеста моя, Маша!

– Да щто ты говоришь? – с удивлением произнёс капитан и, подойдя к ним семенящей походкой, смерил каждого взглядом. Затем, обойдя вокруг них, вновь остановился напротив Марьи.

- Красавица! Снежная королева, нэт, Снэ-гу-ро-чка! – сообщил он своё резюме. - И гдэ такие вырастают?

- На родине у меня, в Кузбассе, товарищ капитан, - ответил ему, смеясь, Иван. Марья, тоже засмеявшись, прикрыла рот варежкой.

- Да? Нэ знал, съездыл бы. А то мнэ всё какие-то рыжие да злые попадаются. Грачоф, а ты нэ знаещь, Тэлэга, здэсь?

- Не знаю, товарищ капитан, но, думаю, майор Новиков здесь!

– Да-а, ну тогда я нэ пойду. Еслы Мэльника увидыщь, скажи ему, пуст зайдот к капытану Шавердашвили.

- Хорошо, товарищ капитан, передам, если увижу.

Ну всо, идытэ! Я тожже пощёл, сообщил он своё решение и, развернувшись кое-как на месте, покачивающейся и пьяной походкой пошёл в противоположную сторону от музыки и новогоднего балла.

- Хороший человек, но, видать, спившийся. Мне жалко его! – грустно произнесла Марья.

- Тебе всех жалко, впрочем, этого человека мне тоже жаль, - ответил ей с некоторым раздражением Иван и, взяв её под руку, подвёл по ступенькам к входной двери. Открыв её, артистически произнёс: - Сударыня, вы хотели попасть в сказку? Вы к ней пришли, прошу вас! - сообщил он ей и, поклонившись, как галантный кавалер, показал рукой направление её движения впереди себя.

О, старик, вы где так долго ходите? Мы тут уже все каблуки истоптали! увидев Грачёва, закричал ему на весь вестибюль Вовка Киселёв. - Разрешите, я за вашей дамой поухаживаю?

- Нет, нет! Я сам! - шутя, возразил ему Ванька. - А то ведь вы - безлошадные, после этого на танцы потянете её. И так затанцуете, что я её здесь и

- Понял, понял, - подняв вверх руки, смеясь, сообщил ему Вовка и бочком отошёл от Марьи в сторону. Раздевшись и приведя себя в порядок, они прошли в большой концертный зал, в центре которого стояла огромная новогодняя ёлка, переливавшаяся ёлочными игрушками и разноцветными огнями. Все стены зала были оклеены огромными сказочными картинами. На левой стене три русских богатыря, подойдя к избушке Бабы Яги, не подпускали к себе лешего и его друга Змея-Горыныча, за которыми, на горизонте, виднелись братья 12 месяцев.

В правой стороне зала со стены сполз огромный крокодил с широко раскрытой пастью и торчащими сверху и снизу большими и острыми зубами. В пасти крокодила, между рядами его зубов, стояли музыканты 11-й роты Серёга Игумнов и Генка Рехтин.

Генка пел знакомую и любимую всеми песню: «Вальс устарел, говорит кое-кто смеясь! Вальс устарел, это молодость века...». Серёга Игумнов по-

дыгрывал Рехтину на гитаре. К потолку зала, недалеко от праздничной ёлки, был подвешен большой вращающийся шар, оклеенный маленькими зеркалами, от которых по всему залу постоянно летали всевозможные солнечные зайчики.

Напротив вращающегося шара, с другой стороны ёлки, к потолку был подвешен какой-то сундук.

Почти вся курсантская молодёжь танцевала. Вдоль стен, улыбаясь, стояло старшее поколение. Иван мельком пробежал по нему быстрым взглядом и увидел одиноко стоявшего комбата, полковника Дьяченко В.И. Недалеко от которого, под ручку, стоял со своей женой ротный командир майор Новиков Н.Ф. Он очень внимательно рассматривал проплывавшие пары, узнавая своих курсантов, ласковым взглядом провожая каждого из них.

«Ну вот, дети мои, это последний наш совместный новогодний бал. Совсем, совсем скоро улетите вы все от меня в разные стороны, как молодые журавлики. А я, старая и скрипучая ваша телега, останусь здесь, навсегда!» - наверное, думалось старому майору, выпустившему из своих рук в жизнь много сотен, а то и тысяч молодых орлят, которые понесли по своим жизням тёплые воспоминания о нём и своём последнем новогоднем бале.

 О-о, вальс! Любимый наш с тобой танец! Прошу вашу ручку, сударыня, переведя взгляд на Марью, почти прокричал ей Иван. Марья, продолжавшая улыбаться всему, что её окружало, согласно кивнула головой и они, как и остальные танцующие, тоже поплыли перед глазами внимательно посмотревшего на них майора Новикова.

- Ну как тебе здесь, у нас, не жалеешь, что приехала? - прокричал он ей в общем шуме.

Ну что ты, очень-очень хорошо, я ничего лучшего в своей жизни не видела, спасибо тебе за то, что ты пригласил меня и организовал для меня такой новогодний праздник и подарок! - ответила она, а когда танец закончился, прижалась к нему и поцеловала в щёку.

- Ну что ты, смотрят все, вроде, както неприлично.

- Да ладно уж, чего тут неприличного? - несколько дерзковато ответила она ему. – О-о, скоро Новый 1972 год, осталось меньше одной минуты, - радостно проговорила Марья, когда начали раздаваться одиночные хлопки в ладоши то в одном, то в другом месте праздничного зала. После чего всевозможные движения в зале прекратились, в ладоши захлопали все и закричали в один голос: «Дед Мо-ро-оз, Дед Мо-ро-оз!».

Ровно в 12 часов, как только сошлись вместе стрелки висящих на стене больших часов, раздался оглушительный и сильный взрыв под потолком зала, в районе новогодней ёлки. Слабонервные женщины, присутствовавшие в зале, от испуга завизжали, некоторые из них от охватившего их панического страха упали на пол. Самые смелые подняли свои взоры к потолку и внимательно высматривали там то, что только что взорвалось. В это время сундук, висевший под потолком, открылся, и из него выпал огромный красный петух, сильно захлопавший крыльями при подлёте к полу танцевального зала.

Когда же этот новогодний сувенир и красавец благополучно приземлился, то вначале заклекотал, постукивая по полу своим клювом, словно подзывая к себе курочек, затем разразился оглушительным и непрерывным кукареканьем (видимо, от длительного и прилично поднадоевшего ему бездеятельного сидения в сундуке). Стоявшие вокруг петуха люди весело засмеялись и захлопали в ладоши.

Сашка Чепурнов, случайно оказавшийся ближе всех к петуху, попытался поймать крикуна и плашмя прыгнул на него сверху. Но не тут-то было: петух ловко выпрыгнул из его объятий и, квохча, бочком пошёл в сторону ёлки. После этого в танцевальном зале началось столпотворение: многие; и не только курсанты, начали гоняться за невольным крикуном. В конце концов, когда петух выбился из сил, его всё же поймали и начали передавать из рук в руки по всему залу.

Праздничный новогодний балл продолжался почти до самого утра, а когда всё же закончился, то все присутствовавшие на нём без суеты потянулись к раздевалке, одевшись, расходились кто куда.

У Ивана увольнительная записка была выписана до следующего вечера, торопиться было некуда.

– Маша, хочешь, я покажу тебе остальную часть нашего училища? спросил он у неё, как только они вышли на улицу.

- С удо-воль-ст-вием! - ответила она с выражением и по слогам.

Решено! – ответил он и, подхватив её под руку, повёл в противоположную сторону от удалявшейся от них людской толпы.

Вначале он привёл её на то место, где стоял летом, три года тому назад, приёмник, в котором он прожил когда-то более месяца. Рассказал, как был разбит палаточный лагерь, показал, где находилась его палатка и своё спальное место в ней.

Марья неподдельно удивлялась, как это они прожили здесь больше месяца под открытым небом?

Потом он повёл её в берёзовую рощу летнего курсантского парка, где они долго бегали друг за дружкой в догоняшки по глубокому снегу. Марья, запинаясь, то за бордюры дорожек, то за какие-то невидимые под снегом коряги, падала навзничь в

глубокий снег. Он догонял её и тоже падал в снег, рядом с ней. После этого они громко смеялись и, поднявшись на ноги, брели по глубокому снегу к натоптанной людьми дорожке.

После новогодних торжеств Марья уехала домой, через два месяца Иван уехал более чем на месяц на войсковую стажировку в Молдавию. Стажировка пролетела быстро. Посёлок Лиманское и военный аэродром с самолётами МиГ-21 Ивану понравились. И он, пожалуй, согласился бы приехать служить сюда.

В Ачинск вернулся, когда уже и здесь травка зеленела, а на деревьях кое-где появился цвет.

После стажировки не только Иван, но и все остальные его сокурсники почувствовали в себе какие-то гнетущие чувства: бесконечная учёба уже порядком всем поднадоела. Да и все они, после стажировки в строевом авиационном полку, чувствовали в себе силы и уверенность. Поэтому теперь им хотелось уже только одного — как можно быстрее закончить все рутинные училищные дела, которые, как всегда бывает в таких случаях, продвигались очень медленно. Кое-как дожили до государственных экзаменов, разделались и с ними.

Наступило самое тягостное время, когда и экзамены все сданы, и учёба в училище закончилась, а все сидели на прежних местах, поскольку вынуждены были ожидать, когда подведут под общую черту все учебные дела. Когда сформируют документ с названием «Проект Приказа Министра обороны СССР «О присвоении первых воинских офицерских званий лейтенант/технической службы, выпускникам Ачинского военного авиационно-технического училища 1972 года выпуска», после чего этот проект Приказа повезут в Москву на подпись Министру обороны СССР, подпишут, привезут обратно, выдадут всем выпускникам дипломы об окончании АВАТУ. И только лишь после этого, благословив, отпустят с радостью на все четыре стороны. И всё это время с незапамятных времён звалось в АВАТУ «золотым карантином», во время которого всех выпускников, для их же пользы, старались загрузить по максимуму всевозможными хозяйственными работами: кого на строительных площадках города, кого на училищных строительно-хозяйственных площадках и объектах. При этом выпускников прододжали всё так же кормить три раза в день в курсантской столовой, и вся их теперешняя жизнь подстраивалась под ставшие уже привычными и обыденными гловами: «завтрак», «обед», «ужин». При этом кое-кого из тех, кого раньше совершенно не угнетали ежедневно ставящиеся перед ними задачи хозяйственного плана, теперь стали явно не устраивать, а то и нервировать: «Как это так, меня, считай уже, лейтенанта, офицера, заставляют мусор таскать, метёлками и лопатами убирать с дороги грязь?»

По этой причине значительно снизился уровень внутренней дисциплины и порядка во всех ротах батальона. Командирам всех рангов и уровней училища такое положение дел в выпускных ротах не нравилось, они, как могли, боролись с этим стихийным бедствием.

Разгневанный всем и вся командир 3-го батальона полковник Дьяченко В.И. в один из последних дней «золо-

того карантина» решил построить на плацу и пропесочить весь свой батальон. После докладов командиров рот о количестве стоящих в строю бойцов, долго и молча ходил перед своим полутысячным батальоном, глядя себе под ноги и держа руки за спиной. При этом он, вероятно, обдумывал что-то, очень волнующее его.

Наконец, остановившись перед 11-й ротой, заругался. И хотя он не умел ругаться сквернословно и матерно, как заместитель начальника училища полковник Киселёв, тем не менее, все видели, что полковник Дьяченко очень сильно чем-то возмущён и взволнован.

 Что это такое? Что это такое, товарищ командир роты, я вас спрашиваю?

Майора Новикова в этот день на службе не было, обязанности его исполнял капитан Шавердашвили. Услышав вопросы комбата к 11-й роте и поняв, что командира роты комбат вызывает к себе, капитан Шавердашвили выскочил из строя и на полусогнутых побежал к нему. Подбежав, остановился, развернулся, как положено, на месте и, посмотрев в указываемую комбатом сторону, увидел свой родной 4-й взвод. При этом вид у капитана был угрожающий: руки сжаты в кулаки, рот плотно закрыт, губы от напряжения посинели.

— Это кур-сан-ты-ы, товарищ полковник! — выдавил из себя Швили, явно не поняв, о чём спрашивает его комбат.

 Нет, это не курсанты, это сброд! – гневно выкрикнул комбат.

Иван повернул голову и посмотрел в ту сторону, куда смотрел и указывал комбат. Это был четвёртый Швилин взвод, в строю которого почти все его бойцы стояли в парадной офицерской форме.

— Почему ваши подчинённые в такой военной форме? — на повышенной тональности спросил капитана полковник. — Почему в казармах невозможно в туалеты войти? Что, господами-офицерами почувствовали себя, белые ручки свои не хочется марать о своё же дерьмо? Денщиков выделить вам нужно? Да я комбатом, подполковником на тумбочке дневальным стоял и вот этими руками гальюн драил до блеска, когда учился на высших офицерских курсах командиров полков «Выстрел»!

А тут, посмотрите-ка, господа! Сегодня же нашить всем курсантские погоны поверх лейтенантских. И чтобы до выпуска не видел больше я этого безобразия! — гневно закончил комбат и вновь показал на строй четвёртого взвода 11-й роты. — А гальюны чтобы через час блестели все, сам приду и проверю! Понятно?

— Понятно, товарищ полковник, разрешите увести 11-ю роту для устранения указанных замечаний? — зычно ответил Швили.

 Ведите! — разрешил несколько успокоившийся комбат.

— Внимание, 11-я рота, слущай мою команду: На-пра-во! Щаго-м — марщ! Разь — два! Разь — два! — свирепо про-кричал капитан Шавердашвили.

...День подписания приказа Министром обороны СССР «С присвоением лейтенантских званий выпускникам АВАТУ 1972 года» командование училища и выпускного батальона старалось выпускникам не сообщать, чтобы избежать всевозможные нежелательные безобразия и торжества выпускников по этому поводу. В охрану, сопровождающую перевозимые документы в Москву,

из выпускников никого не взяли. Тем не менее, давняя традиция выпускниковачинцев об оповещении их о дне подписания Приказа состоялась: курсанту 9й роты, москвичу, пришла телеграмма с текстом: «Бабушка здорова, гостинец вернула». Это означало, что Приказ Министром обороны подписан, документы возвращены, группа и сопровождение возвращаются обратно. Эта весть моментально облетела все роты 3-го батальона, все казармы взорвались единым криком и шумом, в воздух полетели разноцветные сигнальные авиационные ракеты, огромная толпа выпускников выбежала на улицу и многоголосицей закричала: «Ур-ра-аа! Ура! Ура!..»

Так же, как и у всех однокашников, у Ивана Грачёва внутри всё ликовало, он, как и все, радовался тому, что наконец-то закончились училищные мытарства, и дня через два-три, максимум через четыре, он навсегда уедет отсюда в свой родной город, к своим родным, к своей любимой. Что начнётся его новая, пока ещё ему неизвестная, личная жизнь и служба — во славу Родины и Отечества. При виде всего происходящего вокруг сегодня ему казалось, что в жизни его свершилась первая победа, похожая на ту Великую Победу 1945 года.

Вдруг откуда ни возьмись к ликующей толпе выпускников подбежал незнакомый подполковник — дежурный по училищу, потребовавший от веселящейся толпы прекратить творимые ими безобразия, но на него никто не обращал никакого внимания. От охватившей его злобы подполковник несколько раз выстрелил из пистолета в воздух. Но и это ни на кого не подействовало, а вошло в общее ликование, как составная его часть.

25 июня 1972 года в торжественной обстановке, на плацу, состоялся выпуск из АВАТУ с вручением дипломов об окончании училища очередным пяти сотням новых военных авиационных техников разных специальностей, которые в скором времени вольются в дружную семью ИАС ВВС. И пронесут они через всю жизнь и военную службу добрую память о своём родном АВАТУ, о своих любимых командирах и преподавателях, научивших их грамотно обслуживать вверенную им сложную и дорогостоящую авиационную технику, любить свою Родину и своё ремесло.

После получения дипломов об окончании АВАТУ вновь испечённые лейтенанты пошли на первый в своей жизни офицерский банкет, проводимый в фойе курсантского клуба. Здесь, кроме выпускников АВАТУ 1972 года, командования училища, 3-го батальона, командиров всех батальонных рот и взводов, присутствовали и почти все преподаватели, которые на протяжении трёх лет учили наукам выпускников.

Открыл банкет начальник АВАТУ полковник Поздняк Павел Трофимович, который, прежде всего, поздравил выпускников со вступлением их в ряды офицерского корпуса великой и непобедимой Советской Армии и славных её ВВС. Предложил каждому присутствующему на банкете выпить первый свой бокал с шампанским, стоя, во Славу Русского Оружия!

Наполнив бокалы шампанским, все присутствовавшие на банкете стоя выпили первое своё вино по старорусскому офицерскому и гусарскому обычаю.

После начальника училища слово предоставили командиру 11-й роты май-

ору Новикову Николаю Феоктистовичу. Николай Феоктистович неторопливо, немного подумав, начал говорить:

— Дети мои, это не первый мой выпуск, но, поверьте мне, взволнован я не менее, чем тогда, когда это происходило впервые. Всякое бывало у нас с вами за эти три года, бывало, поругивал я кое-кого из вас, бывало, наказывал, но всё это делалось для того, чтобы вы стали хорошими людьми, настоящими офицерами.

Я знаю, что так оно и будет! Для многих из вас наше училище, наша рота станут трамплином в большую вашу жизнь, в большую вашу службу. Перерастёте вы меня и в должностях, и в званиях. Так и должно быть, от этого буду я несказанно рад и счастлив. Большого вам полёта, голуби мои сизогрудые! Ну а я, старая и скрипучая ваша телега, ухожу на свалку, отбегал я своё.

Сказав эти слова, майор Новиков сжал руки в рукопожатии и помахал ими во все стороны, как поп крестом, благословляя своё войско на ратные подвиги. По щекам у него текли слёзы. Кое-кто из бывших его курсантов, достав из карманов платки, начал вытирать бегущие слёзы.

Не успел ещё майор Новиков сесть на своё место, как без какого-либо объявления и предоставления слова очередному выступающему в центр зала вышел заместитель начальника училища полковник Киселёв, изрядно погонявший когда-то всех выпускников на училищном плацу во время всевозможных строевых подготовок и тренировок, с наполненным доверху бокалом вина или коньяка, который держал на уровне груди. Свободной рукой он размахивал над головой, словно кавалерист шашкой: «Товарищи офицеры, я согласен идти с вами в бой! Ур-ра-а!» — прокричал он.

— Ура! Ур-ра-а! — ответили ему сидевшие в зале. Несколько молодых лейтенантов подбежали к полковнику и, подхватив его на руки, начали подбрасывать в воздух.

— Мы будем бить фашистов, мы победим любого врага. Да здравствует Красная Армия! Ур-ра-а! — взлетая в воздух, продолжал кричать полковник Киселёв, всё так же держа перед собой бокал.

Банкет продолжался до самого вечера, при этом ряды присутствовавших на нём гостей и чествуемых постепенно начали уменьшаться: выпускники один за другим начали убывать к своим поездам, когда приходило их время. У Ивана билет тоже лежал в кармане, но его поезд уходил в полдень следующего дня. Поэтому он попрощался почти со всеми своими друзьями и товарищами. Прощаясь с каждым, понимал, что, наверняка, со многими из них ему никогда больше не встретиться. После окончания банкета он вышел на улицу изрядно подвыпившим. Недалеко от входа в курсантский клуб в обнимку стояли майор Филипсон, преподаватель истории и других социальных дисциплин, и Вовка Киселёв.

— Вовка, ты запомнил мой совет? Сразу же рвись на комсомольскую работу, это твоя стезя, — заплетающимся языком давал последние наставления своему любимому ученику учитель.

 Сразу, сра-зу же! – пьяно отвечал Вовка, целуя любимого преподавателя.

Когда Иван пришёл в казарму, то вначале подумал, что там никого нет. Но по мере продвижения по центральному коридору увидел то там, то там

POCCHINA POCCHINA

лежавших на кроватях бывших своих сокурсников.

«Интересное дело: раньше все стремились убежать куда-нибудь отсюда, а теперь вот никто никого не держит здесь, а многие пришли в свою родную казарму, легли на свою родную кровать! Привыкли к ним, теперь расставаться не хочется», — подумалось вдруг ему.

Возле канцелярии ротного на подкашивающихся ногах стоял секретарь комсомольской организации батальона лейтенант Чикильдик В.К., прошлогодний выпускник училища, который, как заведённый, постоянно икал и произносил одну и ту же фразу: «Мужики, ик-ик, вы все сдали комсомольские взносы? Ик-ик...»

Сдали! — ответил ему Иван.

— Ну, то-то же! Ик-ик, — ответил батальонный комсорг и начал водить перед носом указательным пальцем, как бы устрашая недопустимостью такого проступка присутствовавших и ночевавших последнюю ночь в своей жизни в родной казарме.

Когда вновь испечённый лейтенант Грачёв уже спал, ему слышалось, что где-то недалеко от него, возможно, в районе курсантского клуба, где он прощался сегодня на торжественном банкете со своими однокурсниками, ктото пел голосом знаменитого эстрадного певца:

Дорогие друзья, на прощанье Я желаю больших всем высот! И всегда чтоб у вас — на стоянке Завершал свой полёт самолёт!

Чтобы в доме всегда у вас были Только радость, уют и тепло! Чтобы жёны всегда вас любили. И не били, с досады, стекло!

Расстаёмся, друзья.
Все разлуки— неизбежность!
Будем дружбу беречь,
Будем верить в возможность встреч!

Мы разъедемся все по Отчизне, Но, уверен: никому, никогда! Не забыть АВАТУ, в своей жизни Оно в сердце у нас навсегда!

Полковник Гуляев А.Н. с сотрудниками управления ИАС ГАНИЦ

Гуляев А.Н. в кабине самолёта Ан-12

Взводных наших— капитана Шавердашвили, Лейтенантов Вагнера, Кондратова и Батакова.

Любя, будем всегда вспоминать! Командира, как майор Новиков, такого Я желаю вам всем повстречать!

Расстаёмся, друзья. Все разлуки — неизбежность! Будем дружбу беречь, Будем верить в возможность встреч!

Служебные пути некоторых выпускников 11-й роты

1972 года выпуска

Акимов Александр Николаевич, полковник (4-й взвод):

В Вооруженных Силах с 1969-го по 2002 г. Окончил Ачинское ВАТУ (1972 г.), ВВИА им. проф. Н.Е. Жуковского (1981 г.), адъюнктуру ВВИА им. проф. Н. Е. Жуковского (1984 г.). Доктор технических наук (1998 г.), профессор (1999 г.). Учёный в области синтеза алгоритмического обеспечения бортовых многопараметрических систем безопасности полётов.

Успешная защита кандидатской диссертации на актуальную для ВВС тему явилась предпосылкой для назначения А. Н. Акимова на должность преподавателя кафедры динамики полёта и боевого маневрирования, а в последующем — на должности преподавателя и старшего преподавателя кафедры безопасности полётов и систем управления.

В этот период А. Н. Акимов наряду с интенсивной педагогической деятельностью активно включился в научно-исследовательский процесс и подготовку научно-педагогических кадров. Он прини-

Полковник Акимов А.Н.

мал участие в разработке и становлении дисциплин «Безопасность полётов», «Бортовые комплексы управления ЛА».

Автор более восьмидесяти научных трудов. Является соавтором двух учебников кафедры и четырёх монографий.

Подготовил 12 кандидатов и доктора технических наук.

С 1991-го по 2002 г. А. Н. Акимов возглавлял учебный отдел академии. Несмотря на объективные трудности тех лет, планирование и организация учебного процесса академии всегда находились на требуемом уровне. При его непосредственном участии были созданы 3 новые кафедры, факультет базовой подготовки, научно-методический центр.

После увольнения из Вооруженных Сил работает в одном из московских авиационных ОКБ. С 2008 г. профессор кафедры безопасности полётов и моделирования авиационных комплексов.

Награждён орденом «За военные заслуги» и рядом медалей.

Ерёмин Станислав Дмитриевич (2-й взвод):

— 1972-1974 годы — авиатехник одного из авиаполков Группы Советских войск в

Германии (ГСВГ);

- 1974-1990 годы - слушатель 1-го факультета ВИА им. проф. Н.Е. Жуковского;

адъюнкт адъюнктуры при ВИА им. проф. Н.Е. Жуковского;

— кандидат технических наук, начальник кафедры Барнаульского ВВАУЛ. С военной службы уволен в воинском звании полковника. В настоящее время, после увольнения с военной службы, занимается преподавательской деятельностью в ВУЗах города Барнаула Алтайского края. Проживает в Барнауле.

Молодкин Василий Иванович (4-й взвод):

— 1972-1976 годы — военпред одного из авиационных заводов МАП СССР;

1976-1980 годы — слушатель 1-го факультета Киевского ВВАИУ;

– С лета 1980 года по лето 1999 года: адъюнкт адъюнктуры при Киевском ВВАИУ, кандидат технических наук, начальник кафедры Уфимского ВВАУЛ.

С военной службы уволился в августе 1999 года, при ликвидации Уфимского ВВАУЛ в воинском звании полковника. В настоящее время, после увольнения с военной службы, работает в научном объединении. Проживает в Москве.

Мельников Юрий Фёдорович (3-й взвол):

— 1972-1980 годы — АВАТУ: командир взвода, командир роты, начальник отдела штаба АВАТУ, заместитель начальника училища по тылу. С военной службы уволился в 90-е годы в воинском звании полковника. Проживает в городе Ачинске Красноярского края.

Кощеенко Валентин Кузьмич (3-й взвод):

— 1972-1992 годы: авиатехник самолёта Ту-142, начальник группы регламентных работ ТЭЧ АП ЛИАП (лётно-испытательного авиационного полка), начальник строевого отдела, помощник начальника штаба, заместитель начальника штаба, начальник штаба лётно-испытательного Управления ГК НИИ ВВС (г. Феодосия);

– в 1984 году окончил Киевское ВВАИУ (заочно);

- с 1992-го по 1994 год — начальник штаба, 1-й заместитель начальника ГАНИЦ (Государственного авиационного научно — испытательного Центра) ВВС Украины (г. Феодосия).

С военной службы уволился по сокращению штатов летом 1994 года в воинском звании полковника.

На постоянное место жительства переехал на свою малую родину — в город Барнаул Алтайского края. Трудоустроился в администрацию Алтайского края в «Оргмоботделе», где проработал, в том числе и начальником этого отдела, около десяти лет. Во время работы в краевой администрации Алтайского края окончил юридический институт (заочно). Из краевой администрации уволился по причине заболевания. После проведённой хирургической операции, восстановив здоровье, организовал семейный мебельно-столярный бизнес, которым занимается и в настоящее время.

Живёт и работает в пригороде города Барнаула.

Гуляев Анатолий Николаевич (2-й взвод):

1972-1974 годы — наземный авиатехник самолёта Бе-12;

— 1974-1981 годы — бортовой техникиспытатель, летал на вертолёте Ми-8т, самолётах Ил-14, Ан-12, Ил-38;

- с апреля 1981-го по осень 1983 годов старший инженер ЛИАП (лётноиспытательного авиационного полка) по СД (самолётам и двигателям);

- с осени 1983-го по лето 1992 года — заместитель командира ЛИАП по ИАС (инженерно-авиационной службе) 3-го Управлениия ГК НИИ ВВС им. В.П. Чкалова (пгт. Кировское, Крым);

 летом 1983 года окончил Киевское ВВАИУ (заочно);

- с лета 1992-го по лето 1994 года — заместитель начальника ГАНИЦ ВВС Украины по ИАС.

С военной службы уволился летом 1994 года по сокращению штатов в во-инском звании полковника.

На ПМЖ переехал на свою малую родину— в Кузбасс (города Прокопьевск и Новокузнецк).

Летом 1998 года получил 2-комнатную квартиру в городе Новокузнецке как военный пенсионер, уволенный из армии по сокращению штатов.

С сентября 1994-го по апрель 1997 года работал на рабочих должностях в обжимном цехе Западно-Сибирского металлургического комбината и на участке «Подъём» на шахте «Коксовая» в Прокопьевске, где начал заниматься и общественно-политической деятельностью в ОПД «Народовластие» Тулеева А.Г.;

в апреле 1997 года избран первым секретарём Прокопьевского ГК КПРФ;

— в марте 1998 года был назначен ещё главным редактором Прокопьевской городской еженедельной общественно-политической газеты «Народовластие», где проработал до весны 2001 года;

— с весны 2001-го до весны 2007 года работал в «ЭСПЦ-1» (электросталеплавильном цехе) и «РБЦ» (рельсобалочном цехе) КМК Кузнецкого металлургического комбината;

— летом 2007 года был принят на работу в аэропорт города Новокузнецка авиатехником по вертолётам Ми-8т, где работает и в настоящее время.

С декабря 2006 года является учредителем и издателем Региональной литературно-художественной газеты-Альманах «Усятская россыпь» (РЛХГА), этот выпуск увидел свет под № 19.

Кроме 19 выпусков «РЛХГА» издал три историко-документальных, художественно-публицистических книги:

 «Прокопьевск в летописях», 102 страницы – в 2011 году;

 «Как рождалась корабельная авиация России», 582 страницы — 2018 год;

— «Из истории Сибири и Кузнецкого края», трёхтомник, общим объёмом 924 страницы, изданный в 2021 году.

Живёт и работает в Прокопьевске.

Иванов Вячеслав Валентинович (2-й взвод):

— 1972/1980 годы — авиатехник/начальник группы обслуживания самолётов транспортного авиационного полка ГК НИИ ВВС;

— окончил вечерний факультет самолётов и авиадвигателей филиала МАИ (Московского авиационного института) в городе Ахтубинск;

- с 1980 годов - инспектор, затем и начальник инспекции котлонадзора, уволился с военной службы в воинском звании подполковника. Проживает в городе Ахтубинск.

Киселёв Владимир Иванович (2-й взвод):

1972-1980-й годы: авиатехник, комсомольский работник, пропагандист одного из строевых авиаполков ВВС, воинское звание – капитан.

Толмачёв Василий Фёдорович (1-й

— 1972-1977 годы — авиатехник, старший техник самолёта Ту-142 авиации ВМФ Краснознамённого Северного Флота

(КСФ) – город Вологда;

— 1977-1981 годы — слушатель 1-го факультета Киевского ВВАИУ, воинское звание — капитан;

- с лета 1981 года — инженер АЭ (авиаэскадрильи), начальник ТЭЧ (технико-эксплуатационной части), старший инженер по СД, заместитель командира АП по ИАС авиации ВМФ КСФ. С военной службы уволился в воинском звании подполковника.

На ПМЖ поселился в городе Кинешма Ивановской области, где скоропостижно скончался 20 июня 2021 года.

Бирих Александр Александрович (1-й взвод):

— 1972-1990-е годы — авиатехник, бортовой инженер самолёта Ту-142, старший инженер АП по СД авиации ВМФ КТОФ (Краснознамённого Тихоокеанского Флота);

С военной службы уволился в воинском звании подполковника.

На ПМЖ переехал на свою малую родину — в Алтайский край.

Живёт в п.г.т. Павловск Алтайского края, работает в сельской администрации начальником Оргмоботдела.

Тюльпанов Валерий Михайлович (4-й взвод):

— 1972-1990-е годы — авиатехник одного из авиаполков ВВС, служил в Группах войск СА, в ЗабВО. По состоянию здоровья со строевой службы ушёл на нестроевую (в военкомат).

С военной службы уволился в воинском звании майор-подполковник. Заочно окончил исторический факультет Кемеровского государственного университета

Живёт и работает в городе Чита.

Мисютин Николай Александрович (3-й взвод):

— 1972-1990-е годы — авиатехник одного из авиаполков ВВС. Живёт в п.г.т. Итатский, Тяжинского района Кемеровской области (Кузбасс).

Бига Михаил Михайлович (3-й взвод): — 1972-1990-е годы — авиатехник одного из строевых истребительных авиаполков ВВС,

служил: в ЗабВО, в группах советских войск: в Монголии, Германии (дважды), откуда был выведен в составе своего авиаполка (в начале 1990 годов) и расквартирован в населённом пункте Россь Волковыского района Гродненской области Белоруссии, где и остался на дальнейшее жительство.

Из армии уволился (ориентировочно) в воинском звании майора.

Чепурнов Александр (3-й взвод):

— 1972-1980-й годы — авиатехник одного из строевых авиационных истребительных полков ВВС, дислоцировавшихся в Западной Украине, воинское звание — старший лейтенант/капитан. Женился на гуцулке по имени Ева.

Своей жизнью и женой был доволен, как и ранее, громко выражал свои эмоции и хвалился.

Лобанов Леонид (3-й взвод):

— 1972-1980-е годы: авиатехник, бортовой техник, бортовой инженер самолётов Ан-12, Ту-154— транспортного АП ГК НИИ ВВС, воинское звание— майор. Проживал в городе Ахтубинск.

Стеклов Александр (1-й взвод):

— 1972-1982 годы: авиатехник авиации ВМФ КСФ, в 1982 году окончил Киевское ВВАИУ (заочно), воинское звание — капитан.

Анатолий Гуляев, 18.02.2022 г. г. Прокопьевск (Кузбасс).

Презентация книги «Из истории Сибири и Кузнецкого края»

25 февраля 2022 года в Центральной городской библиотеке города Прокопьевска состоялась презентация трёхтомника «Из истории Сибири и Кузнецкого края». В книге собраны статьи, научные и литературные разработки об истории Сибири и Кузнецкого края, как современных кузбасских и новокузнецких учёных-историков так и основоположников истории Сибири и Кузнецкого края 18-го и 19 веков.

Автором и составителем книги является главный редактор Региональной литературно-художественной газеты Альманах «Усятская россыпь» прокопьевский краевед, прозаик и публицист Анатолий Николаевич Гуляев.

На встрече присутствовали коллеги автора книги по литературному творчеству, краеведы города Прокопьевска и Прокопьевского района, члены прокопьевских литературных сообществ и другие приглашённые, друзья и знакомые автора, в том числе и его соавторы, чьи произведения представлены в трёхтомнике.

Встречу открыла и вела сотрудница отдела досуга Центральной городской библиотеки Прокопьевска Лилия Ивановна Стрелец. Лилия Ивановна кратко поведала присутствующим на презентации о содержании и оформлении всех трёх томов представленной на суд читателей книги. Она рассказала и показала на слайдах отдельные позиции трёхтомника. Представила автора, как человека, увлечённого историей, рассказала о мотивах, приведших его к сбору и подготовке материалов, положенных в основу выпущенной им книги. После вводной части ведущая предоставила слово автору и другим выступающим.

Анатолий Николаевич рассказал о себе, своём творчестве и планах на будущее, ответил на вопросы, заданные ему присутствовавшими на презентации приглашёнными и читателями.

Зоя Николаевна Гулишевская, автор исторической повести «Брагины», опубликованной в книге, рассказала о себе и мотивах, побудивших её взяться за написание столь солидного произведения, повествующего о старинном кузнецком роде Брагиных, берущем своё начало в далёком 1642 году, с момента прибытия в Кузнецк из Москвы конного казака Василия Брагина.

Виктор Григорьевич Старченко, друг детства и одноклассник Анатолия Николаевича, известный новокузнецкий металлург,

рассказал о своих детских годах, учёбе, играх и делах, которыми он занимался вместе с Анатолием Николаевичем в процессе их общего взросления.

Юрий Иванович Мордвин, житель прокопьевского городского посёлка Красная Горка, много лет проработавший директором ДК «Красная Горка», рассказал о знаменитом прокопьевском горном инженере Иване Михайловиче Волкове, много лет проработавшем директором шахты «Красногорская» и очень много сделавшем для культурного развития жилого Красногорского комплекса работников своего предприятия.

Наталья Васильевна Арбатская, внучка бывшего директора школы № 25 Марии Васильевны Сухаревой, рассказала присутствующим о своей знаменитой бабушке.

Оксана Валентиновна Боронихина, работница МБУ ЦБС Прокопьевского района, поведала присутствовавшим на презентации свои впечатления и видения от знакомства с презентуемой книгой. Сообщила, что намерена продолжить перевод в электронный формат (pdf) литературно-художественной газеты Альманах «Усятская россыпь», начатый когда-то её коллегами. Использование полученных копий для создания и размещения полнотекстовой базы литературно-художественной газеты Альманах «Усятская россыпь» на сайте МБУ ЦБС Прокопьевского района — «Литературная карта Прокопьевской земли», в открытом доступе. На презентации выступил прокопьевский бард Клочков.

PS. В Интернете на сайте областной библиотеки сообщается, что в преддверии 79-й годовщины образования Кемеровской области проведено освещение грядущего события книжной выставкой под названием «История края на книжных страницах», в которой представлены издания из краеведческого фонда библиотеки: М. Сорокин «Земля Кузнецкая», А. Гуляев «Из истории Сибири и Кузнецкого края» и другими.

Владимир ЧЕРНОУСОВ

Родился 17 февраля 1954 г. По профессии инженер-строитель.

«Поэзия – неотъемлемая часть моего сознания», – говорит он. Автор книги стихотворений «Разноцветье», издательство «Союз писателей», г. Новокузнецк, 2019 г. Издавал стихи в сборниках: «Арина НН», г. Нижний Новгород, «Серебро слов», г. Коломна, журналах «Союз писателей», г. Новокузнецк, «Первая книга», г. Будапешт, «Бригантина», г. Абакан. В трудовой деятельности прошёл путь от бригадира до начальника строительного комплекса. Живёт в г. Новокузнецке. Готовит к изданию очередную книгу стихов «И мыслей быстрых тень».

Как ангел, спасательный круг

Взгляд из дворца

Нос курносый. Лицо в веснушках. Золотых волос вьётся стружка. Лет восьми замечталась малышка, Угловатая, как мальчишка.

За окно взгляд направив из зала, Преогромного зала для бала, На тенистые парка аллеи, Где когда-то звучали свирели.

Где в томлении, неге и лени, Пред царицей склоняли колени. А сейчас, презирая барьеры, Сделать селфи спешат кавалеры.

Дамы сердца в потёртых джинсах Из толпы выбирают принцев. От туристов оглох бальный зал, Ференц Лист где когда-то играл.

Может быть, для девчонки на миг Показал свой загадочный лик Добрый старый всеведущий маг, В Зазеркалье помог сделать шаг.

Мистер Икс и сфинкс

Ладонь кладёт он на гранит И шепчет, затаив дыхание. Сфинкс без участия молчит И отвергает все признания.

Его открытый настежь взгляд, Во глубину веков ушедший, Не затуманил Петра град, Дворцов фасадами расцветший.

Египта жаркие пески Затмить не может песнь туманно, Холодных волн Невы-реки И бесконечный бег воды. Задаром воздаёт осанну.

Кому ты верен, древний сфинкс? Кому доверишь дар и тайну? И ты, случайный мистер Икс, Ждёшь от небес напрасно манну.

Целует девушку моряк

Целует девушку моряк, Качает ленты с якорями, Задира-ветер просто так Листву гоняет под ногами. И средь толпы пустых зевак И ветра с шалыми глазами Стоит с любимою моряк, Стоит надёжно, как маяк, Укрыв широкими плечами.

Не стрАшны им чужие взоры
И суета ненужная вокруг,
Когда становится опорой
Кольцо любимых крепких рук.
Морской прибой в гранит напрасно бъётся,
И, растекаясь лужей на причал,
Сердец двоих дыханьем не коснётся,
Огня любви — начало всех начал.

Как ангел, спасательный круг На волны слетел с парапета. С испуга заботливый друг Забросил его — не для смеха. Но всё нипочём моряку, Он выдержал бури и штормы. Подругу не бросит одну, Он курс не проложит ко дну, Он честь не запачкает, форму.

Майская метелица

На карнизе под окном Всё воркуют голуби. Майским теплым вечерком Одинок я в городе. Загорятся фонари Скоро на Ильинке. Мне часы, как декабри, Без моей Маринки.

Мы расстались так давно. Зла разлука первая. Быстро стрелки лишь в кино Крутятся, наверное. «Не скучай и не звони. Милый мой, до вечера». Взгляд печальный сохранил, Каждый жест до встречи я.

Застучали каблучки
Звонкие по лестнице.
Слышу легкие шаги—
Верю, и не верится,
А в раскрытое окно
Цветом с яблонь стелется
Теплым, светлым вечерком
Майская метелица.

Маяковский в Новокузнецке

В пролетарской убойной силе, Нараспашку в открытом стиле, Он и в бронзе над временем встал, Как глашатай, на пьедестал.

Свой поэт до костей — Маяковский, Из далекого прошлого РОСТА, Из поэм и стихов для людей, Чьи характеры крепче гвоздей.

В очертаньях крутых котлованов Разглядел громадьё бизнес-планов. Он сказал, как отрезал, как есть: «Город будет и саду здесь цвесть!».

Шахтостроителям

Дивана мягкие подушки, Любимый томик на руках, Густые звёзды, как веснушки Девчонок, светят в небесах.

Близняшки спят давно высотки, И мне бы спать пора уже, Но между строк я вижу сводки Вновь на десятом этаже.

Огни далёкой вижу вахты, Очередной труда рубеж. Где недра смело режут шахты. Кивать не стану на падеж,

Где неуютно, сыро, мглисто. С глазами жадными беда Добычу ждёт, и день лучистый, Не снизойдет вглубь никогда. Но там не дышит жизнь на ладан. Кипит работа на «Ура»! И светит лучшая награда Дать в сроки уголь «на-гора».

И я, друзья, всем сердцем с вами, Что взяли вахту на себя. И мысли полнятся делами. Скажу об этом, не скорбя.

Темиртау*

Легенда Горной Шории

Темиртау, Темиртау, Гнев унять не в силах свой, Темиртау, Темиртау, Стань железною горой. Темиртау, Облетел по краю слух — Темиртау, Темиртау Полюбила сразу двух.

Полюбила, не просила, Выбор сделать не смогла, Горьким горюшком убила, Обломала два крыла. Без вины, но виновата Горной Шории земля. Шли с Алтая к ней два брата Предложить себя в зятья.

Темиртау, Темиртау,
Над тобой встаёт заря.
Темиртау, Темиртау,
Рядом два богатыря.
Темиртау, Темиртау —
Дочь тайги и более,
Темиртау, Темиртау —
Нет соперниц в Шории.
*Темиртау (шорский) — железная гора

Мрассу и Томь

Легенда Горной Шории Красивую легенду Мне ветер с гор донёс, С горчинкою абсента, С живою влагой рос. Где кедры укрывают Таёжные края, Вершинами качают Седые облака, Жил молодой охотник, Весёлый, ловкий Томь. По скалам, как высотник, Шагал без страха он.

Невидимые тропы
Томь запросто читал,
Пока под веток шёпот
Мрассу не повстречал.
Чем ярче светом лился
В сердца влюблённых май,
Тем больше становился
Мрачнее тучи Бай.
Пошёл Бай против воли
Красавицы Мрассу
И разлучил на горе,
Оставил дочь одну.

Был далеко-далёко Томь выслан. Став рекой, К любимой черноокой Направил бег он свой.
Пусты отца угрозы,
Тюремные ключи,
Когда девичьи слёзы
Наполнили ручьи.
Рекою обратилась
Мрассу от слёз тогда,
С горы к Томи скатилась,
Чтоб быть с ним навсегда.

*Мрассу и Томь — таёжные реки Горной Шории

Песня о Новокузнецке

Край необъятный раскинулся вширь, Могучий, былинный, все это — Сибирь. Край-труженик с синими венами рек. На щедрой земле здесь поднялся побег Четыре далёких столетья назад, А ныне расцвёл и шумит город-сад. Город любви и горячих сердец. Город труда — Новокузнецк.

Летопись пишут бесстрастные будни. Город не боги построили, люди. Жали, ковали, по-разному жили, Смену растили и просто любили. Город с Россией плечом был к плечу, В годы лихие стоял «начеку». Город любви и горячих сердец. Город труда — Новокузнецк.

Зверем голодным враг начал войну, Местью народной наполнил страну. Ночью и днём не смыкал город глаз - Выполнил Родины с честью наказ. Стойко ковал он победные дни. Не было крепче кузнецкой брони. Город любви и горячих сердец. Город труда — Новокузнецк.

Стягом России взметнулось ввысь время. Мирно живёт вновь свободное племя. Наши фантазии делает былью. Город расправил улицы-крылья, Выше и краше стал в тысячи крат. Вместе с тобой я навек, город-сад. Город любви и горячих сердец. Город труда — Новокузнецк.

Игрушка

Остались игрушки, любимые в детстве. Рассеялся призрак мечты голубой. Но в скромном жилье находила я место, Чтоб был неразлучно он рядом со мной.

И пусть утверждают — зачем нужно ретро, Облезлая шуба, облупленный нос. Вообще, не винтажно и шалости это. Неглупая дама, а верит всерьёз.

Он родом из детства. Был взят на копейки От школьных обедов, билетов в кино. В декабрьскую стужу, прижав к телогрейке, Я с ним возвращалась домой из сельпо...

Когда переезд мой роднится пожару — Оставить игрушку? Открытый вопрос. Отдам предпочтенье любимому магу. Ну, что в том такого, что он Дед Мороз.

Новокузнецк

Алексанар Алексеевич Колтаков родился в 1962 году в селе Петропавловское Алтайского края. Архитектор.

Около тридцати лет работал в администрации города Новокузнецка. В последние годы трудился главным архитектором города.

Уйдя со службы, начал писать стихи и прозу.

Автор книги детских стихов «Приключения фантазёра».

Печатался в газете «Кузнецкий рабочий», журнале «Страна Озарение» и нескольких сборниках прозы и поэзии.

Победитель и лауреат городских, региональных и международных конкурсов.

Истина где-то рядом

Прощание

Каждый год в конце лета наша группа летает на вертолёте в верховья горной сибирской реки, откуда на катамаранах мы две недели спускаемся вниз по течению. Преодолев определённый участок пути, становимся лагерем на удобном для нас берегу и два-три дня облавливаем ближайшие места. Помимо рыбалки, прогуливаясь по тайге вдоль берега, собираем кедровый орех, грибы и бруснику, чтобы разнообразить наш стол. Далеко вглубь тайги заходить не рискуем, опасаясь встречи с хозяином леса. И это не пустые опасения. Его следы пребывания и жизнедеятельности находим практически на каждой стоянке.

Мы — это группа, состоящая из 8-10 единомышленников, которым в большинстве своём давно за пятьдесят. Целый год планируем эту поездку, подгадывая свои отпуска, чтобы в конце августа отдаться во власть сибирской природы, где за сотни километров нет живой души и связи с внешним миром.

...Старшим среди нас на тот момент был Серёга — энергичный и жизнерадостный человек, за что пользовался в нашей разношёрстной команде заслуженным уважением. Два года назад с ним случилась беда. Совсем неожиданно свалилась на его плечи суровая и беспощадная болезнь. Он боролся с ней, как мог, но она не отступала.

Перед последней поездкой, после химиотерапии он, потеряв сознание, упал в коридоре поликлиники и разбил лицо. Так и полетел на сплав со следами травм на лице. Во время погрузки в вертолёт извинялся за то, что нам теперь не помощник. Мы понимающе махали ему рукой, давая понять, что вполне справляемся и без его участия.

После приземления, чтобы успеть до захода солнца, все активно занимались оборудованием лагеря: палатками, дровами, общим шатром-колокольчиком, генератором, костром и массой других житейских мелочей, без которых приятный и достаточно комфортный отдых в тайге может превратиться в обыкновенную борьбу за выживание. Серёга участвовал в этом процессе, как мог, но в основном сидел на раскладном стульчике и наблюдал за нами.

Вечером все собрались за общим столом под «колокольчиком» и, как водится, отмечали начало нового двухнедельного приключения под названием сплав. Стол ломился от домашних припасов и свежеприготовленного хариуса в жареном, пареном и слегка присоленном виде. Спиртное наливалось в кружку и шло по кругу. Желающий выпить принимал её, говорил обязательный тост во славу нашей дружбы и незыблемой красоты природы, затем, сделав глоток, передавал следующему.

Сергей первым покинул общий стол, сел у костра и, подкидывая в огонь дрова, слушал наши хмельные разговоры «за жизнь». В какой-то момент, до этого ни разу не пригубивший из кружки, он вдруг попросил и ему налить немного. Я с беспокойством спросил его:

- А можно тебе?
- Мне теперь всё можно, спокойно ответил он.

Больше никто не задавал ему глупых вопросов. Торжественный ужин продолжался. Моего захмелевшего соседа по лавке и большого любителя хоккея потянуло на философские рассуждения о перспективах нашей дальнейшей жизни в преклонном возрасте.

— Ненавижу старость. Это противное чувство беспомощности: когда ты дошёл до овертайма, но уже безумно устал. Без всякой надежды забить самому, обречённо ожидаешь в любую секунду финальную шайбу в свои ворота. Вопрос времени...

Ну, да. Ну, да...., – кто-то за столом с ним безоговорочно согласился.

Кто-то непонимающе хмыкнул. Кружка продолжала своё движение по кругу, хаотично меняя темы наших разговоров. Лишь далеко за полночь все разошлись спать.

Рано утром мне стало невтерпёж, и я выбрался из своей палатки. Лагерь и всё вокруг было окутано туманом. В костре догорали угольки, а у самого края воды сидел на раскладном стульчике Серёга, смотрел на реку и слегка проявляющиеся контуры кедров на противоположном берегу.

Далеко вверху первые лучи солнца зацепили верхушку горы, едва-едва подсветив её розоватым светом. Казалось, весь мир замер в ожидании чего-то значимого и неповторимого. Наш друг сидел в первом ряду партера и наблюдал начало грандиозного спектакля под названием «Рождение нового дня». Это действие происходило на великолепной сцене сибирской природы, ещё не осквернённой присутствием горе-актёров.

Неожиданно вспомнились слова Шекспира: «Жизнь — игра, а мы в ней актёры». Многие так увлекаются этим ремеслом, что даже умирают на сцене, так и не поняв, а для кого они играли? Если все актёры, то кто же зритель? Для кого был создан такой удивительный театр?

Вот оно — прозрение! Не зря же говорят, что истина всегда где-то рядом.

Впервые я увидел Великого зрителя, ради которого и существует этот восхитительный театр с необыкновенно красивой сценой, куполом и кулисами.

Наш друг наслаждался и одновременно прощался с этим миром, понимая, что скоро, совсем скоро, он снова станет его составной частью. Будет туманом, водою, листвою или песчинкой и, возможно, вдохновит чью-нибудь душу на великую игру, достойную этих божественных подмостков, а может, просто доставит наслаждение Новому зрителю.

Так я стал случайным свидетелем сакральной и глубоко интимной картины прощания с этим миром.

Через месяц его не стало....

Я же всё чаще стараюсь путешествовать по нашим необъятным сибирским просторам и уже совсем другими глазами смотрю на окружающий мир. Созерцая эту красоту, ещё не определился, что больше — вдохновляюсь или наслаждаюсь? Но точно знаю — чувство обречённого овертайма мне не грозит.

Хозяин тайги 1. Петрович

Егерь Петрович воскресным сентябрьским утром проснулся позднее обычного. Всю ночь бушевал ветер, разгоняя тучи, которые несколько дней сыпали мелким дождём, не давая солнцу пробиться сквозь серое покрывало. В непогоду у него всегда ныло прострелянное плечо — последствие встречи с браконьерами. Ему тогда всё же удалось их задержать и обезоружить. После этого случая местные жители уважительно называли его хозяином тайги. Боль поутихла, и егерь смог наконец-то как следует выспаться.

В печке уже дружно потрескивали поленья. Петрович приподнял занавеску и выглянул в окно. Ветер утих, и сквозь плотный туман пробивались первые солнечные лучи, обещая погожий денёк. «Самое время — подумал он, — отправиться сегодня с Глебом собирать кедровые шишки. Уж больно хороший урожай на них в этом году».

Громко хлопнула входная дверь, и с ведром воды вошёл его незаменимый помощник Глеб. Он приходился егерю дальним родственником по материнской линии. Парнишка не отличался особым умом, едва осилил восемь классов и с тех пор неприкаянным болтался по небольшому таёжному посёлку, не зная чем себя занять. По состоянию здоровья его не брали в армию, а в поселке найти постоянную работу было практически невозможно.

Парень маялся от безделья и всё чаще стал прикладываться к спиртному вместе с такими же, как он, ребятами, которые не уехали никуда учиться и слонялись без дела по посёлку: кто-то — ожидая скорого призыва в армию, кто-то — в поисках случайного заработка.

Каждый вечер компания молодых людей, будучи разогретой алкоголем, частенько бродила по улицам, задирая от скуки прохожих. Проблем со спиртным в посёлке не было, так как почти в каждом доме имелся самогонный аппарат. Нередко случались и драки.

Мать не на шутку была обеспокоена таким положением дел, и когда Петрович в начале лета наведался к ним в гости, упросила забрать сына с собой на кордон, подальше от сомнительной компании. Егерь взял непутёвого родственника без особого желания, уступив настойчивым просьбам Егоровны. Он опасался, что привыкший к безделью Глеб будет только лишней обузой в его таёжной жизни, но ошибся.

Парень оказался исполнительным и добродушным малым. Ему нравилась уединённая таёжная жизнь. Охотно брался за любую работу, и вскоре стал Петровичу первым помощником. Вот и в этот раз, пока егерь спал, парнишка затопил печь и принёс воды из ручья, чтобы вскипятить чай.

Позавтракав на скорую руку и прихватив с собой пару десятков белых мешков, Петрович со своим помощником отправился на «Урале» к дальнему кедровнику.

День выдался тёплым и солнечным. Прошедший ураган изрядно потрепал вековые кедры, щедро усыпав землю спелыми шишками. Требовалось срочно всё собрать, пока шустрые бурундуки и белки не опустошили шишки до их прихода. К вечеру мешки были наполнены и составлены в кучу. Оставалось только снести их к машине и погрузить.

Всё тело гудело от усталости. Целый день проходить с грузом по склону горы, да ещё в согнутом положении — та ещё работа! Глеб плюхнулся на мешок и, тяжело дыша, стал вытирать рукавом пот с лица. Петрович тяжело опустился на другой мешок, снял с плеча и прислонил к колену ружьё, с которым в тайге никогда не расставался.

Прикуривая трясущимися от усталости руками сигарету, глянул на свою неимоверно потяжелевшую двустволку и с досадой на себя успел подумать: «Что ж я её не оставил в машине, а таскаю с собой весь день?» В это время Глеб вдруг резко вскочил и, показывая рукой вверх по склону, истошно заорал: «Медве-еедь!!!» Петрович поднял голову.

Метрах в пятидесяти увидел медведя, который огромными прыжками, взлетая над высокой травой, нёсся в их сторону. В доли секунды егерь успел вскинуть ружьё и выстрелить в летящего на них зверя. Медведь рухнул в заросли травы, и Петрович, уже наугад, послал туда вторую пулю. Наступила звенящая тишина. Сердце бешенно колотилось в груди. Патронов больше не было, да и на перезарядку времени тоже! Если косолапый просто ранен и сейчас выскочит к ним на встречу — это конец.

Прошла минута, другая... Зверь не подавал признаков жизни. Егерь знал, что даже смертельно раненный медведь очень опасен. Он мог затаиться и беречь силы для последнего броска. Уже смеркалось, и Петрович решил не рисковать: если косолапый мёртв, то до утра никуда не денется, если ранен — то за ночь обессилит, тогда будет легче его найти и с ним справиться. В любом случае с этим зверем надо кончать — он стал слишком опасен для людей.

Егерь с помощником, постоянно оглядываясь, быстро спустился к машине и уехал, решив только утром вернуться обратно. Мешки, полные орехов, остались на месте. Всю дорогу бывалый охотник недоумевал. Такое он видел впервые: медведь — умный и осторожный зверь, без видимой причины первым напал на людей. Хорошо, что Петрович не поленился и прихватил с собой ружьё, заряженное пулями. Он не доверял заводским патронам и всегда сам заряжал их, не жалея пороха. И вот! В очередной раз, патрон, заряженный его руками, не подвёл!

Утром, прихватив с собой оружие, мешки и ножи для разделки туши, они отправились на место трагической встречи. Если зверь убит, то мясо и шкура пригодятся в хозяйстве. Не пропадать же добру. Если ранен, то... Об этом не хотелось даже думать. Пока ехали до места, всё время молчали, находясь в тревожном ожидании.

Убитого медведя обнаружили сразу, в том месте, где он скрылся в траве после первого выстрела. Разделывая тушу, егерь наконец-то определил причину его агрессивного поведения. На правом плече зверя он обнаружил огромную гематому, которая образовалась при попадании картечи

«Ох! Попадись мне сейчас этот гад, который с испугу или по слабоумию пальнул в медведя!» — со злостью подумал Петрович.

- Сколько же сейчас развелось двуногих идиотов, шастающих по тайге с ружьём и возомнивших себя хозяевами леса! - продолжил он возмущаться уже вслух.

Глеб, выслушивая гневные и справедливые слова родственника, всё время молчал. Его раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, было жалко зверя, с другой, присутствовало чувство мести за пережитый вчера животный страх.

Петрович между тем принялся внимательно изучать последствия своего выстрела. Его первая пуля застала зверя в полёте. Раздробив три ребра, она порвала лёгкое и застряла в позвоночнике. Следы второй пули он не обнаружил. Выстрел наугад был неточным. Егерь кончиком ножа извлёк из позвонка сильно деформированную пулю. «Как-никак, она спасла две человеческие жизни», — подумал он и спрятал свинец в карман на память.

2. Медведь

Вторые сутки невыносимо болело плечо. С каждым часом боль всё возрастала и сводила с ума. Наступали такие минуты, когда мутился рассудок и от безумной ярости наливались кровью глаза. Тогда медведь становился на задние лапы и крушил всё вокруг себя. Кора, щепа и ветви деревьев разлетались во все стороны. Отчаянный и страшный рёв стоял на всю округу. Через какое-то время, обессилев, он валился на бок и впадал в небытие от усталости и боли.

Всё началось с неожиданной встречи с людьми хмурым осенним днём. Он переходил по перекату горную речку вброд. Шум воды заглушал все остальные звуки леса, и медведь вовремя не почувствовал и не услышал приближающуюся беду. Когда он увидел на противоположном берегу несколько человеческих фигур и услышал их возбуждённые крики — было поздно

От ближайшей к нему фигуры с оглушительным грохотом вылетел огонь. В ту же секунду зверь почувствовал неимоверной силы удар в своё плечо. Было очень больно. Такую боль он не испытывал, даже когда сразился в смертельной схватке с огромным сородичем, забредшим на его территорию. На память от той встречи у медведя остался огромный шрам на лапе и порванное ухо. Тогда был честный бой, глаза в глаза, и он победил. Противник вынужден был отступить, оставляя на примятой после схватки траве кровь, что обильно текла из раны в порванном боку.

Сейчас же всё было по-другому. Противник находился вдалеке и ударил его своей молнией на безопасном для себя расстоянии. Заревев от боли, медведь развернулся в обратную сторону и поспешил скрыться в зарослях на противоположном берегу. Матёрый зверь впервые в своей жизни убегал от своих обидчиков.

Он — хозяин тайги, позорно бежал, понимая превосходство огненной силы врага. Помня уроки матери, медведь всегда намеренно избегал контактов с людьми. До сих пор это ему удавалось, хотя несколько раз за свою жизнь всё же приходилось видеть этих странных существ, не похожих ни на одного из лесных жителей. Даже запахи, которые они оставляли, были незнакомы.

Однажды он обнаружил их тайник, спрятанный под огромным пихтовым вывертом. В нём было много странных и необычных предметов для зверя. Медведь, вытащив их из укрытия, разложил на траве в ряд и стал подробно изучать. Некоторые оказались очень приятными на вкус, и он с удовольствием их съел. разрывая и разгрызая несъедобные оболочки. Особенно заинтересовали две пластмассовые канистры, наполненные бензином. Зверь легко их прогрыз и попробовал пахучую жидкость на вкус. Она оказалась несъедобной, но резкий запах отпугивал гнус, и медведь, на всякий случай, повалялся в пролитой жидкости, в надежде избавиться не только от надоедливых мошек, но и других кусачих паразитов, поселившихся в его шерсти.

До этой встречи люди были для него случайными чужаками из другого, неведомого мира. Теперь же стали смертельными врагами, от которых он вынужден был позорно бежать. За двое суток медведь преодолел горный хребет и вышел на границы своей территории. Боль не проходила, отнимая последние силы.

Он впервые пожалел, что тогда ушёл от врагов, а не бросился в бой. Пусть бы погиб, но в бою и настоящим воином, а не издох, как старый и больной медведь, труп которого он встретил однажды в яме под сгнившей пихтой. Хозяин тайги прислонился к огромному валуну, чтобы

перевести дух и перетерпеть новый приступ боли. Закрыл глаза и вдруг почувствовал ни на что не похожий человеческий запах.

Медведь встал на все четыре лапы. Напряг слух и вытянул морду, вдыхая таёжный воздух, чтобы определить, где находится ненавистный враг. Нет, на этот раз убегать он не будет. Пришло время мести за его страдания и унижение.

Слепая ярость взбудоражила кровь. Даже боль отступила. Медведь определил направление и спустился по склону горы до поваленного кедра. Высокая трава мешала обзору. Он встал на задние лапы и осмотрелся. Ниже по склону, метрах в пятидесяти, увидел людей. Два ненавистных ему врага сидели на белых мешках. Над головой одного из них вился синий дымок. Ещё ниже по склону на лесной дороге стояла большая машина.

Медведь опустился на четыре лапы, напряг все свои мускулы перед атакой и резким прыжком оторвал своё тело от земли. Со злорадством услышал отчаянный крик врага. Надо было каждый раз прыгать выше травы, чтобы не потерять противника из виду. Во время очередного прыжка, уже в полёте, увидел комок огня, с грохотом летящий ему навстречу.

Подарки Сибирины

Олин папа был геолог, и как все люди этой профессии, часто ходил в экспедиции по безбрежным просторам Сибири и Дальнего Востока. Из каждой экспедиции он привозил дочери подарки от хозяйки тайги — Сибирины. Доставал из своего потёртого рюкзака небольшую металлическую баночку из-под чая и просил дочь открыть её. Девочка с трепетом открывала крышку и доставала очередной необычный камешек, а папа ей говорил: «Это тебе от Сибирины для здоровья!» В другой раз был подарок для сладких снов, потом от дурного настроения.

За несколько лет у неё набралась целая коллекция необыкновенных подарков. Когда папы долго не было, и она начинала по нему скучать, то доставала зелёный, с тёмными прожилками камень от скуки и крепко сжимала его в руке. Скука мгновенно улетучивалась. Чтобы легче было ждать, девочка брала краснозолотистый камень для хорошего настроения. С ним и время проходило незаметней, и папа возвращался быстрее с очередным волшебным подарком.

Надо отметить, что все подарки Оля делила на два вида: ОТ и ДЛЯ. Девочка предпочитала подарки ДЛЯ и поэтому хранила их отдельно. Объяснялось это просто: например, подарок ОТ кошмарных снов — это здорово, но кроме них в голове могут появиться скучные или чёрно-белые, без начала и конца сны.

А вот подарок ДЛЯ сладких снов — это же совсем другое дело! Тут и тортик размером с гору, и речка лимонадная с зефирными берегами, и ты принцесса на сказочном единороге, и принц с пятью букетами у твоих ног. Мудрый папа это тоже быстро понял и стал привозить подарки только ДЛЯ.

Когда он в очередной раз вернулся из экспедиции, мама, наблюдая торжественное вручение необыкновенного подарка ребёнку, сказала:

— Попроси в следующий раз Сибирину подарить нашей дочери что-нибудь для памяти, а то она вечно всё забывает! Вот, например, сегодня она успела забыть помыть за собой посуду, выучить урок по истории и позвонить бабушке, чтобы поздравить её с днём рождения.

Папа засмеялся, обнял дочь и сказал:

- Обязательно попрошу! Но не простой, а особенный. Чтобы всё нужное сразу запоминала, но помнила всегда только хорошее, а плохое тотчас забывала.
- Бывает ли такая память на свете? засомневалась мама.
- Сибирина найдёт, она же волшебница! заверил её папа.

Вскоре он ушёл в очередную экспедицию, туда, где унал Тунгусский метеорит, и больше не вернулся. Исчез на бескрайних таёжных просторах навсегда. Товарищи долго его искали, но кроме пустого рюкзака ничего не нашли.

Так и вернули жене видавший виды рюкзак с маленькой металлической баночкой внутри. В ней супруга обнаружила небольшой, мерцающий на солнечном свету камень, с дырочкой посредине. При желании его можно было надеть на палец, как колечко. Чтобы не расстраивать лишний раз дочь, мама спрятала рюкзак вместе с его содержимым далеко на антресоли.

Девочка долго переживала потерю самого близкого ей человека, не верила, что он ушёл навсегда. Целый год носила с собой камень от потерь, но, видно, он работал на вещи, которые она постоянно теряла, а не на живых людей. Со временем она смирилась с невосполнимой потерей родного человека.

Прошли годы, а потом и целая жизнь, в которой произошло много разных событий. Девочка Оля давно уже стала бабушкой Ольгой Сергеевной. Коллекция подарков волшебницы Сибирины со временем превратилась в кучку разноцветных камней, забытых в картонной коробке где-то в шкафу. Их не выбросили в мусорное ведро лишь по одной причине — оставили как память о детском увлечении.

Однажды взрослый внук по просьбе бабушки освободил антресоль, до которой уже много-много лет не доходили её руки. Среди кучи спущенного сверху всякого хлама она обнаружила вдруг чейто старый рюкзак, внутри которого находилась металлическая баночка.

Неожиданно ёкнуло сердце Ольги Сергеевны, и она с огромным любопытством её открыла. Долго разглядывала странный камень с отверстием, а потом машинально примерила его на палец. И тут произошло нечто неожиданное: все счастливые моменты её жизни, словно в цветной киноленте, пронеслись перед глазами. Их оказалось удивительно много, и стало понятно, что она прожила, в общем-то, интересную и счастливую жизнь. Особенно были приятны и дороги воспоминания о детстве.

Бабушка вспомнила про волшебные подарки Сибирины и даже то — в какой шкаф их когда-то прибрала. Достала из коробки, разложила перед собой на столе и стала вспоминать: этот камень — от лени, этот — от вредности, а этот — для здоровья. Взяла его осторожно в руку и сразу почувствовала облегчение в больных суставах. Удивительно, но и головные боли тоже исчезли. С чувством благодарности посмотрела на синий, с белыми полосками, камень для дружбы.

В тот год, когда папа его подарил, она познакомилась с Вовкой из соседнего двора. Они дружили очень долго, пока его семья не переехала в другой город. Какое-то время переписывались, потом перезванивались, но с каждым годом общались всё реже и однажды вовсе перестали. В памяти неожиданно всплыл номер телефона. Трясущейся от волне-

ния рукой она набрала его номер. Ответил приятный мужской голос:

- Алло, я вас слушаю!

Это был, без сомнения, Вовкин голос, но удивительно молодой.

- Вовка, привет! Узнаёшь?! радостно и задорно крикнула она в трубку, как когда-то.
- Я, Иван Владимирович, а вы кто? озадаченно спросил молодой человек.

Ольга Сергеевна смутилась и уже тише спросила:

- Владимира Петровича можно услышать?
- Папа год назад, как умер, ответил сын.
- Извините... обескуражено произнесла бабушка и машинально отключила телефон. Так она поступала всегда, когда ошибочно набирала номер.

Стало обидно и грустно и за себя, и за Вовку. Печальные мысли слезами проявились на глазах: «Вовка-Вовка, друг сердечный! Как же так? Даже не попрощались...» Но очень не хотелось на этот раз впадать в очередное уныние, и Ольга Сергеевна поискала глазами камень для хорошего настроения: «Вот он! Такой же, как был, красновато-золотистый!» Она взяла его в руку и сразу вспомнила, как с Вовкой после выпускного гуляли всю ночь до рассвета и мечтали о счастливой жизни и великих свершениях: «Да, случилось далеко не так, как мечтали, но всё же достигли в жизни многого, вырастили прекрасных детей. А теперь вот внуки!»

Она вспомнила последнюю проделку младшей внучки и рассмеялась. До поздней ночи перебирала волшебные камни и вспоминала, вспоминала... Наконец, устав, легла на кровать, положила, как в детстве, под подушку камень для сладких снов и с улыбкой на лице закрыла глаза. Ей приснилось, что она снова маленькая девочка и бородатый папа, пахнущий дымом, звёздным небом и сосновой хвоёй, протягивает ей в руки маленькую металлическую баночку с очередным подарком от Сибирины. Малышка заглядывает внутрь и с замиранием сердца, в ожидании чуда, рассматривает новый волшебный камень, который сделает её ещё счастливей.

- Для тебя этот мир, доченька! улыбаясь, говорит папа и крепко обнимает
- Спасибо, папочка! Он так хорош! с восторгом отвечает она и осторожно берёт его в руки.

Воробей

Наконец-то закончилась моя первая зимняя сессия, и я с чувством выполненного долга отправился на долгожданные каникулы в маленькую алтайскую деревню, где стоял на семи степных ветрах мой отчий дом. Как же я скучал по родным местам, находясь в большом и незнакомом городе! Уже на подъезде к деревне смотрел и не мог насмотреться через окно пазика на замороженные и покрытые снегом до боли знакомые окрестности. Представлял. как с утра, зная о моём приезде, хлопочет у русской печи моя мама, как отец готовит к растопке баню.

Выйдя из автобуса, почти бегом добирался до дома. У родного порога состоялась бурная встреча, потом праздничный ужин и долгие расспросы: об учёбе, городе, о моих одноклассниках, которые остались в деревне или так же, как я, вернулись погостить на каникулы. На следующий день, лёжа на пухо-

вой перине, я проснулся от яркого солнечного света, пробившегося сквозь причудливо разрисованное морозом оконное стекло.

Плотно позавтракав, я отправился на встречу с лучшим школьным другом Саней, большим любителем охоты. Может, отчасти, поэтому он поступил в военное училище, что не мог без оружия и вечно пропадал с отцом на охоте. В институте я, по случаю, записался в стрелковую секцию, и у меня неплохо получалось стрелять по мишеням, о чём я рассказал другу. Саня решил, не откладывая дела в долгий ящик, тотчас проверить мои навыки в полевых условиях. Тем более, погода этому благоволила. Прихватив родительские ружья, мы отправились прогуляться по окрестностям, заодно и поохотиться. День выдался замечательный: неожиданно по-весеннему солнечный и не очень морозный.

Прогулка на лыжах в такое время одно удовольствие! Радость и умиротворение всегда наполняют душу. И пусть морозец щиплет нос и щёки, а солнышко ещё не греет по-настоящему! Ты всё равно, то и дело, подставляещь навстречу ему лицо, щурясь от нестерпимой красоты зимнего света. А если за спиной ружьё, то такая прогулка приобретает особый смысл, в котором главенствующую роль начинает играть азарт первобытного человека-добытчика. Тогда это уже не просто прогулка на природе, а охота, и ты не просто турист-путешественник - созерцатель окружающих красот, а охотник - самый опасный хищник, повелитель всего живого в округе.

Мы долго шагали по увалам и овражкам, полям и лесу. На ходу любовались родными местами и делились новостями, случившимися за прошедшие полгода. Всюду попадались заячьи и лисьи следы, но те, кто их оставил, упорно не желали встречаться с нами.

День подходил к концу, приближались сумерки, и мы решили проверить последний островок густых зарослей кустарника. Друг велел мне оставаться на месте, а сам собрался обойти их и выгнать на меня неуловимую ушастую живность, если она там спряталась. Я стоял какоето время с ружьём наизготовку, внимательно вглядываясь в промежуток между кустами, где предположительно должны были появиться долгожданные зайцы. Шло время, но никакого движения не происходило. Солнце садилось за горизонт, отчего моя тень всё больше увеличивалась в размерах. Я забросил ружьё за плечо и просто ждал возвращения друга, наблюдая, как на землю таинственно ложатся сумерки. Внезапно что-то заставило меня резко обернуться назад.

На фоне огромного багрового солнечного диска я увидел силуэт лисицы с распушившимся в полёте огромным хвостом. Это было настолько красивое и неожиданное зрелище, что я даже не успел подумать сорвать с плеча ружьё. Так и проводил восхищённым взглядом невероятный лисий прыжок, пока она не скрылась за ближайшим кустом. Вскоре появился мой расстроенный напарник. Он несколько минут назад вспугнул лисицу, но она была слишком далеко от

- Зато я видел её совсем рядом! с довольной улыбкой на лице сообщил
- И...?! вопросительно протянул
- Уж больно хороша была, жалко стало, - честно соврал ему я.
  - Да, ну тебя, охотничек! разочаро-

ванно махнул рукой Саня, и мы молча зашагали домой.

На следующий день погода снова не подвела, радуя безоблачной синевой и ослепительной белизной вокруг. У друга оказались срочные дела, и я решил сходить на охоту один. На самом деле охота была лишь предлогом для совершения ещё одной приятной прогулки по родным местам. Побродив несколько часов по глубокому снегу, я вышел на опушку леса. За всё это время так никого и не

Зайцы по-прежнему были умнее, а лисы хитрее меня. Ружьё оставалось висеть на плечах бесполезным грузом. День был в самом разгаре, и хорошее настроение не покидало, несмотря на усталость, которая разлилась по всему телу от долгого хождения по сугробам. Лишь небольшая досада оставалась на душе, оттого что охота опять не удалась. Второй день не довелось воспользоваться ружьём.

Я оставался туристом, а так захотелось почувствовать себя охотником. Остановившись немного передохнуть, я вдруг услышал громкое и даже, как мне показалось, торжественное чириканье сверху. На вершине самой высокой берёзы, обособленно стоящей на опушке леса, я увидел воробья. Как и зачем он оказался в этом месте, вдали от человеческого жилья, осталось для меня загадкой. Эти птицы не приспособлены жить в лесу, в деревне им гораздо легче найти что-нибудь съестное и спрятаться от мороза. Чудак пел изо всех своих воробьиных сил, задрав голову к солнцу. Что говорил он ему в тот момент? О чём хотел докричаться? Может, о том, что солнцу рад и благодарен за то малое тепло, что дарит оно в зимнюю стужу, или звал весну поскорее явиться вслед за солнцем. Кто знает?

Что на меня нашло в тот момент, какая нечистая сила заставила снять с плеча ружьё и взвести курок? Почти не целясь, я выстрелил. Громом средь ясного неба раздался мой выстрел. Иней бриллиантовым облаком осыпался с вершины берёзы. Из этого облака выпал кувыркающийся маленький серый комочек и упал в снег. Я подошёл к воробью.

Он был ещё живой и судорожно трепыхался, окрашивая снег своей кровью. Быстро пришло осознание чудовищности и нелепости своего поступка. Поспешно поднял птицу, надеясь ещё спасти её, но дробь пробила маленькое тельце навылет. Умирая, бедняга из последних сил пытался клевать мой палец. На душе стало гадко и муторно. Слёзы навернулись на глаза, а в голове пульсировало и билось лишь одно: «Зачем я это сделал? Зачем? Зачем..

С тех пор никогда не ходил на охоту и не стрелял по живому. Свои охотничьи инстинкты иногда гашу в тире, при случае доказывая себе и окружающим, что остался мужиком и с оружием могу обращаться не хуже прочих.

Прошло уже лет сорок, а я всё помню того воробья и мысленно прошу у него прощения. Пытаюсь понять причины своего поступка и не могу найти рационального объяснения. Его жизнь мне была не нужна. Может, хотел доказать кому-то, что я меткий стрелок? Так зрителей не было. Некому доказывать. Решил потешить своё самолюбие ценой его беззащитной жизни? Глупо и жестоко. Что ж мы за твари такие – люди? Даже сами себе иногла не можем объяснить свои действия, а как тогда друг друга нам понять? В утешение себе даже придумал объяснение случившемуся тогда: может, это было уготовано свыше, и ценой его жизни меня отвратили отчего-то более страшного, связанного с оружием.

Всё может быть! Всё может... А воробья до сих пор жалко.

Мистическая встреча

Эту историю я услышал от моего друга и замечательного художника, с которым в далёкой юности случайно свела судьба. Он жил на берегу студёного моря в красивом городе с многовековой историей. Так уж вышло, что мы не виделись много лет, и вот, наконец, я смог приехать к нему в гости на несколько дней. В приятных воспоминаниях и долгих прогулках по старинным уютным улочкам незаметно пролетели эти дни. Незадолго перед моим отъездом друг предложил побывать на старом кладбище города и навестить Учителя.

- Какого учителя? не понял я.
- Как!? Разве тебе никто ещё не рассказал историю про Учителя всех художников нашего города? -- в свою очередь удивился он. - Тогда поехали, я расскажу её по дороге. Мы сели в машину, и пока мимо нас величаво проплывали седые шпили с золотыми петухами, старинные парки и современные высотки, я слушал его неторопливый рассказ.

В далёкие незапамятные времена жили в этом городе молодые художники: Янис, Эдгар и Валдис. Они весь день трудились в своих мастерских, а вечером иногда заглядывали в одну и ту же корчму, где можно было за кружкой доброго вина поговорить обо всём на свете или просто услышать последние городские новости.

Однажды в один из ненастных осенних вечеров, когда совершенно не работалось, художники, словно сговорившись между собой, натянули поглубже шляпы, укутались в плащи и отправились в знакомый им всем

На улице было сыро и темно. Одинокие уличные фонари едва освещали глухие и мокрые фасады домов. Озорной ветер подкарауливал редких прохожих, внезапно швырял им в лицо холодные капли дождя и тотчас уносился прочь, довольно завывая в тёмных углах и чердаках. А в корчме было тепло и уютно. Слегка потрескивали свечи на столах, и тихий гул от редких голосов плутал под сводами. Вскоре молодые люди остались в подвале совсем одни, если не считать одинокого посетителя, дремавшего за соседним столиком. Их беседа, в конце концов, свелась к теме трудности и непредсказуемости пути в поисках абсолютной красоты и совершенства.

- Вот если бы постичь, увидеть разом весь путь к вершинам совершенства, я б мир тогда перевернул и стал бы первым! - размечтался Янис.
- Куда тебя, однако, занесло! ухмыльнулся Валдис. - Такой дар подвластен только богу, а мы всего лишь люди. Всем смертным суждено свой путь пройти вслепую: искать, страдать и ошибаться; а правильно идёшь или блуждаешь - покажет только время. Нам лишь мечтать об этом остаётся...
- Вы все хотите, чтобы путь ваш озарился? Постичь всё разом не боитесь? - вдруг раздался голос с соседнего столика. Художники с удивлением посмотрели на незнакомца. Его взгляд выражал любопытство и грусть. Печальная улыбка слегка касалась тонких губ. Весь внешний вид собеседника, одежда, посох и дорожная сума говорили о множестве пройденных дорог и долгих годах скитаний. Словно заворожённые, молодые люди один за другим кивнули головами.
  - Да!
  - Конечно!
  - Если б это было возможно!

- Что ж, вы сами этого хотели! Смотрите же, потом не пожалейте! – сказал странник.

Он взял в руки посох и очертил перед собою в воздухе круг. В тот же миг всё, что было вокруг, стало расплываться и исчезать, а вместо этого перед изумлёнными взорами друзей предстал невиданный доселе мир красоты и гармонии, в котором форма, цвет и звуки были доведены до абсолютного совершенства. Увиденное ошеломило, все трое поняли, как далеки они от этого, как ничтожны и робки все их попытки приблизиться к желанной цели. Вскоре волшебный мир исчез, а вместе с ним и загадочный странник. Потрясённые художники долго ещё сидели, молча пытаясь осмыслить случившееся.

Первым очнулся Эдгар, он вдруг резко встал и, не попрощавшись, выбежал на улицу. Сырой ветер холодом дохнул в лицо, пробрался под плащ и мелкими противными мурашками пробежался по телу. Художник поёжился и огляделся по сторонам, невольно сравнивая окружающий мир с только что открывшимся в подвале.

Это сравнение привело его в ужас: настолько реальный мир отличался от увиденного, что стал казаться омерзительным и даже враждебным. Мокрые дома представлялись ему монстрами с десятками горящих злобой глаз. Голые деревья под завывания ветра гнулись от страха, судорожно отгоняя темноту своими корявыми ветками. Не было больше сил всё это видеть, и Эдгар бросился бегом домой, но даже там, в своей мастерской, кошмар продолжился.

Ничтожными казались все его картины и бесконечно далекими от совершенства. Он увидел непреодолимую для одной жизни пропасть между тем, что достигнуто, и тем, к чему надо стремиться. Тогда, доведённый до отчаяния, Эдгар схватил со стола попавшиеся под руку ножницы и выколол себе глаза. чтобы ничем больше не омрачать тот прекрасный мир, что открылся ему однажды.

С тех пор многие могли видеть на улице слепого нищего с блаженной улыбкой, навсегда застывшей на его лице. Он почти никак не реагировал на окружающий мир. Если ему давали из сострадания корку хлеба, Эдгар равнодушно брал её, но ни слова благодарности в ответ никто не слышал. Вскоре несчастный тихо умер от голода и холода под тёмным сводом каменного моста. Даже смерть не смогла стереть с его истощённого и обросщего лица эту странную улыбку. Такие же нищие снесли его на кладбище и закопали. Со временем могильный холм просел, зарос, и никто не мог даже подумать, что на этом месте покоится душа, познавшая вершины совершенства.

Янис, вернувшись в мастерскую, долго размышлял над увиденным. Да, жизни не хватит пройти весь путь, и разом изменить весь мир не получится. Зато теперь он знал направление пути и был на шаг впереди. Грех было не воспользоваться таким случаем и хотя бы не заработать на этом.

Он с энтузиазмом принялся за дело. Одно за другим выходили из-под его кисти прекрасные полотна, которые по достоинству оценили богатые современники. Вскоре слава о нём вышла за пределы города и дошла до самого короля. Правитель был очарован творчеством Яниса и назначил его придворным художником. Теперь уже все вельможи королевства считали своим долгом приобрести картины нового фаворита.

Через какое-то время любимец короля стал одним из самых богатых людей во всём королевстве. Всё больше сил уходило на то, чтобы сильные мира сего считали его лучшим, всё меньше оставалось сил и желания работать за мольбертом. Когда пришло время, хоронили придворного художника с большими почестями, как знатного вельможу и очень богатого человека. На одно надгробье столько гранита и позолоты ушло, что живые позавидовали.

Прошли годы, неумолимое время стерло память об этом человеке. Позолота осыпалась, а гранитные плиты потрескались и заросли травою. Никто не мог уже прочесть на них слова, некогда выбитые золотом, что здесь покоится лучший художник своего времени.

Вернувшись в свою мастерскую, очарованный и потрясённый Валдис несколько дней не выходил на улицу. Всё это время он пытался осмыслить произошедшее с ним. После долгих раздумий художник пришёл к выводу, что одной жизни ничтожно мало, чтобы пройти весь путь в одиночку.

Тогда он решил собрать как можно больше молодых художников и передать открывшиеся знания. Это позволит им избежать многих ошибок, а значит, значительно сократит бесконечно долгий путь. Ученики, в свою очередь, учась друг у друга и совершенствуясь, передадут знания и опыт другим поколениям.

Так рассудив, Валдис до конца дней своих учил других. Десятки учеников пошли по его стопам, продолжив начатое им дело по всему миру. Когда Учитель умер, художники со всех концов света пришли проводить его в последний путь. В знак благодарности они установили на его могиле надгробную плиту в виде белоснежной мраморной палитры, на которой были высечены слова «Учителю от благодарных учеников». Вот уже на протяжении многих веков на ней никогда не высыхают краски живых цветов...

Друг закончил свой рассказ, и до самого кладбища мы оба молчали. У самого входа нас встретили милые бабушки-старушки и наперебой предлагали, как они уверяли, самые красивые на свете цветы. Солнечные лучи путались в их седых локонах и морщинах. Мудрые, выцветшие от времени глаза смотрели на нас тепло и грустно. Я увидел в них сказочных добрых фей, специально пришедших сюда из далёкого детства, чтобы продолжить наяву рассказанную сказку.

Мы купили у них дивные розы и вскоре, в большом волнении, подошли к белой палитре, усыпанной цветами. Вместе сделали поклон, и наши цветы коснулись волшебной палитры, тотчас превратившись в очередные живые краски. В эту минуту я почувотвовал себя стоящим на бесконечном пути к гармонии и совершенству.

Вечером того же дня мне надо было уезжать, до поезда оставалось несколько часов, и мы с другом решили прогуляться по ночному городу. На одной из уютных улочек нам попался ресторанчик, расположенный в подвале очень старинного дома. Устав бродить, решили скоротать время за чашечкой кофе или чего-нибудь покрепче. Здесь было тепло и уютно. Слегка потрескивали свечи на столах, и тихий гул от редких голосов блуждал под сводами.

Друг увидел за одним из столиков двух своих знакомых, и мы присоединились к ним. Оказалось, что они тоже художники, и я, находясь ещё под впечатлением от недавно услышанной истории, обратил их внимание на удивительное совпадение. Троица рассмеялась, но потом, как-то быстро, все погрустнели и задумались.

Наконец, один из них выразил мысли вслух: «Да, это всего лишь легенда, а всё же жаль, что невозможно увидеть разом и постичь весь путь к вершинам совершенства». Художники, в знак согласия, закивали го-

- Вы все хотите, чтобы путь ваш озарился? Постичь всё разом не боитесь? - вдруг

раздался голос от соседнего столика. Мы с удивлением посмотрели на незнакомца. Его взгляд выражал любопытство и грусть. Печальная улыбка слегка коснулась тонких

Питерские истории 1. Новая встреча (вступление)

А вы бывали в Санкт-Петербурге? Если нет, то обязательно посетите его, хотя бы раз в жизни. Кто там был - меня поймёт. Человек, побывавший в нём однажды, непременно захочет туда снова и снова. Этот город постоянно будет вам сниться, будоража в душе приятные воспоминания. Он распахнёт ваше сердце навстречу к нему и там навсегда поселит любовь к себе.

Да, да, дорогой читатель, вы раз и навсегда полюбите его, несмотря на отвратительную погоду с бесконечной сыростью и вечно хмурыми небесами. Где редкое и непродолжительное появление солнца в течение дня воспринимается как долгожданный и милый подарок. Вы совсем по-другому станете воспринимать солнце. Каждый раз, когда оно ненадолго появится над головой, вы будете испытывать неподдельную радость, как дети, когда им неожиданно дарят их любимую конфетку, не потому что они весь день хорошо себя вели и заслужили маленькую награду, а просто потому, что их любят и хотят лишний раз побаловать.

Это так приятно - сознавать, что вас кто-то любит, просто так, за то, что вы есть на этом свете.

Как все влюблённые, вы не будете обращать внимание на какие-то изъяны и недостатки города, потому что у предмета любви их не бывает или они настолько несущественны, что на них не стоит обращать и капельки внимания. А порою недостатки воспринимаются как исключительная особенность предмета обожания, тем самым подчёркивая его единственность и неповторимость.

Согласитесь, не может у любящего ребёнка быть плохою мама, а у влюблённого юноши - некрасивой подруга. Поэтому промозглая погода или свинцовый цвет воды в Неве, да мало ли что ещё может быть в большом городе, всё это - всего лишь изюминки города, в который вы влюблены навеки. Зато достоинства его будут увеличены стократно через призму влюблённого взгляда. Тогда золотой шпиль Петропавловской крепости силой вашего воображения пронзит и будет держать всё питерское небо, а Невский проспект подарит необыкновенное чувство праздника. Решётки Летнего сада приведут в умиление и трепет. Дворцовая площадь восхитит своим видом, а храм Спас-на-Крови приведёт в неописуемый восторг.

Первый раз я был в этом городе давным-давно, будучи ещё студентом. Тогда он назывался Ленинград. Всю неделю моросил дождь, даже не дождь, а водяная пыль постоянно стояла в воздухе. Я целыми днями носился по музеям и улицам города, не щадя своих ног, стараясь как можно больше впитать в себя этот город. Когда ночью закрывал глаза, то сразу не мог заснуть. Долго ещё рябило в глазах от позолоты музейных экспонатов, от архитектурных изысков великих мастеров прошлых веков. Лишь перед самым моим отлётом из аэропорта Пулково впервые выглянуло солнце. Город прощался со мною и на прощание улыбнулся мне питерским недолгим солнышком.

Прошло тридцать лет, моя любовь к нему теплилась в сердце всё это время, грея приятными воспоминаниями. И вот

я, наконец, снова ступил на питерскую землю. Город встретил меня голубым безоблачным небом. Все шпили и купола блистали во всей красе, а на Невском проспекте повсюду гремела му-

Город был безумно рад мне после долгой разлуки - я тоже. Сердце радостно забилось в предчувствии чего-то необыкновенного и удивительного. И чудо случилось! Оно не могло не случиться в этом сказочно красивом городе, в который я влюбился и который терпеливо ждал меня столько лет. Я посетил знакомые места, побывал во многих мне незнакомых уголках города. Наслаждаясь общением с ним, был всецело погружён в любовь к нему и он отвечал мне взаимностью: звучал, блистал, угощал своими вкусностями, ни разу за всю неделю не нахмурился, не расплакался своим фирменным дож-

И вот, в один из дней, прогулявшись по Петропавловской крепости, я вышел на берег Невы под её стенами. Там осмотрел выставку песчаных скульптур и решил прогуляться по пляжу. Сентябрьский ветерок трепал мою ветровку. Солнышко периодически улыбалось с противоположного берега, выглядывая из-за белых облаков, и каждый раз от этих улыбок вспыхивал золотом купол Исаакиевского собора, словно отвечая светилу, что и он ему безумно

Я увидел на песке, недалеко от воды, большой деревянный ящик, решил присесть на него и перекусить недавно приобретённой в киоске булочкой, а заодно полюбоваться панорамой города, что раскинулась на противоположном берегу. Пляж был абсолютно пустым, если не считать одного пожилого гражданина с длинными седыми волосами в семейных трусах. Он неожиданно вышел из-за каких-то временных сооружений, что стояли у стен крепости, прошёл мимо меня, зашёл по колена в воду, немного побрызгал руками на себя и также молча удалился обратно.

Не успел я достать булочку, как тотчас, невдалеке, появился старый ворон. Он остановился напротив меня и с любопытством рассматривал мой скромный обед. Я отломил небольшой кусочек и бросил ему. Ворон быстро справился с моим подарком и благодарно каркнул. Я бросил ещё, но уже гораздо ближе. Он, нисколько не опасаясь, подошёл и склевал мою подачку. Тогда я отломил кусочек крупнее и протянул его смелой птице:

- Бери, не бойся, сказал ей.
- А я и не боюсь, спокойно ответила она на чистом русском языке и взяла клювом из рук моих пищу. Я почему-то нисколько не удивился, а просто подвинулся на ящике и пернатый, высоко подпрыгнув, приземлился рядом.
- Ты, наверное, самый сказочный ворон на свете? -- почтительно спросил я
- Почему самый? Обыкновенный сказочный ворон, нас таких много здесь живёт...
- Ты, наверное, очень долго живёшь на этом свете и можешь рассказать много удивительных историй про этот город? - с надеждой спросил я.
- Да уж, немало. И слышал, и самому участвовать приходилось. Всякое было... - ответил ворон и замолчал, будто вспоминая что-то.

г. Новокузнецк.

POCCHINA POCCHINA

Вячеслав ЕЛАТОВ

Уважаемая редакция альманаха «Усятская россыпь»!

Предлагаю вашему вниманию три статьи, которыми я в разное время и по разному поводу откликался на выпуски вашего альманаха. В случае положительного решения, вы можете выбрать любую из них, либо предложить читателю всю подборку. У меня одно условие: ничего в текстах не менять. Этому правилу – "что написано пером" – я и сам следую: не перерабатываю – "не вырубаю топором" – готовых к публикации статей, даже в своё время не опубликованных.

Вячеслав Елатов. г. Прокопьевск.

Неюбилейная

Настоящая статья была написана тридцать без малого лет тому назад, то есть для пап и мам нынешних двадцати – тридцатилетних. Тогдашнее её название представлено в подзаголовке. Тогда она была юбилейной: мы отмечали 200-летие Великой французской буржуазной революции. К сожалению, с первой попытки эта работа до читателя не дошла, упокоившись в одной из редакционных корзин для бумаг. Привычное дело, как говаривал литературный герой из повести Василия Белова: у меня уже были работы, которые публиковались, как выдержанное вино, через 10, 20 и даже 25 лет после первого их предъявления. Однако дело не только в их крепости.

Дело в том, что именно современность, злоба дня, то есть сегодняшние и завтрашние заботы побуждают нас вновь и вновь перечитывать классику мировой литературы. Притчей во языцех стали, например, сегодня цветные революции. И мы ломаем голову над тем, каковы же были и остаются предпосылки для манипуляций общественным сознанием. Что по этому поводу говорит нам литературная классика? That is the question! – как некогда сформулировал Шекспир свой гамлетовский вопрос: читать – нельзя выбрасывать.

Юбилеи приходят и проходят, а вопросы, затронутые в некогда юбилейных статьях, остаются...

Классика и современность

политолог судит о происходящем, анализируя расстановку политических сил в обществе, оценивая политические партии и другие общественные движения, и, опираясь на исторический опыт, пытается прогнозировать варианты развития событий. Филолог размышляет о современности тоже в ретроспективе былого, запечатлённого в классических произведениях искусства; нравственный опыт предшествующих поколений позволяет ему расширить своё представление о том, что мы называем "сегодня", и приподнять краешек завесы, отделяющей нас от "завтра".

В кабинете литературы одной из прокопьевских школ под портретом Льва Толстого учитель поместил замечание русского классика о том, что читать всего совсем не нужно: читать стоит

только то, что отвечает на возникающие в душе вопросы. Если согласиться с этим, то сегодня, например, мы больше всего ломаем голову над проблемами демократии и диктатуры, революционного насилия и гражданского мира и ищем ответы на эти вопросы в художественных произведениях. Так современность диктует нам обращение к классике. А тут ещё и даты.

"Некруглая" годовщина Великой Октябрьской социалистической революции воспринимается нами сегодня на фоне вполне "круглой", отмеченной недавно во французском департаменте Вандея. Двести лет назад в этой глухой провинции начался контрреволюционный мятеж, вписавший одну из самых трагических страниц в историю Великой французской революции. Открытие памятника жертвам революционного террора вызывает желание вновь обратиться к страницам романа В. Гюго, название которого «93-й год» говорит само за себя.

Центральный персонаж романа Говэн сродни нашим декабристам-аристократам, выступившим против неограниченного монархического правления. Воспитанник священника, ставшего одним из влиятельнейших комиссаров республики, он ведёт со своим бывшим наставником спор, который острой болью отзывается сегодня у читателя, будь то француз или русский. "Смотрите, -- говорит он своему учителю Симурдэну, – как бы террор не стал позором революции". И продолжает: "Не надо творить зла, чтобы творить добро. Низвергают трон не для того, чтобы уцелел эшафот. Смерть королям, и да живут народы. Снесём короны и пощадим головы. Революция - это согласие, а не страх. Жестокосердные люди не могут верно служить великодушным идеям. Слово "амнистия" для меня самое прекрасное из всех человеческих слов".

Над проблемой революционного насилия и гражданского согласия мы задумались не сегодня. Поколение "шестидесятников" помнит, каким откровением прозвучала для них повесть советского писателя Павла Нилина «Жестокость». Сотрудник уголовного розыска Венька Малышев заплатил за свою позицию по тому же большому счёту, что и его далёкий французский предшественник из романа Гюго. Главным в этой позиции было именно возражение против того, чтобы ставить знак равенства между революцией и террором.

Перечитывая сегодня знакомый нам с детства роман, мы находим много об-

щего между событиями, последовавшими за буржуазной революцией во Франции и социалистической в России, и невольно обращаем внимание на те реалии, которые прочно ассоциируются в нашем сознании с Октябрьской революцией и гражданской войной. Например, отмечаем, что обращения "товарищ" и "гражданин" уже были в речевом обиходе "синих", защищавших республику от "белых". Такое же "открытие" мы делаем по поводу резко негативного отношения к религии, когда одно лишь восклицание с упоминанием имени Иисуса вызвало незамедлительную реакцию со стороны сержанта Радуба: "Ну-ну, без суеверий!" Да и красный цвет, оказывается, пришёл к нам на демонстрации не из 1917 года; батальон республиканской армии, углубившийся в трагический Содрейский лес и вскоре зверски истреблённый по приказу маркиза де Лантенака, назывался «Красный колпак».

Упомянутый эпизод, о котором читаем в начале романа, как, впрочем, и весь сюжет с подбором героев и патетической развязкой (напоминающей коллизию романа английской писательницы Э.Войнич «Овод»), свидетельствуют о том, что Гюго не без сочувствия относился к "синим", а в Вандейском мятеже видел проявление трагической слепоты отсталых в политическом отношении народных масс. Вот как об этом сказано устами гренадёра, которого возмутило невежество местной крестьянки: "...отца сеньор искалечил, ихнего дедушку из-за кюре сослали на галеры, ихнего свёкра король повесил, а они, дурьи башки, сражаются, устраивают мятежи, готовы дать себя уложить ради своего сеньора, кюре и короля!" От своего имени писатель говорит о "вандейском синдроме" в контексте исторических судеб трудового народа так: "Бретань – завзятая мятежница. Всякий раз, когда в течение двух тысяч лет она подымалась, правда была на её стороне; на сей раз она оказалась неправа".

Мы можем соглашаться с писателем или нет; но мы не можем сегодня позволить себе роскоши оставаться глухими к тому, в чём был убеждён один из величайших людей Франции: "Все наши начинания, наши первые шаги в законодательстве и просвещении, наши энциклопедии, наши философы, наши гении, наша слава разлетались в прах, натолкнувшись у подступов к Бретани на Гуру; набат в Базуже возвещает угрозу французской революции; пустошь Фау подымается против наших шумли-

вых площадей; а колокол в О-де-Пре объявляет войну башням Лувра.

Трагическая глухота.

Вандейский мятеж был зловещим недоразумением".

Мы читаем о Франции конца восемнадцатого века с думой о России конца двадцатого. Не проявляем ли и мы сегодня "трагическую глухоту"? Не отзовутся ли наши потомки о ниспровержении Советской власти как ещё об одном трагическом "недоразумении"?

Писатель может ошибаться в частностях. Но великие писатели никогда не ошибаются в главном — в своём сочувствии к обездоленным и отверженным. Это в полной мере относится и к В. Гюго с его парижским беспризорником Гаврошем, павшим от пуль версальцев, и красавицей-цыганкой Эсмеральдой, лишь после смерти нашедшей успокоение в объятиях урода Квазимодо.

"Вандейский синдром" не исчерпывает всего спектра народных умонастроений, полное представление о котором нам даёт отечественная литература. С одной стороны, мы имеем дело с рабской психологией заклеймённых Некрасовым "холопов":

Люди холопского звания — Сущие псы иногда: Чем тяжелей наказания,

Тем им милей господа. Другая сторона спектра отражает то, по определению православного мыслителя Сергия Булгакова, "варварство", ту "пугачёвщину", которые не могли не вызвать панического ужаса у Петра Гринёва (чьи слова о "русском бунте, бессмысленном и беспощадном", отождествляются порой с точкой зрения автора «Капитанской дочки»). А между этими крайностями мы нахолим всевозможные оттенки и переходы, характеризующие отношение мужика к барину. Например, в повести «Дубровский» мы читаем о том, как становятся разбойниками крестьяне из Кистенёвки, заступаясь за своего господина. Запоминается ярко выписанная фигура кузнеца Архипа, разделившего с молодым Дубровским последние мгновенья его пребывания в отчем доме. Симптоматично, что такое доброжелательное отношение людей, подневольных к своим господам, не является специфически русским. Подобным же образом, например, приходит на выручку своей хозяйке Скарлетт темнокожий великан в романе американской писательницы Маргарет Митчелл «Унесённые ветром». Под знамёнами маркиза де Лантенака в романе «93-й год», несомнен-

но, было немало таких крестьян.

Но были и другие, оказавшиеся в рядах мятежников вследствие искажённого представления о происходящем. Такое тоже бывает. Понять природу такого "недоразумения" помогает нам П. Краснов в романе «Цареубийцы». Извозчик, увозящий Веру Ишимскую с площади Казанского собора после разгона студенческой сходки, так комментирует увиденное: "И знамя у их!.. Я видал... Зна-а-мя... Красный такой флаг. И надпись по ему: "земля и воля"... Ить чего господа не надумали. Им хошь белая берёза не расти! Землю чтобы, значит, отобрать от крестьян и волю обратно вернуть. Государь император даровал - так вот им, значит, не пондравилось. Обратно желают. Опять, значит, крепостное чтобы право... Чистый мигилизм...".

Кроме того, рядом с Лантенаком могли оказаться убеждённые сторонники уходящих в прошлое общественных отношений, отравленные сознанием личного преуспеяния, то есть вчерашние бедняки, мнящие себя завтрашними сеньорами. И. Бунин дал пример такого преуспеяния, когда потомок затравленного собаками по приказу барина крепостного становится владельцем имения своего бывшего господина. Верный правде жизни, писатель не преминул при этом отметить ту пропасть, которая сразу же отделила новоявленного "сеньора" от его вчерашних товарищей по несчастью. Один из мужиков, с перекошенным злобой лицом, бросает этому новому "господину": "Ты, дурак седой! Ай я сам не знаю, сколько землито у тебя? Сколько, кошкодёр? Двести? А у меня — чёрт! — у меня её и всей-то с твоё крыльцо! А почему? Кто ты такой? Кто ты такой есть, спрашиваю я тебя? Из каких таких квасов?

Задолго до Бунина большой знаток деревенской жизни Писемский в рассказе «Батька» приводит рассуждение крестьянина о том, что такое богатый мужик: "Наипервая бестия изо всех; потому что где мужику взять: он и барину подай, и в казну, и в мир. А рукито всего две -- значит, когда хочешь богатеть, - плутуй! И если теперь наш брат разбогател, разве доброе и хорошее он творить станет, - жди того, как же, пить да жрать, да... В священном писании именно про мужиков, должно быть, сказано, что легче борову свиному пройти в игольные уши, чем богатому в царство небесное, потому что он, аки сатана, со всеми смертными грехами путами спутан".

Давно это было написано. В 1861 году. Но такое уж ли это для нас прошлое, чтобы самым внимательным образом не прислушаться к нашим выдающимся предшественникам? Не подсказывает ли нам классика и в данном случае объяснение современных проблем?

Писатель может ошибиться в ответе. Но великие писатели никогда не ошибаются в постановке вопросов. К числу таких жизненно важных мы можем отнести и этот, получивший чеканную законченность под пером Некрасова:

Средь мира дольного Для сердца вольного Есть два пути. Взвесь силу гордую, Взвесь волю твёрдую, — Каким идти?

Ответ Гриши Добросклонова тоже укладывается в упомянутый спектр народного самосознания, представляя собой ярко выраженную альтернативу "вандейскому синдрому". А всё ведь подсказывает классика - сводится к поиску личного человеческого счастья. Господин Лужин, например, в «Преступлении и наказании» проповедует: возлюби себя самого; я буду счастлив, ты будешь счастлив, он будет счастлив все будут счастливы и довольны. А "разумные эгоисты" Чернышевского вычитали из Святого писания самое сокровенное: возлюби ближнего, как себя самого; ты хочешь счастья для себя, и это естественно; но ты не можешь быть счастлив, пока страдает ближний; ради себя - помоги ему, и ты обретёшь своё счастье.

Можно по-разному относиться к приведённым выше призывам. Но одному из них каждый из нас рано или поздно отдаёт предпочтение. И тогда в нас заговорит современность. А классика остаётся эталоном морали, однозначно отвергающей индивидуалистическое сознание. Прислушаемся, и мы услышим исполненные глубокой мудрости слова пушкинского цыгана, осуждающего себялюбца Алеко:

Ты не рождён для дикой доли, Ты для себя лишь хочешь воли...

Нравственный опыт, закреплённый в литературных произведениях, делает возможным сквозь призму настоящего заглянуть в будущее. Тут к нашим услугам утопии и антиутопии, которые представляют собой связующее звено между литературой, воспроизводящей реальную действительность, и жанром научной фантастики, устремлённой в "завтра".

Если «Чевенгур» А. Платонова воспринимается ещё как по-щедрински злая сатира на настоящее, то романы «Мы» Замятина и «1984» Оруэлла уже звучат как грозное предостережение: смотрите, мол, куда вас может угораздить, если не образумитесь! Что ж, скажем мы, всё верно, и вспомним мудрого фонвизинского Стародума с его убийственным вердиктом для господ Скотининых всех времён и народов: "Вот злонравия достойные плоды!" Но это всё ещё главным образом социологические сочинения, причём крепконакрепко привязанные к определённым политическим ситуациям. Обратимся к жанру собственно научной фантасти-

Кто из нас не читал в детстве Жюль Верна? Чьё воображение не будоражили в юности романы Герберта Уэллса? Кого сегодня нетрудно оторвать от книги современного писателя-фантаста? Но лишь немногие из нас, "детей изрядного возраста", отдают себе отчёт, каким глубоким пессимизмом пронизан этот жанр у писателей "всего цивилизованного мира". Мы не ошибёмся, если скажем, что тон этот был задан «Машиной времени» Уэллса, по прочтении которой ещё долго не хочется ни читать, ни смотреть телевизор, ни слушать радио...

Такой же трагической безысходностью, подкреплённой публицистически выраженным разочарованием в буржуазной цивилизации, веет на нас со страниц рассказа Брэдбери «И грянул гром», где описан тот же способ путешествия на машине времени, но уже

поставленный на поток цивилизованного бизнеса...

Фантасты могут ошибиться в своих догадках, касающихся достижений науки и техники и будущего общественного устройства. Но настоящие писатели никогда не ошибаются в главном: в косвенной оценке настоящего, то есть современной им действительности. Их предположения о будущем человечества подпитываются той средой, в которой им выпало жить.

Свой роман «Туманность Андромеды» выдающийся советский учёныйпалеонтолог И. Ефремов создавал в полемике с указанной тональностью западной англоязычной литературы. Он так объяснял в 1961 году возникновение замысла: "Я тогда прочёл подряд десятка полтора – два романов современных западных, главным образом американских, фантастов. После этого у меня возникло отчётливое и настойчивое желание дать свою концепцию, своё художественное изображение будущего, противоположное трактовке этих книг, философски и социологически несостоятельных". Писатель сделал попытку создать убедительную картину высокоразвитого коммунистического общества. Упоминанием об этой книге можно поставить точку в статье, посвящённой 76-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

1993 г.

Ода

Вначале было лишь слово... Наука теперь готова Вручить цифровой нам проект: Не только станок печатный Эффект тысячекратный Сулят нам АСУ*, суррогатный Искусственный интеллект.

> АСУ* — Автоматическая система управления 27.11.2021 г.

Если что

Если в неизречённое вкралась вдруг ложь, Словом обманным наш слух не тревожь.

Словом обманным наш слух не тревожь. Брат-стихотворец, маску надень: Слышишь, как плачет о дереве пень?

Если вздор несусветный

и в мненьях распад, Знать, декаданса к нам новый накат. Горе-писатель, маску надень, Чтоб не тужить, как о дереве пень.

Если мрак непроглядный затмил ясный день,

Если кто-то наводит

нам тень на плетень, Друг мой читатель, маску надень: Он был без маски, несчастный тот пень... 24 декабря 2021 г.

Христианские притчи

1. Следы на песке

Всю жизнь неторёной тропою Господь шёл бок о бок со мною. Но в самых кошмарных местах Мой спутник порой отступался: Один лишь там след оставался... И я ощутил жуткий страх. Но милостив наш Вседержитель — Со мной был всё время Хранитель: Он нёс там меня на руках.

31.12.2021 г.

2. В храм не пускают

Иисус миновал уже храм,
Как понял вдруг по голосам:
Кого-то опять выдворяют.
Не так, мол, стоял и одет,
Не выучил, мол, этикет:
Кого там и как привечают...
"Крепись, — утешает Христос. —
Не плачь!.. Хоть обидно до слёз:
Они и меня не пускают...".

4 января 2022 г.

Стать хорошей девочкой

Индийская притча

Девочка Бога усердно молила:

"Сделай так, Боже, чтоб я не шалила!"
Как отвечал ей Господь наш, бог весть...

"Бог, мама, или не смог переделать, —
Ну, ничего тут со мной не поделать! —
Или решил оказать мне Он честь;
Верит Бог: вырасту я — и исправлюсь...
Ну, а сегодня — я так Ему нравлюсь:
Просто такой, мам, какая я есть".

6 января 2022 г.

Спасибо!

За жизнь из воскресшего ока, За свет из сплошного потока, За счастье увидеть зарю; За небо, что стало вдруг ясным, За солнце, что звали мы красным, За время, что будет прекрасным — Сердечно благодарю!

14 января 2022 г.

Однако

С прототипом является

к нам вдохновенье —

Даже в замысле нашем

живёт прототип; С прототипом рождается

ожоается наше творенье,

И читатель стремится

открыть прототип. Сочиненье немыслимо без прототипа— Оно вскоре читателем будет забыто. Ты, однако, писатель, с ним будь начеку:

Не томись ты в плену

своего прототипа, Достигай высоты обобщённого типа, Опасайся плестись с ним, как на поводу. Знать об авторском

замысле необходимо, Хотя автор и волен все планы менять. Но и наше желанье вполне объяснимо: Весь чтоб творческий путь,

как он есть, представлять. О задуманном автором нужно нам знать,

Чтоб с написанным разницу

лучше понять.

Ты, друг-критик, особенно будь начеку: Не томись ты в плену того

первого плана, А гони клубы прочь напускного тумана, Не плетись ты у замысла на поводу. Знать нам почерк поэта необходимо: Ведь в подстрочнике

свойств поэтических нет. Только в стиле поэта таится незримо Настоящей поэзии главный сюжет. Так что почерк поэта нам

следует знать,

Чтоб потом его лучше

в стихах передать. Переводчик! Однако ты будь начеку: Не томись ты в плену самосуда-поэта, Не страшись его громкого авторитета, Не плетись за поэтом, как на поводу. 20 января 2022 г.

Прокопьевск

Наталья КАЗАНИНА

Казанина Наталья Анатольевна

Родилась 3 сентября 1972 года, по образованию – инженер-конструктор швейных изделий. Работала портнихой, технологом на швейной фабрике, дизайнером по шторам. Замужем, трое детей, два внука. Живёт в г. Осинники, член поэтического клуба «Кедр» с 2004 года.

Счастье мирское – призрачно

***

Время под горку катится, Годы летят стремглав. Уж износилось платьице, Да изменился нрав.

Лживо влеченье скорости В гонке за счастьем вниз. Стащит греховность к пропасти, Если не рваться ввысь.

Счастье мирское — призрачно. Радость его — вода. В ветхости всё, что избрано — Жизни земной страда.

Чем бы душа ни тешилась, Всё — мимолётный дым. Лишь насладится грешная Вкусом всегда живым.

Так насыщает досыта Душу — Любовь Творца. Встретив однажды Господа, Ищет Его Лица.

Время под горку катится. Кратки, лукавы дни... Помни, душа, ты — странница, Вечность в груди храни!

Рождество Христово

Зажигает звезду Вифлеемскую В чистом небе январский мороз, И звучит ликованье вселенское, Что родился от Девы Христос!

Перезвоном хрустального инея Наполняется воздух и слух, И народ славить Бога по Имени Собирает на всенощной Дух.

Воплощением в плоть страшной тайною И рожденьем в пещере, в яслях, Бог являет любовь чрезвычайную: Искупитель — Литя в пеленах.

В Нём — смиренье раба и спасение Всему миру от гибельных уз, В покаяньи — с Отцом примирение, К Вечной Жизни дорога — Йисус.

И являются Ангелы с радостью О Мессии вещать пастухам, Прославляя Создателя сладостно. А звезда — откровенье волхвам.

Вот несут в дар Младенцу взволнованно, За звездой на небесном краю, Мудрецы ладан, смирну и золото — Богу, смертному и, как Царю.

Нынче в храмах звучат песнопения, Полон ангельских гимнов чертог, Миру Дева рождает Спасение. «С нами Бог! С нами Бог!»

Преображение

Оставь истлевшие лохмотья У дней вчерашних за спиной, Когда ты выбирал по плоти Костюмчик свой. Когда вокруг искал закона: За око — око, зуб за зуб, Глядя на ближних возмущённо С сучком в глазу.

Наряд не выправят заплаты— Твою не спрячут наготу. Христос скроил иное платье Нам по кресту.

Из чудной и тончайшей ткани— Её не ест ни червь, ни тля. Спасётся в этих одеяньях Луша твоя.

Гора Фавор едва дышала, Когда с учениками Он Взошёл и был в сияньи Славы Преображён.

Лицо Христа, хитон сверкали Лучами солнца изнутри. Илья и Моисей предстали В беседе с Ним.

Ученики оторопели:
«Сияет свет? Пророки здесь?»
Те в белом облаке взлетели,
И с неба Голос прогремел им:
«Сей Сын Мой есть
Возлюбленный. Его вам слушать!»

И Глас Отца, как трубный рог, Через века доносит душам Писаний слог.

Закон Любви взывает слуху, Преображенья красота, Чтоб облачиться нам по духу В наряд Христа.

Пасха

Нетленность радости пасхальной Впитали чистые сердца, И колокольчики хрустально Звенят в их душах без конца.

Ликует горний мир, и воздух Переполняет Благодать. И вся природа, небо, звёзды Спешат Мессию прославлять.

«Христос воскресе!»— радость женам На камне Ангел возвестил. «Живого ли искать средь тленных? Он жало смерти победил!

Взгляните, нет Его во гробе, Несите весть ученикам.!» И жены в трепетном ознобе Внимали ангельским словам.

«Христос воскрес!» Но усомнились, Глазам не верили чужим Апостолы, и удивились, Когда Господь явился им.

Вкушал на трапезе совместной, Не раз, бывая средь друзей. Фома, не веря, вложил персты В святые раны от гвоздей. «Господь мой, Бог мой!»— он воскликнул, Узрев то чудо из чудес, И в сердце Истина проникла: «Христос воистину воскрес!»

Летит голубкой весть благая.
«Христос воскрес!» — вещает клир.
Открылись верным двери рая.
«Воистину воскрес!» — встречают
Звучаньем праздничных стихир.

«Блажен не видевший, поверив» Тем, кто Евангелие принёс. В его незамкнутые двери Дух изольётся в полной мере: «Воскрес воистину Христос!!!»

Пусть меня вместо вас расстреляют

Девятнадцатый год, век двадцатый. Со старинной усадьбою графской Городок захватили солдаты Большевистской Армии Красной.

Вечер поздний. Вдруг стук в двери дома. Отворила графиня, пугаясь. На пороге совсем незнакомая Санитарка стоит молодая.

Что случилось? — графиня спросила.
 Я случайно увидела в строчках
 О народных врагах ваше имя.
 Арестуют вас этой же ночью!

Уезжайте скорее отсюда, А иначе расстрел неминуем! — Младший сын тяжко болен простудой. Двое деток. Куда побегу я?

Нас на первом возьмут перекрёстке. Как же быть? Санитарка: «Я знаю! Назовусь вашим именем просто. Пусть меня вместо вас расстреляют.

Мать опешила: «Вам зачем это? Со смирением та отвечала: «Принесла в детстве Богу обет я, Как в болезни совсем угасала.

Коль поднимет с постели здоровой, То Ему я себя предназначу! И я встала под Божьим покровом — Не презрел Бог молитвы горячей.

Подросла, в монастырь поступила. Революция. Хаос повсюду. Власти нашу обитель закрыли И монахинь прогнали оттуда.

Я пошла к тем, кто болен и страждет — В лазарет, и помощницей стала. Но обет, данный Богу однажды, Вижу я, что пока не сдержала.

Принимайте моё предложенье!
Здесь нужней вы. А мой смысл ныне:
Жизнь — Христос, смерть же — приобретенье...
Зарыдала в ответ ей графиня.

Год прошёл. Расстреляли сестричку. За границу графиня бежала,

И в провинции в стенах больничных Санитаркой для немощных стала.

Образованная и красотка, Благородных кровей от рожденья Отказалась от лучшей работы, От замужества беззаботного, От заманчивых всех предложений.

И однажды французской газете В интервью о тяжёлом служенье На вопрос журналистки ответит: «Это выбор мой без сожаленья.

Молодая девчушка когда-то За меня и детей поплатилась. В небесах ей у Бога — награда. Но не зря кровью жизнь окропилась!

Пребывать в удовольствиях ярких Не хочу! Она видит, я знаю. И поэтому жизнь санитаркой Я сейчас за неё продолжаю».

Февраль

Февраль. А весна уже втиснулась в двери, Дыхания тёплого выпустив пар. Дремавшим сугробам поверх колыбели Белёсым туманом повесила шарф.

Прикрыла домов неприглядные стены, От взора укутав в тончайший батист, Вчерашних морозов сняла гобелены, Которые с кроной деревьев сплелись.

Продрогшие ветви седой паутинкой Стянула, коснувшись нежданным теплом, И звонко запели заевшей пластинкой Синицы, устроив концерт под окном.

И птичий задор, и торжественность встречи Откликнулись с радостью в нас поутру. Столь ранний приход гостьи был безупречен. В Сибири невеста пришлась ко двору.

Пандемия злобы

Мир накрыла волна— С пандемией война. Нашей злобы мутировал вирус. Зараженья цена— Сносит мозг сатана, Души в панике рвёт, как папирус.

Или на смех берёт,
Расслабляя народ,
Раздувая нелепую гордость,
Что до нас не дойдёт,
Но ещё оборот —
И болезнь увеличила скорость.

Вот попавшим в силки
Не спешат дать руки,
Набивает карман бессердечность...
Но сегодня для нас
Богом выданный шанс:
Сдать экзамены на человечность.

Встала правда одна — В помощь нам тишина, Карантином вошедшая в души.

Will works to

Чтобы каждый до дна Смог увидеть сполна: Изнутри пандемией разрушен.

Кто от смертных грехов До конца не оглох, Через Таинства Церкви спасайтесь! Снова блудный народ Божий Голос зовёт: «Царство близко Моё. Покайтесь!»

Сосна

Завернула сосна в иголки Золотую листву берёз— Будто огненные заколки В пышных чёлках её волос.

Ветер даме помог с укладкой, Над сосной, не дыша, кружил И, дотронувшись каждой прядки, Лист услужливо подносил.

Напоследок вручил подружке Всю охапку листвы и смолк, Рассыпая янтарной стружкой У сосновых изящных ног.

Стиснув в иглах распада роскошь, Рыжим солнцем ослеплена, Удивляет цветной причёской Та, что вечно была зелена.

Наряд для Лёвки

Был покуда мороз не в деле (Нрав сибирской зимы изменчив), Мы в предпраздничной канители Спохватились о брате меньшем.

Коль ударит мороз нахрапом, Спляшет пёс за окном мазурку. И решила я сшить на лапы Цля знакомого шпица бурки.

Раскроила велюрчик алый, Притачала велькро-застёжку, И кайма вверху заблистала Серебристая на сапожках.

Загорелось ещё для смеха, И уже не заботы ради, Сшить колпак красный с белым мехом, Чтобы быть ему при параде.

Только псина не оценила Всех трудов моего вниманья. Лишь хозяйка его нарядила, Был напуган до бессознанья.

Как в коньках, разъезжались лапы, По паркету едва ступая. И на морду сползала шляпа, Лентой горло пережимая.

Ио лишь вывели на прогулку, На мороз, прогуляться Лёвку, Стало сразу теплее в бурках, И одобрил вдруг пёс обновку.

Прощание с зимой

Уже глядели в спину Заплаканной зиме, На чёрный снег в ложбинах, Сухой ковыль в земле.

Вскрывались вербы почки, И от весны привет: На отогретой кочке Влёк жёлтеньким веночком Пушистый первоцвет.

Но крепко сжала скулы, Обиду затаив, Зима, и оглянулась, И поутру вернулась, Всё снегом завалив.

Поля укутав шалью, Деревья— в блузы-топ, Сад превращая в спальню Для царственных особ.
Весну не сдержит снежный Обид круговорот,
Когда стал неизбежным Давно зимы уход.

В обед из тучи грузной, Весне рукоплеща, Явилось солнце-узник, Сдирая белый узел, Сказать зиме: «Прощай!»

Когда мирская шелуха Слетает с сердца, То открывается она— Златая дверца!

И согревает теплотой Неопалимой, Всё заполняя красотой Необъяснимой...

Царит блистание огня Иного света— Он ярче солнечного дня В разгаре лета.

Прочнее самых крепких уз И легче пуха! В нём тишины медовый вкус, И радость духу!

А тучи в небе всё мрачней И злятся градом. Но так светло в груди моей! И я так рада!

Песок времени

В ладонях времени песок Сквозь пальцы быстро утекает, Душа за ним не поспевает. И бесполезен марш-бросок.

Нам эта данность замечать Рожденье жизни и уходы. На всё истлением природы Ложится времени печать.

Печати чёрное пятно
На разноцветном покрывале,
И чем его бы ни смывали,
В урочный час сглотнёт оно.

Но лишь в общении с Тобой Песок становится статичным, Любовью Божьей безграничной Струится в слиток золотой.

И коль сердечный разговор В нас разрешается плодами, Нетленными под временами, Оглянешься: что было с нами Не Твоего — всё жизни сор.

Отмерян времени песок. И он, сквозь пальцы утекая, Песчинкой каждой приближает Важнейший для души итог: Скопила ль золота чуток?

Осеннее

На бирюзовой глади Небесного платка, Как розовые пряди, Повисли облака.

Встаёт заря-девица От предрассветной мглы, Из прялки вынув спицы, Лучами погрузиться В холодные углы.

Всё силит обороты
Пурпурным колесом,
Льняную нить добротно
Из туч-куделей плотных
Ссучить веретеном.
Скорей покрасить пряжу

В любимые цвета Осенним камуфляжем, Покуда снег не ляжет На жухлые места.

Чтоб в снежные бураны, Когда скуднее свет, Цветные сарафаны Успеть связать к весне.

Снежинки

В силуэте фонарного света Развлекался порывистый ветер, Выдувая снежинок каскад. То бегущей строкою газетной В негативе живой киноленты Их на тёмный экран запускал.

То жонглировал ими искусно, Словно сахарной пудрою вкусной, Без возможности посмаковать. То делил их на группы попарно, В белых фраках и юбках шикарных, Чтобы в танце умело вращать.

А затем ускользнул с вечеринки, Под фонарь салютуя снежинки, И закапал серебряный снег. До зимы — только самая малость, Но сегодня снежинкам досталось: Оставлять на земле мокрый след.

Чужая

По старой памяти люблю, Спешу, переживаю... Но как мне плюс свести к нулю? Года сменили суть твою, И вижу, ты — чужая.

Корыстно-вежливый настрой Ко мне, по старой дружбе. Но смысл мерещится худой Тебе в моих словах порой, Так искажая, что хоть вой, Связь превращая в нужник.

Боль и комичность бытия Когда обезоружат, Невольно вспоминаю я Народной мудрости дитя: «Когда такие есть друзья, То и врагов не нужно!»

Молитва

Ты — моё отдохновение. Как берёз кудрявых тень Дарит путнику спасение, Скрыв от солнца в знойный день.

Как ручей водой прохладною Утоляет жажду пить, Так и Ты в дни безотрадные Подаёшь мне силы жить.

Будто птицы голосистые Услаждают пеньем слух, Так Любовь Твоя искристая Мой подпитывает дух.

Только Ты — моё терпение, Утешение в груди, Сердца моего биение, Цель конечная в пути.

Бабье лето

Серебристым напевом пташек Бабье лето будило утром, Показать, как был сад украшен Золотисто-багряной пудрой.

Рассказать: в увяданье — благо Для того, кто бессмертье ищет. Сколько нынче на ветках ягод Разным птахам дарует пищу!

Сколько радости в тёплых красках, Словно солнце в листве пылает! Те одежды в прощальных плясках Листопадом асфальт скрывают.

Не скупится на чувства осень, Раздаёт, что с весны копила, Не жалея, что время проседь Превратит в белоснежную гриву.

Облачится зимой в невесту Чистотой непорочных лилий, Чтоб весной золотые песни Белых птиц её разбудили.

Принимать благодарно осень Бабье лето меня учило. Смерти— нет, жизнь иная после, Во Христа она облачилась.

Прогулка

Скопления мерцающих созвездий Рассыпались горстями на снегу. Их клёны величаво и помпезно, Как мавры, вдоль аллеи стерегут.

А рядом в снежных шапочках-таблетках Тропинку окружили фонари, Чтоб в сумерках их светлые розетки Прохожих провожали до зари.

От фонарей наполнен блеском воздух, И небо, зазывая нас к себе, Как будто через сито сыплет звёзды, Сокровища слагая на земле.

Едва ступая звёздною аллеей, Вдруг воспаришь над млечною тропой, Но спустит вниз тебя с Кассиопеи Ком снега, заскрипевший под ногой.

Анапа

Там, где море вливается в небо, Где с волной облака срослись, Растянул месяц звёздный невод, И софитами блещет высь.

Побережья изгиб — авансцена, Мглою суетность поглощена. И величием совершенно Раскрывается тишина.

Той невысказанностью и тайной, Всей изысканностью лица, От небесного полукольца До живого морского дыханья— Всё собой прославляет Творца.

Сползает шапкой набекрень На яркий облик лунный Полночная густая тень, Как хитрый тать, бесшумно.

Берёзки жмутся ствол к стволу— Мороз, а снега мало. Их тонких веток наготу Луна не согревала,

Позолотила в темноте Своим фонарным светом. Дрожат берёзки в бедноте Зимы... и жаждут лета.

Черёмуха

Наклонилась от снега черёмуха И в безмолвье — понуро-грустна. Снег нежданно упал белым всполохом, Отступила на время весна.

На неё ты напрасно надеялась, Посулившую тёплые дни, И на ветках раскидистых дерева Протянула побеги любви.

И стоишь ты под тяжестью снежною Груз обиды не в силах сдержать...
Подбежала девчушка и вешнюю Всю стряхнула обиды печать.

Нина САВЕНКОВА

Нина Кондратьевна Савенкова – педагог по образованию. 40 лет отдала делу воспитания и обучения подрастающего поколения. Стихами серьёзно стала заниматься с марта 2018 года, после участия в городском конкурсе «Супер-бабушка», где заняла первое место за чтение своих стихов.

С 2019 года неоднократно участвовала в региональных поэтических конкурсах, где занимала призовые места.

Мы связаны нитью незримой

Мелодия весны

Ещё лежит, чернея, снег, А в душу просится весна! Она, свой набирая бег, Звенит и дышит у окна.

Серебряные ручейки Своим журчащим языком С капелью наперегонки Поют, ликуя, о земном.

Надежду дарит на любовь, Людей всех будит ото сна, Да так, что закипает кровь, Своей мелодией весна!

Время

Ты рядом со мной постоянно, Я слышу дыханье твоё, Ругаю тебя беспрестанно, Как наважденье своё.

Мы связаны нитью незримой: Секунды, минуты, года. Ты властвуешь необозримо, Как радость моя и беда.

Мне часто тебя не хватает, Порою молю: подожди! Ты мимо меня пробегаешь, Смеясь надо мной: догони!

Незримо ты тикаешь рядом, Ложишься морщинкой у глаз. И очень была бы я рада Замедлить твой бег хоть на час!

Брест

Туман клубился над рекой В тот предрассветный час. И зыбким был ночной покой, Слышны обрывки фраз.

Бродили призраки во тьме, Готовились к прыжку, Стояли танки на холме Так близко к городку.

Но крепость Брестская спала, Не ведая беду, Не чувствуя всю мощность зла Во тьме на берегу.

Мир раскололся в один миг, Горело всё вокруг. И эхом замер детский крик У материнских рук.

А крепость, словно богатырь, Встав на пути врага, Бесстрашно защищала мир От жуткого клыка.

Её героев имена Остались на стене. Их кровью вывела она В предсмертной тишине.

Игры ветра

Зима не стремится пока уходить И лёгким морозом с утра мне грозит. А ветер как будто сорвался с цепи И злой собачонкой кусает в пути,

Танцуя свой бешеный танец вокруг, Кружится неистово, рвёт всё из рук. Хотелось ему опрокинуть меня, Но сил не хватило, старался он зря!

А к вечеру вдруг разогнал облака, От жарких объятий опешил слегка, Обласканный солнцем, размяк, потеплел, И злой собачонкой быть впредь не хотел.

Подкравшись тихонько, лизнул прямо в нос И быстренько спрятался между берёз. Как будто прощенья просил у меня За то, что кусался средь белого дня.

Зимние забавы

Снежная горка сверкает под солнцем, Радует глаз небосвод. Речку морозец до самого донца Взял в ледяной оборот.

Синие тени от стройных берёзок Мягко лежат на снегу. Я кружевной бахромой их причёсок Лишь восхищаться могу.

Ветер колючий жжёт уши и щёки, Прячутся все по домам. Слышу на горке, почти у дороги, Эхо вторит голосам.

Трое детей на ледянках и санках, С ними игривый щенок, В валенках стареньких, ватных ушанках, Курточки под поясок.

Крики и хохот, полёты в сугробы, Глазки и щёки горят. Их не возьмут никакие микробы, Иммунитет у ребят!

Одиночество

Брошенный дом на пригорке, Окон пустые глазницы, Капли на сломанной створке, Словно слеза на ресницах.

Снегом его засыпает, Дождь барабанит по крыше. Он лишь печально вздыхает, Слышит, как бегают мыши.

Помнит, что жили в нём люди, Дети смеялись, играя. Помнит о них, как о чуде, Старость свою поджидая.

Тонкая рядом рябинка Жмётся к нему сиротливо, Гнётся под ветром былинкой, Видно, ей тоже тоскливо!

Партизанка Вера

Посвящается Вере Волошиной

Рывок и удар прикладом, Боль резко пронзила тело. Подняться скорее надо, Но плетью рука висела.

В небе свинцовые тучи Гнал ветер с воем устало. Ива скрипела плакуче. Она, собрав силы, встала.

Толпа палачей двуногих, За ними женщины, дети. Стыл ужас в глазах у многих: Нет казни страшней на свете.

Девушка еле живая С грубой веревкой на шее, Врагов своих презирая, Была их в сто крат сильнее!

Словно святой благовестник, Тряхнув головой упрямо, Громко запела гимн-песню, Взлетевшую над ней, как знамя.

Взмахнул офицер наганом, Но, улыбнувшись беспечно, Вера, толкнув охрану, Бесстрашно шагнула в вечность.

Прости

Успевай говорить: «Прости», Пока рядом родные, друзья. Обиду в себе не таи, Она жалит тебя, как змея.

Усмиряй гордыню свою, Коли голову надо склонить. Если чувствуешь в чём-то вину, Не гнушайся прощенье просить.

Можно поздно всё это понять, И тогда у могилки родной На коленях ты будешь стоять С непрощённой скорбящей душой.

Будет камнем на сердце лежать Запоздалая горечь вины. Не успел ты при жизни сказать Это ёмкое слово «Прости!»

Беда

Им было хорошо вдвоём В тот солнечный денёк. Тайга для них родимый дом, И рядом ручеёк.

Они резвились на песке, Мамаша и сынок, Что счастье их на волоске, Им было невдомёк.

Стальною птицею беда Спустилась вдруг с небес, И медвежонок навсегда Покинул родной лес.

Был взят детёныш для утех, На гибель обречён. Но разве для того на свет, Он матерью рождён!

Волшебный мир

Встреча с новой книгой, Как первое свидание, Захвачен весь интригою Скорейшего познания.

Про усталость забываю, Суету прошедших дней. Об одном лишь я мечтаю, Открыть книгу поскорей.

К её тайне прикоснуться Своей жаждущей душой, С головою окунуться В мир волшебный, в мир другой.

Счастье

Много ли женщине надо, Чтобы счастливой быть? Мужа любимого рядом, Деток своих растить.

Ласковый, очень надёжный, Только её всегда, Сделает всё, что возможно, Коли придёт беда!

Много ли женщине надо? Крепкий уютный дом, Звонко стрекочут цикады Вечером за окном.

Трудности, даже страданья, Женщине не страшны. Гордо несёт она званье, Матери и жены!

Танцовщица

Хрупкая фигурка, Лёгкие движенья, Платьице снегурки, В глазках — вдохновенье.

Девочка вся в танце, Им живёт и дышит. Музыку, как в трансе, Каждой клеткой слышит.

То рисует ножкой Что-то на паркете, То взлетает кошкой В сложном пируэте.

То парит, как птица, Чуть касаясь пола, А потом тигрицей Прыгает вдруг снова.

Девочка мечтает О большом балете, Но пока блистает Только в Интернете!

Сергей ГРИНБЕРГ

Пушкинские викторины

В викторинах, посвящённых Александру Сергеевичу Пушкину, мне приходилось участвовать три раза. Не могу сказать, что окончились они триумфальными победами, но и безрезультатными их тоже назвать нельзя.

В 1998 году, примерно за год до двухсотлетнего юбилея А.С. Пушкина, газета «Собеседник» объявила пушкинскую викторину. Предполагалось, что она будет состоять из нескольких туров. Каждый месяц в журнале будут публиковаться вопросы нового тура и правильные ответы на вопросы предыдущего. Здесь же будут имена трёх победителей, наиболее полно ответивших на вопросы предыдущего тура. Это промежуточные победители. А в конце по результатам всех туров будет определён победитель всей викторины.

Иногда в подобных случаях говорят (особенно те, кто рассчитывал на победу, но победителем не стал), что я, дескать, и не думал о победе, просто хотелось поучаствовать, проверить свои силы. Вот это точно подходит к тому, что я тогда подумал. Я сразу откинул мысль о своём триумфе, представив возможных участников викторины: преподаватели, филологи, деятели культуры, учёныепушкинисты. Но, прочитав вопросы первого тура, понял: некоторые ответы я знаю, другие можно поискать в книгах (четыре полки пушкинских книг на стеллаже). В общем, я решил принять участие в викторине и занялся поиском ответов на вопросы первого

Первый же тур принёс приятную для меня, жителя Кузбасса, весть. Одним из промежуточных победителей стал Г.М. Неунывахин из г. Мыски, учитель литературы, пушкинистисследователь, организовавший в школе пушкинский музей. К сожалению, Геннадий Максимович безвременно ушёл из жизни. Позже я приобрёл несколько его книг с оригинальными размышлениями о Пушкине, познакомился с его братом, писателем Владимиром Максимовичем Неунывахиным.

Когда пришли ответы на вопросы пятого тура, среди трёх победителей я увидел свою фамилию. Меня признали одним из промежуточных победителей. Конечно, это было приятное для меня известие. Другой радостью стал подарок за победу, пришедший вскоре по почте. Это была книга В.М. Фридкина «Дорога на Чёрную речку». У меня уже была его книга

«Пропавший дневник Пушкина». Я также читал его статьи, посвящённые пушкинским реликвиям. Изобретатель ксерокса, блестящий учёный-физик В.М. Фридкин много работал в разных странах, читал лекции по физике в университетах Европы и Америки. Не менее блестящий пушкинист, он везде, где бывал, искал сведения, связанные с Пушкиным, в архивах, университетах, библиотеках. Это он на бывшей вилле Зинаиды Волконской в Риме нашёл стелу с именем Пушкина - по сути дела, первый памятник Пушкину. Он побывал в родовом доме Дантесов во французском городке Сульце. Он опубликовал выдержки из дневника Каролины Собаньской, близкой знакомой Пушкина. Он искал следы пропавшего дневника Пушкина. Он встречался с потомками Пушкина, живущими за границей. Он нашёл в европейских архивах много различных документов (писем, записок, дневников, картин и проч.), связанных с Пушкиным, его окружением, его эпохой. Он, когда это было возможно, снимал копии с документов-реликвий пушкинского времени и привозил в нашу страну.

Викторина закончилась незадолго до двухсотлетнего пушкинского юбилея. Был определён победитель, а у меня победа в пятом туре осталась единственным достижением. Но для меня это достижение очень приятно и значимо, тем более, что достигнуть его было непросто. Плюс, конечно, подарок — замечательная книга, которая уже нашла своё место на пушкинской книжной полке рядом с первой книгой В.М. Фридкина.

Весной 2007 года Центральная библиотека им. Н.В. Гоголя вместе с газетой «Новокузнецк» организовала викторину, посвящённую А.С. Пушкину. В газете были напечатаны семь вопросов, связанных с жизнью и творчеством Пушкина. Всем желающим предлагалось ответить на

Жюри определило несколько победителей. Это были те, кто правильно и полно ответил на все вопросы. Я оказался в их числе.

них и переслать ответы в библиотеку.

В Пушкинский день 6 июня перед

библиотекой был организован большой праздничный Артбат. Выступали барды, рокеры, художники демонстрировали картины, поэты читали стихи, свои изделия показывали мастера керамики, деревянной резьбы, изготовители кукол. Библиотека показала книжные новинки и выставила несколько полочек с книгами, сопроводив их объявлением «Возьми себе в подарок!». На этом празднике и были торжественно объявлены победители викторины.

Не обошлось и без подарка. Всем победителям была презентована бесплатная полугодовая подписка на газету «Новокузнецк».

* * *

Ещё одна пушкинская викторина, в которой я участвовал, была необычной. Во-первых, проводилась она не организацией, а одним частным человеком. Во-вторых, участником был другой частный человек. Вот так: один организатор, один участник. Единственным участником, понятно, был я, эта викторина проводилась персонально для меня.

Организатором была замечательная женщина, наш близкий друг ещё со времён томского студенчества. Тогда все звали её Верочка, будем так называть её и сейчас. Любовью Верочки ещё со студенческих времён была русская эмиграция. Верочка защитила диссертацию, преподавала культурологию в университете.

Именно она ввела меня в мир русской эмиграции. Под её влиянием я открыл для себя громадный пласт русской культуры (прежде всего — поэзии), раньше недоступный для нас.

Для викторины Верочка выбрала тему «Зарубежная пушкиниана» — об отношении русской эмиграции к Пушкину и о пушкинских «следах» за пределами России. Мы жили в разных городах (Новокузнецк и Барнаул), и наше общение осуществлялось письмами, написанными на бумаге и отправленными по почте. Верочка прислала мне вопросы, на которые я начал искать ответы. Вопросы были сложные, некоторые требовали развёрнутые ответы на 2-3 страницы, например, «Потомки Пушкина в эмиграции и их пушкиниана»,

«Пушкиниана Набокова, Цветаевой, Ходасевича».

Спустя пару месяцев я отправил Верочке письмо с ответами. Без преувеличения скажу, что была проделана громадная работа. На несколько раз перечитаны пушкинские книги и газетножурнальные вырезки (шесть папок). Бывало, что ответ на какой-то вопрос находился случайно там, где его не ждали.

И всё-таки был один вопрос, на который я не нашёл ответа: «Кто из российских мыслителей создал свою пушкиниану в эмиграции и просил в завещании напечатать его работы о Пушкине?» Я честно признался Верочке, что имя этого философа я назвать не могу. Привёл список из нескольких фамилий русских философов-эмигрантов, которые любили Пушкина, писали о нём, и предположил, что, возможно, какаято фамилия в этом списке и является ответом на вопрос.

Как ни странно, Верочка засчитала такой ответ как правильный, потому что в моём списке был русский религиозный философ Семён Людвигович Франк.

Это он распорядился, чтобы после его смерти были изданы его труды о Пушкине. Семья С.Л. Франка выполнила его волю, и в 1957 году вышла книга «Этюды о Пушкине», куда вошли пять статей о Пушкине. (К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина эту книгу издали и в нашей стране, и мне удалось её приобрести).

Так, к обоюдному удовольствию (как организатора, так и участника), закончилась эта необычная викторина. Я ещё ничего не сказал о призе.

Верочка учредила приз, который был мне вручён в один из моих приездов в Барнаул. Это красивая кружка, на которой написано моё имя. Много лет она добросовестно работает на кухне. Она не на первых ролях, потому что со временем появляются более красивые кружки. Но совсем недавно она три месяца безотлучно была рядом со мной, поила и поддерживала меня в один из самых тяжёлых периодов моей жизни.

Сергей Гринберг Январь 2022 г.

Николай МИРОНОВ

Родился 1 января 1962 года в пос. Сарбала Кемеровской области. Вместе с родителями переехал в посёлок Малиновку. Там Николай окончил школу. Заочно учился на историческом факультете Томского университета. С 1980 по 1982 гг. — служба в Вооружённых силах СССР, затем учёба в горно-строительном техникуме Междуреченска.

Работал на разрезе «Осинниковский». Затем перешёл на шахту «Алардинская» электрослесарем подземным, где работает по сей день.

Аитературным творчеством занимается с 2009 года. Регулярно печатается в городской газете и в коллективных сборниках, выпускаемых клубом «Кедр».

Николай Александрович Миронов – член союза Кузбасских писателей, является руководителем поэтического клуба «Кедр» г. Осинники.

Участник поэтических, бардовских фестивалей.

Выпустил две книги стихов, прозы, песен: «Рассвет» и «Здесь, под звёздной россыпью».

Пацаны

О трагедии на шахте «Листвяжная» Пацаны, пацаны, пацаны К нам из шахты сквозь землю пришли, Чтобы с нами, живущими, встать, Что случилось нам всем рассказать. А случилась для всех нас беда... В шахту смена обычно пошла, Шли Виталий, Владимир, Сергей... «Ты, братан, по стаканам разлей»... Бил спасатель настойчиво в бок, И Господь их как раньше берёг, Но, видать, Он отвлёкся на миг... Вспышка... Грохот... И ужаса крик... Пацаны... Пацаны... Пацаны... Вы остались под толщей земли, Но душа ваша видит восход, Слышишь, мамка от горя ревёт? Пусть вы пали совсем не в бою, Но вам славу, шахтёры, пою, Установят над шахтою крест, Для шахтёров он как Эверест. Пацаны, пацаны, пацаны, Вот уж девять деньков и прошли... Будет сорок – душа уплывёт, Пусть она там покой обретёт. Пацаны! Пацаны! Пацаны! По стране бъёт набат в эти дни, В наших душах от боли рубец, Не стихающий траур сердец.

Позови, село родное

1. На Алтае, как подковка, На холмах стоит Ельцовка, В ней, распахнутые взору, Манят нас дворов узоры. По реке русалок стая Серебром в воде сверкает, А село, раскрыв объятья, Говорит: «Все люди — братья».

Пацаны...

Припев:
С селом всегда
И воздух, и вода,
И солнца луч,
И ветер сильный с круч.
Село стоит,
И день, и ночь не спит,
Зовёт друзей
В живом мельканье дней.

2. В нас всегда живёт былое, И коней табун в ночное, Наши школьные походы, Рек изведанные броды. Сбереги село родное, Детство в травах луговое, Юность с раннею порою, С сенокосною страдою.

Звездой сиявший на Земле

Посвящается Торбокову Степану

Он жил средь нас, вставал с зарею И за судьбу свою радел, Писал по-шорски, и порою

Казалось — он один прозрел. Повествовал, что горы - люди, И век их тоже измерим, Лыханье их идёт повсюду. И мы живём в согласьи с ним. Взмывал с маралом в поднебесье, Скользя по кромке ледяной, И предков зов услышав песней, Взрывал кай-комусом покой. Писал он просто, всем на диво, Таёжный восхваляя быт, И глас его звучал красиво, И до сих пор он не забыт... Закончились, увы, творения, И жизненный прервался путь... Но все его стихотворения В душе у нас нашли приют.

О малой Родине

1. Расцвела черёмуха, Выбелив кругом. В этом чистом облаке Вижу отчий дом. Деревца-невестушки Сквозь фату глядят, Но хочу я отыскать Только мамин взгляд.

2. Кинолентой крутится Быль далёких лет, Как просил родителей Взять велосипед. До педалей чуть достав, Ехал как-нибудь... Пыль дорожную глотал, Ветер бился в грудь.

3. Год за годом стая птиц Унесла рассвет, Развернуть бы всё назад, В бурю юных лет. Напролом с волнением, Чтобы биться в кровь... И благословение—Возродить любовь.

4. Голос детства слышится Где-то там, вдали, Из тумана прошлого, С маленькой земли... Вот и снова встретились — Не в последний раз! И росинки нежные В уголочках глаз.

Молитва

1. Пыль дорожная клубится, Вспоминается станица: У крыльца отец и мать, Вышли сына провожать. На войну ушёл сынок, Лезет лихо на порог. Но молитву шепчет мать, Веру в Бога не сломать. Припев: А ты лети, мой конь лихой, По дороге фронтовой. Не сломать казачью стать,

Лишь коня бы не загнать.
2. Казаки стоят рядами,
Скоро бой начнут с врагами,
А в глазах старушка-мать...
И волненья не унять.
Вот взметнулись шашки ввысь,
Насмерть в том бою сошлись...
Но молитва сберегла,
Мать сыночка обняла.
Припев:
А ты лети, мой конь лихой,
Ждёт вдали наш дом родной.
Ждёт отец, старушка-мать,
Мы за них шли воевать.

Малиновские зори

1. Сияют нежно зори над горами, Алмазной пылью вспыхнув над ручьём... Растаяло в них детство вместе с нами, Ушёл куда-то в дымку отчий дом. Малиновские зори вспоминая, Я босиком шагаю по траве... Малиновские зори — ширь без края, И поступи проживших на земле.

Припев:
Мы здесь с тобой родились,
Мы здесь с тобой живём,
Мы здесь душою слились
С Малиновкой вдвоём....
Она от бед хранила,
В чужбину не звала
И каждого любила,
И каждого ждала.

2. Малиновкою с детства мы согреты, Малиновки тепло всегда храним...
По всей стране Малиновки есть где-то, Но лишь одной мы в жизни дорожим.
Она учила понимать свободу,
Пронизанная верностью в любви....
Встречала нас в любую непогоду,
Грустила, когда кто-то был вдали.

Припев:

Малиновские зори над горами, Малиновские зори над ручьём... Малиновские зори детства с нами, Малиновские зори — отчий дом.

Отчего так...

Отчего так грустно и печально, Нет восторга от былых утех... И как будто прошлогодний, дальний Принимаю женщин свежий смех. Для меня он колокол набата, И куда-то, как всегда, зовёт.. Только вот тоска грызёт, ребята, И заснуть ночами не даёт. Что же так мою тревожит душу? Почему разламывает грусть? Я ответа до сих пор не слышу: И не надо... И не надо... Пусть... Видно, я чего-то не добился, И не сделал то, что я умел... Но зато пред злобой не сломился, И покорность - нет, не мой удел. Значит так: лукавить не умею, И помпезность вовсе не люблю...

То, что эмигрантом в жизни тлею, Явственно уже осознаю. Будет лучше? Этого не знаю, Лишь тошнит от всех пустых речей... Я в обнимку с Родиной страдаю И слезинки нет с сухих очей.

Усть-Кабырза

1. На фестиваль, прогнав тоску, Через Пызас и на Мрас-Су Везёт нас сказочный Пегас. Таёжный край встречает нас. В обворожительном плену, Внимаем сердцем тишину. Ты, Кабырза, Трёхречья звон, Прими от нас от всех поклон... Чтоб душу нам её понять, Мы будем песни сочинять, Слагать стихи, писать рассказ -Пусть горный дух вселится в нас... Твои раскосые глаза Мне снятся ночью, Кабырза... В горах привстал с колен рассвет, Вот здесь я был, а там вот нет... Мрас-Су закуталась в туман, Река как будто океан... И мы плывём, ища пути, Вновь Кабырзу хотим найти. 2. На свете много разных стран, Есть Парагвай, Иран, Судан, И Старый Свет кому-то мил, А я хочу набраться сил И в Кабырзу, и на Мрас-Су... Впитать в себя тайги красу. Пусть тянет груз прошедших лет, Но в Кабырзе встаёт рассвет. Он маяком одной свечи, Как миллион огней в ночи... Ну, здравствуй, здравствуй, друг и брат, Ты также бодр – я очень рад! Припев:

Всё равно, когда-нибудь... Как нам всем прожить сейчас

(Ложь с великим спросом), Каждый день и каждый час Задаюсь вопросом. Чтобы глубже не упасть В омут омерзенья, Надо что-то предпринять Для души спасенья. По культуре мор прошёл, Нет светил в помине, Стал «капустником» бомонд, Классиков нет ныне. Повсеместно нам твердят: Это модерново! Только виден пошлый взгляд, На душе хреново. Вот с таким вот багажом Нам не возродиться, Можно в жизни стать бомжом, В одночасье спиться... Продолжаем жить в тисках Злого аппарата. Всё равно, когда-нибудь, Но придёт расплата.

Вынужденный жить-4

Среда обитания для Филимона изменилась коренным образом — он оказался в армейском подразделении. В отличие от футболистов здесь были жёсткий порядок и дисциплина. Его поместили рядом с общей казармой, и только дверь отделяла его от военнослужащих. Телохранитель Филимона находился в общей казарме, рядом с этой дверью. Когда ранним утром забрезжил рассвет, какой-то, по мнению Филимона, неугомонный солдат, сновавший всю ночь по казарме, заорал во всю ивановскую: «Рота, подъём!» Было слышно через дверь, как застучали сапогами по полу солдаты.

Через пару минут вошёл телохранитель и растолкал Филимона. Он вывел его лёгкими подталкиваниями на общее построение. Солдаты стояли в строю в две шеренги, Филимон с телохранителем завершили строй но в одну шеренгу, причём на голове Филимона оказалась фуражка с подбородником, заботливо одетая телохранителем. Перед строем размеренным шагом расхаживал командир и проницательным взглядом осматривал солдатскую выправку.

Он ненадолго остановился напротив Филимона и, слегка усмехнувшись, продолжил своё мерное вышагивание. Затем от него последовала команда: «Рота налево!» Все одновременно повернули налево. Телохранитель развернул ещё ничего не понимающего Филимона также налево. После команды: «На выход марш!» все организованно стали выходить из казармы. Когда все вышли, прозвучала команда: «Бегом - марш!». Филимон оказался в хвосте колонны, и, повинуясь общему порыву, побежал за солдатами. Бегать он любил и как дикий кабан делал финты при движении. Со стороны это выглядело комично: ровный бег солдатской колонны и снующий по сторонам поросёнок в хвосте строя. Солдаты бежали по лесной дороге, запах цветущих трав пьянил сознание бегущих, насыщал силой лесного духа, вселял уверенность в свои силы и возможности. Машины ездили очень редко, поэтому пыли не было и дышалось легко.

Потом прозвучали команды: «Шагом — марш!», «Стой!», «Кругом — марш!», «Бегом — марш!», и вся колонна продолжила бег, но в обратном направлении. При этом Филимон оказался в голове колонны и возглавил её.

Солдаты не обгоняли Филимона, а бежали за ним с улыбками на физиономиях. Им хотелось что-нибудь отчебучить с Филимоном, поиграть с ним в догонялки, но бегущий рядом атлетического вида телохранитель сдерживал их азарт. Всё равно присутствие в их рядах Филимона вносило живительную струю - солдатская жизнь была не такой разнообразной, а здесь с ними находилась живая легенда страны. Все понимали, что Филимон вносит какую-то необходимость, но какую, никто толком не знал. Конечно, все видели чемпионат мира по футболу, и участие в нём Филимона не являлось ни для кого секретом, но почему звезда такого уровня находилась здесь, среди них, являлось для всех нерешённой загадкой. Вечерами солдаты и офицеры муссировали эту тему, пытаясь добраться до истины, но все попытки оказывались тщетны: Филимон не мог объяснить своё появление среди солдат, а телохранителю задавать такие вопросы даже не пытались. Он был немногословен, порой просто замкнут. Понятно

было, что он прошёл школу секретности. Офицеры пробовали уговорить его на выпивку спиртного, но тот категорически отказывался...

— Старшина, — обратился командир роты старший лейтенант Глушков к прапорщику Ахметгорееву, — ты проверь, чтобы повара кормили Филимона пищей, которую привезли с ним и ничего не добавляли лишнего. Это распоряжение сверху, и за точность его исполнения мы тоже несём ответственность, не только его телохранитель.

– Всё понятно, – не по-военному ответил прапорщик, который был старшиной роты. Всех прапорщиков в армии звали старшинами, что определяло их прослойку между солдатами и офицерами. Получив указание, прапорщик Ахметгореев отправился на кухню. Дежурным по кухне был старший сержант Чадаев, чеченец по национальности. В батальоне было две роты, и Чадаев проходил службу в роте прапорщика Ахметгореева.

Он хорошо играл на гитаре, сносно пел, а будучи «стариком» позволял себе немного и выпить. Этой ночью он как раз погулял со своими земляками, утро для него оказалось не вполне радостным. Поэтому он налил в кружку спирт и собрался разбавить его водой. Перед входом в кухню он неожиданно столкнулся с замкомбатальона по тылу майором Жиряковым и прапорщиком Ахметгореевым.

Чадаев не растерялся, поставил кружку якобы с чаем и бодро отрапортовал:

 Товарищ майор, за время моего дежурства происшествий не случилось.
 Докладывает дежурный по кухне старший сержант Чадаев!

Майор был поглощен своими заботами, поэтому рапорт принял рассеянно и незамедлительно отправился к дымящимся паром бакам с приготавливаемой пищей. Совсем другое дело было с прапорщиком Ахметгореевым — учуяв водочный запах, он решил употребить содержимое кружки.

«В случае чего сошлюсь на непонимание ситуации», — подумал он, а вслух сказал первое, что пришло в голову.

 Что-то пить охота, — сказал старшина и залпом опрокинул в рот содержимое кружки.

В следующее мгновение он замер, как бегун на старте, у которого от напряжения округлились глаза. Только широко открытый рот и внезапно остановившееся дыхание говорили об ином - бегун уже прибежал, но никак не может восстановить дыхание. Сумев, наконец, возобновить дыхание, старшина, как затравленный волчонок, оглядел кухню, но кроме баков с приготовляемой пищей так ничего и не увидел. Неожиданно его внимание привлекла деревянная бочка. Мгновенно он оказался около неё и стал жадно запихивать её содержимое в рот. Пригоршня с квашеной капустой опустела так же быстро, как и наполнилась. Следующая пригоршня также усердно стала пихаться в рот, что немало удивило обернувшегося к старшине майора Жирякова.

- Ты чего накинулся на капусту? - по-интересовался майор.

Он не видел, как тот пил из кружки, поэтому такое поведение прапорщика было необычным, но Ахметгореев с ловкостью беспризорника так рьяно ел капусту, что ответить сразу не мог по причине занятости рта.

– Да вот, капусточки захотелось, – с

трудом прожевав, ответил старшина. Глаза его страдальчески смотрели на майора и, как тому показалось, даже подёрнулись слезой.

«Ну и аппетит», — подумал Жиряков глядя на Ахметгореева. Затем его внимание опять переключилось на недельный рацион питания. Он не обратил внимания на отвернувшегося старшего сержанта Чадаева, который беззвучно дёргался от раздирающего его смеха. Взгляд на прапорщика лишь разжигал приступы этого веселья, и, в конце концов, он выбежал из помещения. Кухня продолжала работать в прежнем режиме...

«Что им от меня надо, — думал Филимон, каждое утро поднимаясь на утреннюю зарядку, пробежку. — Если бы хотели сделать спортсменом, то зачем забирать из спортивного клуба? Вся эта возня имела какую-то определённую цель — но какую?»

Прошёл месяц, и Филимон постепенно втягивался в распорядок армейской службы. Кормили исключительно хорошо. Последующие события развивались стремительно. За Филимоном и его телохранителем прибыла машина, и они отправились в дальний путь. Телохранитель приносил пищу, но Филимона из машины не выпускал. В дороге прошло три дня.

Наконец прибыли в какой-то лагерь с охраной. Поселились. Апартаменты были просто шикарными. Охрана была серьёзной, и из комнаты Филимон выходил лишь с телохранителем.

Через пару дней Филимон стал проходить медобследование, что не обошлось для медиков чередой неприятностей. Сначала Филимон разбил им какой-то прибор, затем так запутал их при замере жизненных параметров, что те недоумевали при просмотре разночтимых диаграмм. Дело в том, что Филимон научился управлять своим состоянием не хуже опытного йога.

Он мог вызвать в себе бурю, внешне сохраняя спокойствие, а мог так расслабить своё тело, что жизненные ритмы почти не прослеживались. Для Филимона это была игра, а врачи были в замещательстве и не знали, что делать в подобной ситуации. В конце концов, консилиум врачей принял решение отправить Филимона в реабилитационный центр. Филимон с телохранителем вскоре оказались в армейском санатории.

Санаторий Филимону пришёлся по вкусу. Особенно понравился ему вахтёр в их корпусе, Родион Егорович. Старик в потрёпанной бейсболке сидел на посту и стеклянным взглядом смотрел на снующих отдыхающих. Взгляд его обладал такой прямолинейностью, что порой из него можно было прочертить прямую к оконной раме и повесить бельевую верёвку. Однако народ был сильно занят на отдыхе и это «ноу-хау» так и осталось невоплощённым. Утром, когда его дежурство заканчивалось, Родион Егорович уверенной походкой шёл домой, деловито позвякивая бутылками в сумке-побирушке.

Это был его трофей, который он заслужил за небольшую услугу. Дело в том, что в корпус посторонним вход был воспрещён, но дамы проникали через «бдительного» стража, в результате чего за ночь у него скапливалось несколько бутылок «Агдама».

Вот они и «распевали» дорогой «Одиноко звенит колокольчик» при выдвижении Родиона Егоровича к стратегическому объекту под названием погреб. Он

находился недалеко от его деревянного двухэтажного дома-барака, постройки времён Сталина, где партия бутылок занимала своё место на полке. Его благоверная, Авдотья Митрофановна, про этот «трафик» не догадывалась, так как Родион Егорович заранее сделал дубликат ключей от погреба и мирно висевшие «единственные» ключи от погреба сбивали с толку старушку относительно устойчивого винного запаха от супруга.

Его пенсия честно лежала нетронутой, и Авдотья Митрофановна начала даже привыкать к устоявшемуся винному запаху, который вроде как природный стал неотъемлемым у Родиона Егоровича.

Однако когда он решил проредить густоту бутылок в погребе, то еле дошедши до дома, не смог спрятать вторые ключи в потаённом месте, вследствие чего был изобличен, а «стратегический» запас был ликвидирован.

Тяжелая утрата негативно повлияла на старика, поэтому он стал задумчивым и, вперив свой взгляд в проходящих отдыхающих, не находил в них должного утешения. Вдобавок Авдотья Митрофановна стала приходить к концу дежурства и сопровождала Родиона Егоровича весь путь до дома. Казалось, выхода не было из создавшейся ситуации. Вот и сидел он со стеклянными глазами, в которых отражалась такая глубинная утрата, что, казалось, Байкал с его глубиною мерк перед его очами.

Тут его взору представился Филимон, который мирно шёл с телохранителем, уверенно цокая по кафелю вестибюля. Внезапно мысль озарила ушлого деда, и он попросил телохранителя остановиться. «Вот и непьющий вариант», — сказал про себя Родион Егорович. Он немного заискивающе пояснил свою неприхотливую просьбу, и телохранитель, усмехнувшись, согласился припрятать скопившееся вино в комнате Филимона, чем несказанно обрадовал старика.

В это утро довольный Родион Егорович встречал отдыхающих весёлым взглядом, и эта метаморфоза не прошла незамеченной — Авдотья Митрофановна отнесла это состояние как её усилие по привлечению супруга к трезвому образу жизни.

Однако вернёмся к Филимону. Он принимал процедуры и выглядел очень ухоженным и даже с некоторым внешним лоском. Атмосфера спокойной жизни Филимону нравилась, он не выкидывал с медиками каких-либо штучек. Это очень обрадовало их, и они готовили Филимона к выписке.

Через двадцать четыре дня пришла машина за Филимоном.

Родион Егорович тепло попрощался с ним, предварительно перебазировав винные запасы в специально оборудованный закуток в подвале корпуса.

Машина тронулась и стала увозить Филимона от санатория, а Родион Егорович и часть персонала ещё стояли и смотрели вслед уникальному созданию и печаль закрадывалась в их сердца.

Филимон ехал уже не первый день, и дорога стала его утомлять. Он положил мордочку между ножками и мирно подремывал. Внезапно машина резко затормозила, послышались шум и встревоженные голоса. Кто-то настойчиво просил всех покинуть машины и удалиться на значительное расстояние.

Телохранитель Филимона открыл дверь и поинтересовался, в чём дело. А дело оказалось непростым - горела машина со взрывчаткой, и водитель отгонял всех от опасности, возникшей на дороге. Разворачивать машины времени не было, поэтому все покидали транспорт и спешно отходили назад. Сообразив, что к чему, телохранитель стал вытаскивать Филимона, но в общей давке упустил его, и Филимон оказался среди ног отбегавших людей. Он моментально юркнул под машину, затем под следующую, потом под другую. Телохранитель потерял его из вида и был вынужден отходить вместе с толпой.

Напротив, чутьё Филимона подсказывало ему бежать в противоположном направлении, навстречу источнику опасности. Пробираясь под следующую машину, он увидел лес, который поманил его к себе, и он уже хотел рвануть к нему, но тут его подхватила неведомая сила и, кувыркнувшись, он прилип с силой к баллону автомобиля. Сознание его исчезло, и он погрузился во тьму...

Сколько Филимон находился в бессознательном состоянии, он не знал, но очнулся в больничной одиночной палате. Сознание то приходило к нему, то он погружался в кромешную темноту. Когда провалы закончились, он стал вспоминать происшедшее, рассматривал потолок и стены. Особенно красив был потолок - он своей белизной затягивал его в какую-то даль, манил своей бесконечностью, и одиночество Филимона растворялась в этой необъятности гармонично и естественно. Он будто парил над землей и мог рассмотреть и больничную палату, и одиноко лежавшего в ней поросёнка, и эта возвышенность не пугала его, а заставляла по-иному взглянуть на всю его жизнь, по-иному оценить свои поступки.

Вселенское спокойствие овладело им и вместе с тем его захватило чувство уверенности и правоты в последующих деяниях. Его не смущала эта смелость. Неуверенность, как ему показалось, отступила и ушла куда-то безвозвратно. Наступило какое-то новое чувство, магия высших материй овладела им. Он лежал и прислушивался к голосу извне.

В палату вошли доктора и начали его осматривать. Медсестра записывала по-казания, которые диктовал ей доктор, а тот, в свою очередь, после осмотра остался доволен состоянием Филимона. Он, видно, был старшим среди всех и его распоряжения насчёт дальнейшего лечения принимались беспрекословно. Когда все закончилось и доктора ушли, Филимон в одиночестве продолжил изучать вновь открывшийся ему мир.

Он реально стал ощущать себя частичкой нового, чего-то более совершенного. Мир открывался ему глазами существа, постигшего что-то гораздо весомое, чем эта жизненная кутерьма, чем эти жизненные хлопоты, как путы захватывающие всё живое. Одухотворённость стала захлёстывать его.

Он парил над землёй и одновременно чувствовал связь с ней. Он лежал на кровати, и небесный мир открывал ему свою необъятную новизну. Душа его подвигалась по просторам Вселенной, постигая открывшуюся высь...

Через месяц медкомиссия списала Филимона и отстранила от дальнейших научных исследований как физически несоответствующего. Его отправили обратно в футбольный клуб. К чему его готовили, осталось тайной за семью замками, но Филимону ответ на этот вопрос и не нужен был — он интуитивно ощущал опасность этого эксперимента

и, очутившись в футбольном клубе, почувствовал лишь облегчение и моральное удовлетворение. Он опять был на стадионе и смотрел игру своих полюбившихся игроков — это ли было не счастье, оказаться среди друзей. Его начали пробовать на угадывание результатов мачта, но прогнозы ему не поддавались. После нескольких неудачных выступлений его отстранили от этих мероприятий.

В газетах появились статьи, где с упоминаниями о его былых заслугах констатировали факт утраты его способностей к предугадыванию результата матча. Конечно, газетчики тоже писали об этом с сожалением, указывали на его контузию как следствие попадания под взрыв, но факт остался фактом — Филимон оказал-

Однако у Филимона проявилась новая способность — травмированные игроки быстрее шли на поправку, когда дольше находились вместе с ним, а перед игрой и в перерыве так заряжались от него энергией, что чувствовали себя на седьмом небе.

После выхода нескольких статей о Филимоне его посетил друг Рощин. Он к этому времени ушёл из бизнеса и стал священником. Несмотря на новый наряд Рощина, Филимон его сразу узнал и радостно кинулся к нему. Рощин даже прослезился и не стал скрывать свои чувства. Он прижал Филимона к себе, и они на несколько секунд остались недвижимы. Потом, поглаживая Филимона, он ощутил прилив энергии, исходивший от него, чему был несказанно удивлён.

Встретившись с Абрамом Ивановичем, хозяином футбольного клуба, он затеял с ним следующий разговор:

- Абрам Иванович, я не понаслышке узнал, что Филимон утратил способность к прогнозу матчей. Получается, что коммерческая составляющая стала для Филимона безвозвратно ушедшей чертой. Конечно, он является талисманом для команды, но его травма не позволяет вести кочевой образ жизни вместе с командой, это лишь усугубит и так нестабильное его состояние. В данный момент он, как никто другой, нуждается в уходе и сохранении его как индивидуума. Он, я думаю, вы со мной согласитесь, заслужил достойный покой и своеобразное уважение. Прошу вас уважить мою просьбу и передать Филимона в лоно церкви. За его сохранность и внимание я отвечаю лично. Уповаю на ваше понимание.

Рощин посмотрел на Абрама Ивановича взглядом полным сострадания к Филимону, и его убедительность тронула олигарха.

— Ну что ж, так тому и быть... Убедили, святой отец... Коммерция уже не его удел, но надо отдать должное его прошлым заслугам. А они были, и немалые. Только прошу вас раз в год привозить его к нашим игрокам. Любят его наши...

На этом переговоры закончились, и вскоре Филимон, попрощавшись с футболистами, уехал на машине с Рощиным в его село. Спустя некоторое время церковь, где служил священником Рощин, стала пользоваться чрезвычайной популярностью. Многие приезжали сюда с разными хворями, но пожив в гостинице при церкви и каждодневно пообщавшись с Филимоном, уезжали в превосходном состоянии.

Слава о том, что Филимон обладает целительными способностями, далеко шагнула за пределы не только села, но и района. Всё новые и новые его свершения обрастали слухами и разного рода небылицами. Одно было точно и однозначно — земля, где жили Филимон и Рощин, приобретала статус необычности и даже священности.

«Мир входящему...»

О новом романе Сергея Павлова

Литературный процесс в Кузбассе развивается интенсивно, и усилиями нескольких поколений поэтов, прозаиков, очеркистов создана интересная и богатая по своим темам и художественным достоинствам региональная литература, откликающаяся на общенациональное движение словесности, но имеющая своё лицо, живущая своим родным миром малой родины.

Проза кузбасских писателей более всего представлена средними и малыми жанрами — это сборники рассказов, повестей, очерков, документальных повествований.

Романов в кузбасской литературе пока очень мало. Старшее поколение — Г. Молостнов, А. Волошин, Г. Немченко — это наши уважаемые романисты первого поколения, выросшие в эпоху социалистического реализма с его вниманием к рабочей теме, бурным стройкам века, производственным конфликтам.

Наше время рождает интерес к другим темам, которые связаны с обращением к прошлому родного отечества, к традициям, многовековой духовности, которую хранил и продолжает сохранять народ.

Сибирский, кузнецкий этнос в этом отношении особый, далеко ещё не открытый в нашей литературе, художественная история наших предков, первых поселенцев, аборигенов ещё не написана.

Кузнецкий край изучали и изучают этнографы, историки, экономисты, но литература даёт совершенно другой срез жизни, поскольку она открывает духовный мир человека. И если это человек далёкой эпохи, то писатель соединяет время, смотрит на прошлое из настоящего времени, вовлекая читателя в постижение духовной связи поколений.

Но написание добротного романа, не расхожей беллетристики для «транспортного» чтения, а художественного текста, требующего от читателя интеллектуальной работы, диалога с автором, далеко не простое дело.

Вызревание романной формы требует очень долгого накопления материала, художественной зрелости, отчётливо сформированного стиля и ясной жизненной позиции, без которых эпос не может состояться как особый художественный взгляд на мир и человека в мире.

Первая книга романа Сергея Павлова «На изломах крестьянского тракта...» («Кузбасская сага») — итог серьёзной и вдумчивой работы. Охватывая большой исторический промежуток времени, автор обратился в нём к далёкой истории Кузнецка, старых деревень нашего края.

Вымышленное повествование о судьбах нескольких семей, осевших в сибирской деревне, составляет прочную сюжетную основу романа.

Крестьянский сибирский быт представляет во всех подробностях, с колоритно вписанным укладом семей-

ной жизни, хозяйственного устройства. С увлечением читаются страницы о деревенской молодёжи, о крестьянских обычаях, забавах и повседневном труде.

Лица героев вписаны с любовью, интересны разнообразием характеров, жизненных позиций, целей, а природа в романе до боли знакома любому сибиряку.

Как и свойственно эпосу, мир деревни представляет во всей парадигме отношений крестьянской общины, в которой есть прочные ценностные ориентиры, сформированные православной верой, есть социальные нормы и своя героика, есть свои отношения с природой, суровой и прекрасной, у которой надо отвоевать место для жизни и которую надо любить за благодатные поля и лесные богатства.

Этот мир хранит память о своих предках, в нём живут свои легенды.

Мотивный комплекс романа очень богат: приезд нового поселенца и мужская крестьянская дружба, рекрутчина с войной и крестьянский роман, судьбы непутёвых детей общины, деревня и город.

Неторопливое повествование связывает эти мотивы в чёткое завершённое целое. Из нашего времени автор вспоминает о тех, кто заселял наш край, кто был первопроходцем.

Авторская позиция спокойна, без излишней эмоциональности и мудрствований, только изредка в описаниях природы, в финалах эпизодов, как, например, с нападением волка, проглянет внимательный и вдумчивый повествователь или историк, напоминающий вехи общероссийских событий.

Отмеченные художественные достоинства романа Сергея Павлова, который по авторской задумке должен состоять из пяти книг, уже в первой из них — «На изломах Крестьянского тракта...» позволяет считать, что это произведение — настоящее большое эпическое полотно, с многоголосым языком, с объёмной картиной мира сибирской деревни, жизнь которой представлена в течение целого века.

Роман читается со вниманием, увлекательно. Особенно дорого, что действие романа происходит в нашем родном крае, а при чтении узнаются известные топонимы нашей малой родины, земли Кузнецкой.

Роман, несомненно, будет интересен читателю, и в развитии литературы Кузбасса он должен занять достойное место как произведение, написанное уже в другую — новую эпоху развития нашей культуры.

Л.А. Ходанен, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и фольклора Кемеровского государственного университета, академик Международной славянской академии.

POCCHINA POCCHINA

Сергей ПАВЛОВ

9 мая 2020 года преждевременно (на 68м году) ушёл из жизни один из ведущих кузбасских прозаиков Сергей Михайлович Павлов. Хотя непосредственного сотрудничества с редакцией ЛХГА «Усятская россыпь» при жизни у Сергея Михайловича не было, тем не менее, имя его читателям Альманаха и сотрудникам редакции было известно, поскольку отдельные положения литературно-творческих разработок Сергея Михайловича использовались авторами «Усятской россыпи».

В частности, в рассказе «Трагедия усятских святынь», опубликованном в ЛХГА, № 2, в мае 2007 года, Анатолием Гуляевым (автором этого рассказа) была взята за основу разработка Сергея Михайловича Павлова по теме излагаемого в рассказе.

В литературоведческой разработке «Окончание следует», опубликованной в ЛХГА «Усятская россыпь», № 17, увидевшей свет в конце апреля 2020 года, буквально за 10 дней до смерти Сергея Михайловича, автор статьи, прокопчанин Вячеслав Иванович Елатов, ведёт разговор о романе Сергея Павлова «Кузбасская сага».

Сопоставляет его с аналогичными большими разработками других авторов — Юрия Германа, Александра Солженицына, Фёдора Достоевского и других известных российских писателей: «... Мы не знаем, о чём пишет сегодня автор «Кузбасской саги». Но нам известен в общих чертах контекст отечественной литературы для этого впечатляющего художественного полотна.

ожественного нолотна. Это не тот случай, когда раму для будущей картины не готовят загодя: четыре пятых её содержания нам уже представлено. Людмила Ходанен, повторюсь, уже после первой книги предсказала: «В развитии литературы Кузбасса роман должен занять достойное место».

Наряду с другими своими разработками, увидевшими свет в конце апреля 2021 года в № 18 ЛХГА «Усятская россыпь», в заключительной части новых своих литературоведческих разработок, в отдельной информации, под заглавием «...Он оставил нам» Вячеслав Иванович Елатов сообщает своему читателю: «Третий выпуск журнала «Огни Кузбасса» (2020) с прискорбием известил читателя о кончине автора «Кузбасской саги». Коллеги особо отметили, как много значило для Сергея Павлова его главное литературное детище: до конца своих дней он продолжал работать над его завершением.

Мы не знаем, на какой стадии был остановлен этот самоотверженный труд. Мы не знаем, в каком виде будет оформлена заключительная публикация: подготовленный автором эпилог или готовая вчерне рукопись пятого тома романа, переписанные автором набело отдельные фрагменты или разрозненные черновые наброски... Первейшей становится задача сохранить и донести до читателя в целости и неприкосновенности всё, что легло на бумагу из-под вещего авторского пера...»

Сергей Михайлович Павлов родился 14 июня 1952 года в городе Белово Кемеровской области в семье шахтёра. В 1974 году

окончил филологический факультет Кемеровского госуниверситета (очно), в 1982 году — Новосибирский филиал Свердловского юридического института (заочно). Работал учителем в общеобразовательной школе, редактором многотиражной газеты шахты «Чертинская» в городе Белово, двадцать лет прослужил в органах МВД (в основном, в следствии), подполковник милиции в отставке.

Награждён несколькими медалями МВД РФ. Являлся лауреатом премий:

- 2008 год областного литературного журнала Союза писателей России «Огни Кузбасса»:
- 2008, 2011 годы ...«Энергия творчества»; 2014 год областной литературной премии имени А.Н. Волошина.

Писательской деятельностью начал заниматься с середины 1980 годов, первые свои рассказы и очерки публиковал в городских и областных газетах Кузбасса.

В 2000 году были опубликованы первые рассказы Сергея Павлова («Из жизни окурков» и «Землячка») в областном литературном журнале-альманахе «Огни Кузбасса». С тех пор он являлся постоянным автором этого журнала.

В 2001 году за работу над очерками о политических репрессиях над священнослужителями на территории Кемеровской области и подготовку к изданию трёх книгочерков по этой теме Сергей Павлов был награждён митрополией Кемеровской епархии Русской Православной Церкви орденом святого благоверного князя Даниила Московского (3-й степени).

В 2003 году на конкурсе МВД России, в номинации «Художественная литература и искусство», книга Сергея Павлова «Мафиёза» была отмечена дипломом побелителя.

В 2004 году, в этой же номинации конкурса МВД России, был отмечен дипломом победителя очерк Сергея Павлова «Жизненное поле Николая Рюмина».

Сергей Михайлович Павлов — автор 16 художественных книг, активно занимался и журналистикой, являлся членом Союза журналистов России и членом Союза писателей России. Был женат, имел двоих сыновей. Большую часть своей трудовой жизни прожил и проработал в городе Кемерово.

Об авторе — с обложки книги Сергея Павлова «Комплекс подмастерья», повести и рассказы: Кемерово, Кузбассвузиздат, 2005:

из доступной информации Википедии Интернета и собственных материалов редакции ЛХГА.

Случайная встреча

Дембель Паша Крюков летел домой. Впрочем, ещё не летел, а только намеревался, но, похоже, прочно засел в Краснодарском аэропорту: его рейс отложили на четыре часа.

Цивильная одежда надёжно укрывала его от военных патрулей, но голова с короткой стрижкой явно компрометировала, и тогда он купил в одном из киосков бейсбольную фуражку и натянул её по самые уши. Едва решил одну проблему, как дала знать о себе другая — его стал одолевать голод.

Дембельский завтрак, которым его накормили на прощание друзья-сослуживцы и прежде всего Витька по прозвищу Кок, к этому времени остался уже в виде вкусного воспоминания... Борщ с мясом, гарнир из гречки, мясо в кисло-сладком соусе, кофе! Чёрт, кого же это Витька так кормит?

Наверное, офицеров, потому как дембелю такой завтрак положен всего один раз — на дорожку...

Не имея больше сил и желания бороться с голодом, Павел пошёл в ресторан аэропорта.

После второй рюмки водки его бросило в жар и охватило давно забытое чувство сладкой истомы. Память его то воскрешала в воображении сослуживцев тех, что остались служить, и тех, кто уже дома, а то вдруг у него перехватывало дыхание от одного только представления, какой праздник ждёт его дома: мама, подружка Света, ребята...

Он налил ещё рюмку, намереваясь отправить её вслед за первыми двумя, но в это время к его столику подсел мужчина средних лет. Невысокого роста, худощавый, с измождённым лицом революционера-демократа середины девятнадцатого века, он был заметно пьян, но, видимо, душа его ещё желала, и он стал сми-

ренно ждать того счастливого мгновения, когда официант наконец обратит на него внимание.

Он сидел грустно, потупив взор, и было видно, что его не интересовал ни сосед по столу, ни оркестр, играющий громко и плохо, ни сам ресторан. Но со всем этим он был готов мириться, поскольку только здесь он мог получить долгожданную и желанную порцию водки, а её всё не несли...

Паша задержал рюмку у рта и стал ненавязчиво рассматривать своего нового соседа: ему показалось его лицо знакомым. Напряг свою память — не помогло, тогда он выпил отставленную было рюмку и снова взглянул на мужчину: положительно, он его где-то видел, причём сравнительно недавно.

Но последние два года жизни Паши были тесно связаны с солдатской казармой, где лишние знакомства не предусмотрены. Редкие увольнения в город были скучны и однообразны — вспомнить нечего: кафетерий, кинотеатр, горсад. Но где же он видел этого человека? По существу, Паше было всё равно, кто есть его сосед, но слегка подогретый спиртным, а главное, не зная чем себя занять в промежутке между рюмками, он продолжал сверлить глазами «демократа» и терзать свою память, но она предательски молчала.

Между тем мужчина, чувствуя на себе бесцеремонный взгляд парня в бейсболке, что-то прорычал, выражая недовольство, кинул взгляд на перегородку, за которой скрылся официант, затем, ухватив свою бороду в кулак, тупо уставился на пустую рюмку, стоявшую перед ним. Но ничего не изменилось в этом мире: официант не появлялся, а рюмка оставалась пустой, зато незнакомец в дурацкой кепке с длиннющим козырьком упорно продолжал его изучать. Тогда он, не в силах больше сдерживать раздражение, в упор

глянул на любопытного парня и утробно рыкнул:

- Hy-y!?

Это неопределённое и угрожающее «ну» словно послужило командой для его визави: он торопливо схватил графинчик и плеснул водку в рюмку забеспокоившегося «демократа». Последний, продолжая тискать свою бороду в кулаке, недоумённо смотрел на рюмку: метаморфоза, постигшая её, явно его обрадовала. Взгляд его заметно оживился и перебрался на Пашу.

 Вы очень любезны, молодой человек!

Сказал он это громко, но получилось как-то невнятно, скороговоркой, словно человек набил свой рот кашей и ни за что не хотел с ней расставаться. Но Паше было достаточно того, чтобы через эту невнятную скороговорку он вспомнил этого человека.

- Борис Иванович, вы?!

Мужчина, потянувшийся было к рюмке, на полдороге приостановил своё движение и, чуть привстав, представился, приложив руку к своей впалой груди:

Аз есмь Селютин Борис Иванович!
 А разве мы знакомы? Пардон, не помню...

Борис Иванович, меня зовут Паша, Крюков Павел я, - торопливо заговорил солдат. – Вы в прошлом году в нашу часть приезжали, к лётчикам, помните? Там были поэты, писатели... Вы стихи свои читали, и я свои прочитал, а потом я гидом был у вас - водил вашу группу по части: столовая, спортивный городок, баня, музей... Помните? Только тогда вы были... м-м... немного другой... - мимолётный взгляд поэта заставил Пашу поторопиться с объяснением: - Вот тут у вас н-ничего н-не было... вы были лысый, — он провёл рукой поверх своей бейсболки, но усы и борода были, это я точно помню...

- Оч-чень может быть, молодой че-

ловек, — мужчина с вожделением смотрел на рюмку с водкой и беседу вёл как бы между прочим. — Вы позволите? — И, не дожидаясь ответа, он лихо опрокинул рюмку в свой густо обросший тёмным, с большой проседью, рот. Отломив кусочек чёрного хлеба, что лежал в хлебнице, он понюхал его, шумно втягивая носом, и только потом кинул в рот. Когда со скромной закуской было покончено, он заговорил:

 Нуте-с, молодой человек, а теперь давайте заглянем друг другу в душу!

Он сказал это с таким напором в голосе, что Паша застыл в растерянности, ожидая, видимо, что сейчас его будут препарировать как лягушку.

- А я вот тут друга провожал на самолёт, Селютин сделал какой-то неопределённый жест рукой в сторону и продолжил: Он улетел, а я вот здесь приземлился. А почему мы не пьём?
- Да-а, конечно, засуетился Паша, снова хватаясь за графинчик.
- За нашу случайную встречу! картинно и чуть нараспев произнёс Борис Иванович, почти совсем так, как это сделала блондинка из фильма «Брилиантовая рука». Выпили. Паша попытался пододвинуть тарелку со своей ещё не до конца растерзанной закуской ближе к сморщившемуся от водки собутыльнику, но тот молча покачал головой и снова отщипнул кусочек чёрного хлеба:
- Водка хороша сама по себе, её не надо прихорашивать различными деликатесами, а кто этого не понимает тот настоящий жлоб! И он продолжил свою пуританскую трапезу.

Пользуясь тем, что его собеседник взял невольную паузу на лёгкий перекус, Паша быстренько отыскал в своём дембельском чемоданчике маленькую книжицу стихов «Рассветные зори» и положил её на стол перед Селютиным, который к этому времени уже перестал

жевать. Увидев свою книжку, поэт снова утробно зарычал, явно выражая своё удовлетворение, а прочитав надпись, оставленную им более года назад, воскликнул восторженно:

- Здравствуй, Паша! Здравствуй, солдат! - И полез обниматься. От этого крика Паша невольно поёжился и испуганно зыркнул по сторонам: патруля, к счастью, видно не было...

 Борис Иванович, – умоляюще зашептал Паша, - только не надо громко, что я солдат... Я ведь в гражданке, меня же патруль на губу посадит!.

 Не дрейфь, старик, – успокоил его Селютин и, встав из-за стола, закричал замаячившему вдалеке официанту: - Гарсон, водки сюда! Солдат и поэт пить будут!

На этот раз Паша едва не спрятался под стол, но патруль опять не появился, а выпивка меж тем продолжалась, и теперь уже каждый в зале знал, кто гуляет за столиком у окна.

...Уже дважды официант обновлял содержимое их графинчика, и когда Пашин кошелёк освободился от последних купюр, поэт вынул из недр своего чересчур свободного пиджака стопку десятирублёвок и небрежно кинул их на

- Гуляем, Паша! Я вчера или позавчера... не помню, да это и не важно, получил гонорар за новую книжку, посидели вот тут с друзьями, они улетели, а я вот тут... А ты знаешь, молодой человек, что есть такое книжка для человека творческого? А-а! Это праздник, это... этап в его творчестве, в его жизни! Ты вот думаешь, что мы сейчас с тобой просто пьянствуем, ан, нет, молодой человек, ошибаетесь - это этапное мероприятие!

 Так что же, Борис Иванович, вы уже второй день гуляете... э-э этапно?

- К чему ирония, солдат? А если ты хочешь знать истину, то я гуляю вторую неделю. Это на гонорар я пью второй день... А что делать?

– А дома как же? А жена?

- Павлик, семья - это важно, это оччень важно, но поэзия - святое дело, и за него я готов отдать всего себя по капле! Взамен этого я готов получать из этого сосудика, - он легонько постучал по графинчику, - своеобразную компенсацию. Так и живём!

Он немного помолчал, пытаясь найти утраченную нить разговора. Кажется, нашёл, а потому заговорил вновь:

Я сейчас нахожусь в творческом запое, и семья это прекрасно знает. Таков уж аз есмь - поэт Борис Селютин!

Последние слова он хотел произнести стоя и с пафосом, но Паша предупредил его порыв и, слегка придавив к столу, коротко бросил:

- Выпьем? А-а, это другое дело, – быстро согласился поэт и стал искать глазами пустую рюмку. – А вот ты, солдат, знаешь, почему я тогда у вас в части был лысый? Думаешь, лето было, жарко? А вот фигушки тебе? - и он показал Паше костистую дулю. – Я тогда проиграл Мишке Баранову в шахматы... Играли на бутылку, но денег у меня не было, вот он, поганец, заставил меня... наголо, - и его худые, длинные пальцы красноречиво изобразили над взлохмаченной головой некое круговое движение. - А что, я плохо выглядел? Нет, ты скажи, не бойся! А-а, но ты же помнишь, что и Маяковский лысым ходил, и Горький, и Горбатов, а Серафимович вообще был гладким, как моя коленка. А вкупе с ними и ваш покорный слуга...

Потом они выходили курить на улицу и снова возвращались в душный и шумный зал. По пути Паша обнаружил, что его рейс снова перенесли на четыре часа «по метеоусловиям Новосибирска». Поняв, что «сладкая парочка» - поэт и солдат - здесь надолго и деньги у них есть, официант проникся к ним особым уважением, освежил столик и пожелал приятного времяпрепровождения. На свежем воздухе Селютин взбодрился и был готов продолжать посиделки до утра.

- Борис Иванович, может быть, я вас провожу домой, а то жена будет ругаться, - начал было Паша, но его новый друг только покачал головой в ответ:

- «Что стоит ругань женщины, когда в беде товарищ...»

Понимаешь, Павлик, не могу я тебя бросить здесь одного, не могу, иначе ты, мой маленький сибиряк, немедленно будешь раздавлен этим чужим и злобным миром, и он приник головой к Пашиной груди на уровне пупка. Чуть успокоившись, он выпрямился: - Вот засуну тебя в самолёт, благословлю в счастливый путь... А сейчас мы вернёмся в зал и будем пить водку, читать стихи и говорить о вечном...

И говорили, и читали, и пили, а между тем услужливый официант доложил, что рейс до Новосибирска отложен в очередной раз на два часа. А когда ресторан закрыли на «санитарный час», они, расстелив на диване в зале ожидания газетку и подложив в изголовье дембельский чемоданчик, отдыхали. Целый час их никто не тревожил, пока, наконец, у молодого сержанта не лопнуло терпение и он не принялся довольно бесцеремонно тормошить утомлённых друзей:

- Господа, или как вас там... Здесь спать не полагается, прошу пройти в гостини-

- Паша, - проговорил Селютин, отрывая голову от чемодана, - видимо, «санитарный час» уже закончился и нас приглашают к барьеру... бр-р... к столику.

- Борис Иванович, - крупно зевая, проговорил Паша, - вам, наверное, тяжело - всё-таки две недели?

- Мой юный друг, ты подозреваешь, что я пьян? Да если ты хочешь знать, то я ещё мог бы перепить весь твой взвод вкупе! — он подумал мгновение и поправился: - Нет, взвод, наверное, я сейчас уже не осилю, а вот отделение! Ты можешь меня подозревать в том, что я пьян, когда я начну говорить по-немецки...

– Как, вы и по-немецки говорите?

- Иногда, старик, - смущённо ответил поэт, - когда я пьян чертовски!

Оказавшись в ресторане, они продолжили разговор на русском языке. Лишь к обеду была объявлена посадка на Пашин самолёт. Провожая нового друга в отстойник, Селютин сунул ему в карман 50 рублей со словами:

Дембель должен возвращаться домой или пешком, или на такси - не позорь

Паша улетел из Краснодара, очарованный встречей с поэтом, а в его чемоданчике появилась ещё одна книжка поэта Селютина с автографом: «Паше от Бори. В память о нашей случайной встрече. Краснодар».

Что же сблизило этих мужчин, таких разных и в чём-то близких? Возможно, то, что они оба служили в армии, хотя и в разное время, а может быть, то, что они оба любили стихи, но, скорее всего, потому, что это была встреча двух одиночеств в суетливом и чужом для них мире. Один из них жил предвкушением близкого праздника от встречи с родным домом, другой же - неостывшими воспоминаниями о новой книге и её презентации. На короткий миг они встретились, узнали друг друга среди тысяч людей, и возникла эта духовная близость внезапно, ярко, неодолимо, чтобы потом вспоминаться всю жизнь СВЕТЛО...

...Самолёт взял курс на восток, унося с собой сладко дремавшего в кресле дембеля Советской армии Пашу Крюкова, а внизу, в ночной тиши аэропорта, поэт Борис Селютин остановил такси и поспешил домой. Он был слегка пьян и утомлён, но ему было хорошо...

Землячка

Так получилось, что в советские времена служебные дела неоднократно приводили меня в славный город Львов. Жил там мой старый товарищ, Виктор, который привёз себе жену из нашего сибирского городка Топки. Так и было: они приезжают в Сибирь – гостят у меня, я приеду во Львов – бываю у них. В тот раз всё было, как всегда. Едва устроившись в гостиницу «Турист», я не утерпел и позвонил Виктору: снова здесь, днём решаю служебные вопросы, а вечером жди...

В просторной и на удивление уютной кухне меня ждал богатый стол, славная горилка и приятные во всех отношениях хозяева. Разговоры, тосты, воспоминания. Уже второй графинчик подставил нам свои запотевшие бока. Застолье так и затянулось бы до утра, что уже было не раз, но так случилось, что уже рано утром мне нужно было улетать и ночевать я должен был в гостинице...

Провожал меня Виктор. Была дождливая осенняя ночь, но сияние городских огней, хорошее настроение, поднятое приятными воспоминаниями и щедро сдобренное знатной горилкой, не давали повода для уныния. Прощались легко, весело, как бывает тогда, когда люди верят, что новая встреча не за горами и всё у всех будет хорошо. Поймав частника, Виктор пожалел, что деньги оставил дома, а потому не мог расплатиться за меня, но на прощание шепнул:

 До гостиницы такса три рубля. Больше не плати – не сбивай цену!

В машине рядом с шофёром сидела молодая красивая женщина. Видимо, Виктор успел назвать шофёру мой конечный адрес, потому как водитель, не задавая вопросов, уверенно повёл машину по ночным львовским улицам. Какое-то время я мысленно возвращался в оставленную квартиру Виктора и Валентины, улыбался, вспоминая отдельные эпизоды нашего разговора. Несмотря на такие «уходы», я услышал как шофёр по-украински, чтото сказал женщине, и она обратилась ко мне на чисто русском языке:

Вам прямо к гостинице или гле-то рядом живёте?

— Нет-нет — в гостиницу, — отозвался я, и уже в шутку добавил, - четвёртый этаж, пожалуйста...

Весёлый смех женщины был мне наградой за шутку. Шофёр улыбнулся глазами в зеркале заднего вида и отозвался

Зробым!

Хорошее настроение переполняло меня и не давало покоя: мне хотелось хохмить, смеяться, говорить комплименты.

Я, наверное, вам хлопот доставил? для завязки разговора спросил я.

 Нет, что вы, – охотно откликнулась женщина. Похоже, её переполняли такие же чувства и ей тоже хотелось поговорить. - Мы живём совсем рядом с гостиницей, и гараж под окном...

- Я, конечно, дико извиняюсь, как говорит Аркадий Исаакович, но уж очень странно слышать на самом западе Украины русскую речь, да ещё с сибирским говором...

 А я из Сибири! — бойко ответила женшина.

- Ой, только не надо мне говорить, что вы из Кузбасса... - тоном Остапа Бендера произнёс я и шутливо отмахнулся.

Да-а... – удивлённо протянула моя собеседница и всем телом резко повернулась ко мне.

Меня уже понесло, и я продолжал зубоскалить напропалую.

- А вы ещё скажите, что вы из Кемерова, и тогда я пойду дальше пешком...

- O-o! - от неожиданности у неё, похоже, даже голос пропал, а глаза заметно округлились. Заметив, какие метаморфозы происходят с женой, шофёр даже притормозил и поехал тише.

Землячка! — не удержался я от удивлённого возгласа.

Действительно, это было похоже на маленькое чудо: ночью, в чужом далёком городе, за несколько тысяч километров от родного дома встретить земляка?! Да ещё лучше – землячку!

Придя в себя после некоторого потрясения от этой неожиданной встречи с земляком-сибиряком, женщина дальше говорила без умолку всю дорогу, поведав, что она - кемеровчанка, несколько лет назад вышла замуж за Мыколу – выпускника Кемеровского мединститута и приехала с ним во Львов... А там, в Кемерове, на бульваре Строителей, у неё живёт родная сестра...

Разговор так и шёл в шутливо-восторжественном тоне. Казалось, мы знаем друг друга целый век, и вообще, все люди братья...

Ой, как здорово, что я вас встретила... А вы не могли бы ей позвонить и передать привет от Гали, от меня значит... А её зовут Нина. Скажите, что у меня всё в порядке, следующим летом приедем в гости. А то, знаете, звонить дороговато, а писать письма неохота. И она почему-то молчит. Вот её телефон... Запомните?

Номер названного телефона плотно лёг в мою память, но что-то неуловимое в разговоре неприятно резануло мой слух и слегка остудило радость нечаянной встречи. Что? Ах, да, «дороговато...», «неохота...», но всё же я нашёлся и пошутил:

Усе разумив — усе зробым!

Шофёру-украинцу, похоже, понравился мой экспромт на его языке, и он громко засмеялся, поддержанный супругой. И только тут я заметил, что мы стоим у высокого крыльца гостиницы. Свет её неоновых огней позволил мне лучше разглядеть своих попутчиков.

Уже открывая дверь, я, скорее из вежливости, спросил:

- Чем обязан за столь приятную поездку?

 Всего три рубля! – также бойко, не переставая улыбаться, объявила Галина и слегка подтолкнула мужа в плечо, словно предупреждая его возражение.

«Вот тебе и землячка», - чуть не вырвалось у меня от досады.

Сдержался. Молча отдал три рубля и, сухо попрощавшись, вышел из машины. Хорошее настроение стремительно покидало меня. Говор-то у Гали оставался ещё сибирский, но хватка – уже западная. А запад деньги любит!

Уже в гостинице я пытался вспомнить номер телефона её кемеровской сестры, но тщетно: моя память молчала...

Кемерово.